

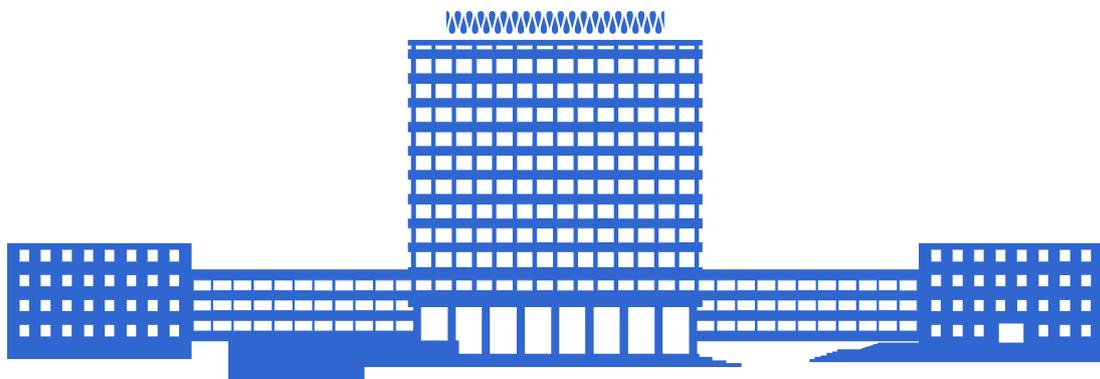
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 13 Выпуск 4 (38) 2017

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал /
отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2017. – Т. 13. – Вып. 4 (38). –
138 с.

*Печатается по решению Ученого совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 8 от 21 ноября 2017 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 83001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 13 Выпуск 4 (38) 2017

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2017

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 13 Issue 4 (38) 2017

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 13, Вып. 4 (38), 2017

Германские языки

- Карасенко Е. А.* Особенности номинации лица в средневерхненемецком языке на материале средневерхненемецко-латинских языковых параллелей..... 5
- Трофимова Е. В., Войтенко Е. Ю.* Оценочный компонент в семантике английских фразеологических единиц с лексемами, обозначающими названия стихий..... 12

Романские языки

- Жебеленко О. Г.* Семантические особенности французских фразеологизмов-аргоизмов с компонентом соматизм..... 23

Типологические и сопоставительные исследования

- Ветрова Э. С.* Сопоставительный анализ единиц речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах..... 32
- Воробьёва О. С.* Атрибутивные глаголы в семантической системе английских фразовых и русских приставочных глаголов..... 51
- Герасименко И. А.* Национально-культурная составляющая семантики фразеологических единиц в разноструктурных языках..... 71
- Гончарова К. Д.* Полисемия колоронима 'серый' в английском, немецком, русском и украинском языках..... 80
- Корнилова Т. В.* Структурно-прагматические особенности слоганов рекламы бытовых товаров в английском, русском и французском языках..... 87
- Писарева В. В.* Рефлексивные глаголы с полной и частичной однореферентностью актантов в сопоставительном аспекте..... 102

Методика преподавания иностранного языка

- Merkhelevich G. V.* Principles of ESL Teaching to University Professors as Seen by Native and Non-Native Educators..... 114

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 13, Issue 4 (38), 2017

Studies in Germanic Languages

- Karasenko E. A.* Person Nomination in the Middle High German Period on the Material of the Middle High German and Latin Language Parallel Pairs..... 5
- Trofimova E. V., Voitenko E. Yu.* Evaluative Component in Semantics of the English Phraseological Units with Lexemes, Denoting the four Elements..... 12

Studies in Romance Languages

- Zhebelenko O. G.* Semantic Features of the French Phraseological Argot Units with Somatism Components..... 23

Typological and Contrastive Studies

- Vetrova E. S.* Comparative Analysis of Speech Etiquette Units in the Lezghian and Ukrainian Linguocultures..... 32
- Vorobeva O. S.* Attributive Verbs in Semantic System of English Phrasal and Russian Prefixal Verbs..... 51
- Gerasimenko I. A.* National and Cultural Component in Semantics of Phraseological Units in Languages of Different Structure..... 71
- Honcharova K. D.* Polysemy of the Colour Term 'Grey' in the English, German, Russian and Ukrainian Languages..... 80
- Kornilova T. V.* Structural and Pragmatic Peculiarities of Slogans in English, Russian and French Advertisements of Household Goods..... 87
- Pisareva V. V.* Reflexive Verbs with Full and Partial Monoreferentiality of Actants in the Comparative Aspect..... 102

Methods of Language Teaching

- Merkhelevich G. V.* Principles of ESL Teaching to University Professors as Seen by Native and Non-Native Educators..... 114

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.2'04:81

© 2017 Е. А. Карасенко

ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКО-ЛАТИНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

В представленной статье проводится исследование средневерхненемецких производных слов – наименований мужчин, образованных с помощью суффикса -er, и их латинских соответствий. Осуществлён комплексный анализ структурных и семантических особенностей существительных, именующих мужчин, а также установлена взаимосвязь между средневерхненемецкими и латинскими параллелями. Определено влияние латинского языка на развитие средневерхненемецкого суффиксального словообразования.

Ключевые слова: средневерхненемецкий язык, латинский язык, словообразование, суффиксальные дериваты, мотивация, семантика.

© 2017 E. A. Karasenko

PERSON NOMINATION IN THE MIDDLE HIGH GERMAN PERIOD ON THE MATERIAL OF THE MIDDLE HIGH GERMAN AND LATIN LANGUAGE PARALLEL PAIRS

This paper concerns itself with the analysis of the Middle High German derivatives with the suffix -er denoting males. The parallels between the derivatives denoting males in Latin and Middle High German have been described, the structural and semantic connection between them has been analyzed, the influence of Latin on the development of the Middle High German suffix word-building has been identified.

Key words: Middle High German, Latin, word-building, suffix derivation, motivation, semantics.

1. Предварительные замечания. Значение суффикса *-er* в системе номинального словообразования на всех этапах развития немецкого языка очевидно, поскольку активное образование производных наименований мужчин (далее – НМ) с древневерхненемецкого периода и по сегодняшний день происходит именно благодаря этому словообразовательному компоненту [Klein, 2009: 82; Wellmann, 1975: 56-99]. Этим обусловлен постоянный интерес лингвистов-дериватологов к его появлению, развитию и функционированию в германских языках [ср.: Grimm, 1991; Scherer, 2005].

Исследуя лексические единицы предыдущих периодов развития языка, следует учитывать тот факт, что каждое производное слово имеет значение, которое зависит от мотивирующего слова. Однако, если семантическая мотивация не может быть

установлена на материале исследуемого языка, особую значимость приобретают языковые параллели с другими языками, близкими в той или иной степени к языку исследования [Grimm, 1991: 143].

Безусловно, анализируя любой европейский язык периода Средневековья, в том числе и средневерхненемецкий (далее – свн.), следует отметить существенное влияние латинского языка на его развитие, поскольку латинский язык играл существенную роль в жизни средневекового общества. Учёные [Бах, 2003: 100] неоднократно отмечали доминантное положение католической церкви в Западной Европе в эпоху Средневековья, а языком церкви тех времен была именно латынь. Письменный язык, прежде всего на раннем этапе своего развития, в значительной степени зависел от латыни, на это обращают внимание исследователи как средневерхненемецких, так и ранненоверхненемецких рукописей [ср.: Ягупова, 2007: 185; Brendel, 1997: 246-247]. Огромный пласт свн. лексики является своеобразной калькой из латыни, о чём свидетельствуют и свн. производные наименования мужчин на *-er*, напр.: лат. *predicator* = свн. *prediger* ‘проповедник’; лат. *carrucarius* = свн. *karrecher* ‘извозчик’. Тем самым **актуальность** данного исследования является очевидной. К основным **целям** представленной статьи относятся выявление латинских и средневерхненемецких языковых параллелей среди словарных НМ на *-er*, анализ их взаимосвязи по форме и содержанию, оценка влияния латинского языка на развитие свн. словообразования в целом и на особенности номинации в частности. **Материалом** данного исследования являются средневерхненемецкие НМ, образованные с помощью суффикса *-er* (154 лексемы), отобранные путём сплошной выборки из трёхтомного словаря свн. языка М. Лексера [Lexer₁₋₃, 1992].

2. Лексемный состав. Отобранные производные слова на *-er* М. Лексер толкует по-разному: или исключительно с помощью латинского эквивалента, напр.: свн. *abzerrerr* = лат. *detractor* ‘клеветник’; свн. *bertener* = лат. *delator* ‘уличитель’; свн. *undernemer* = лат. *interceptor* ‘захватчик’; свн. *wegeloufer* = лат. *viator* ‘путник’, или одновременно с помощью латинского эквивалента и перевода на нововерхненемецкий (далее – нвн.) язык, напр.: свн. *ovener* = лат. *furnarius*, нвн. *bäcker* ‘пекарь’; свн. *schüzzeler* = лат. *scutellifex*, нвн. *schüssler* ‘ключник’.

Среди словарных дефиниций встречаются также и лексемы с переводом на латинский язык, но с немецким толкованием, напр.: свн. *kleider* ‘*vestiarius, der cleider bewaret oder verkauft*’ (‘торговец, который хранит или продаёт одежду’); свн. *soldener* ‘*stipendiarius, der um sold dient*’ (‘наёмный солдат, который служит за оплату’).

Иногда М. Лексер переводит свн. существительное не одним, а несколькими лат. словами-синонимами, напр.: свн. *ackerer* = лат. *arator, fundanus* ‘хлебороб’; свн. *ervarer* = лат. *inquisitor, indagator, scrutator* ‘инквизитор, следователь, исследователь’; свн. *porzener* = лат. *ostiarius, portarius* ‘сторожевой’; свн. *riemer* = лат. *coriarius, corrigiarius* ‘овчинник’; свн. *vorster* = лат. *forestarius, lucarius* ‘лесник’; свн. *wuocherer* = *fenerator, usurarius* ‘ростовщик’.

Следует отметить, что суффикс *-er* функционирует в свн. языке в двух своих вариантах – *-ner* и *-ler*. Однако в ряде НМ, имеющих латинский эквивалент, компонент *-ner* заимствован от латинской основы, ср.: свн. *portener* ‘стражник на воротах’ ← лат. *portenarius*. Интересен также тот факт, что некоторые свн. наименования на *-ner* образованы от двн. существительных женского рода на *-n*, ср.: свн. *redner* ‘оратор’ ← двн. *redina* ‘речь’, свн. *luognære* ‘лжец’ ← двн. *lugina* ‘ложь’ [Brendel, 1997: 279].

3. Латинские суффиксы в составе свн. НМ. Анализ словообразовательных формантов латинских и свн. НМ позволяет сделать вывод, что лат. эквивалентами свн. суффикса *-er* в составе наименования лица являются такие суффиксы, как *-or*, *-arius*, *-fex*, *-us* (см. табл. 1).

Таблица 1. Количественная характеристика латинских суффиксальных НМ

Суффиксы	Лексемы	
	абс.	%
<i>-or</i>	74	48,05
<i>-arius</i>	60	38,96
<i>-fex</i>	13	8,44
<i>-us</i>	7	4,55
<i>Всего</i>	<i>154</i>	<i>100</i>

Из таблицы 1 видно, что практически половина латинских НМ (48,05 %) образована с помощью суффикса *-or*, напр.: свн. *ansager* = лат. *denunciator* ‘оповеститель’; свн. *lantverræter* = лат. *traditor* ‘изменник’. Следующую позицию согласно количественным данным занимают существительные, образованные с помощью латинского суффикса *-arius*, напр.: свн. *kleider* = лат. *vestiarius* ‘торговец, который хранит или продаёт одежду’; свн. *saltner* = лат. *saltuarius* ‘лесник’. С лат. суффиксом *-fex* обнаружено 13 НМ, напр.: свн. *vilmacher* = лат. *filtrifex* ‘изготовитель войлока’; свн. *schilttrager* = лат. *scutifex* ‘воин-щитоносец’. Наименьшим количеством представлена группа дериватов с лат. суффиксом *-us* (4,55 %), напр.: свн. *ackerer* = лат. *fundanus* ‘хлебороб’; свн. *vergiftmacher* = лат. *veneficus* ‘изготовитель отравы, отравитель’.

Среди свн. НМ с суффиксом *-er*, в толковании которых используется латинский эквивалент, 72 лексемы (46,75 %) образованы от словосочетания, 52 лексемы (33,77 %)

являются отглагольными дериватами, 30 НМ (19,48 %) – отыменными образованиями. В первой группе обращает на себя внимание согласование свн. компонента *-macher* с латинским суффиксом *-fex*: свн. *bizmacher* – лат. *lorifex* ‘изготовитель удил’; свн. *glasmacher* – лат. *vitrifex* ‘стекольщик’.

В некоторых случаях можно отметить, что среди средневерхненемецко-латинских параллелей встречаются такие, которые полностью совпадают по форме и смыслу. Это касается, прежде всего, отыменных дериватов, напр.: свн. *kanzelære* ‘писарь’ ← *kanzelie* ‘канцелярия’ и лат. *cancellarius* ‘писарь’ ← *cancelli* ‘канцелярия’; свн. *karrecher* ‘извозчик’ ← *karrech* ‘повозка’ и лат. *carrucarius* ‘извозчик’ ← *carruc* ‘повозка’.

Словообразовательные параллели можно наблюдать и среди НМ с свн. суффиксом *-er* и лат. суффиксом *-arius* с соответствующей семантической функцией. Так, свн. существительное *notære* ‘нотариус’ полностью совпадает по форме и значению с лат. *notarius* ‘нотариус’ [Lexер₂, 1992: 104], которое образовано от лат. слова *nota* ‘записка, лист’, ‘отметка’, ‘документ, официальный документ’. В свн. языке также зафиксирована лексема *note* в значении ‘документ, официальный документ’ [Duden, 1996: 1085], таким образом, свн. *notære* можно считать мотивированным отыменным образованием, которое толкуется как ‘jemand, der *noten* schreibt’ (‘тот, кто пишет официальный документ’).

Существительное *medicinære* ‘лекарь’ является калькой лат. наименования *medicinarius* ‘лекарь’, которое образовано от слова *medicin*, которое, в свою очередь, появляется в свн. языке в 13 ст. [Kluge, 1989: 409].

4. Семантические особенности средневерхненемецких и латинских НМ.

Исследование семантических особенностей лат. и свн. производных существительных, обозначающих лицо мужского пола, выявляет, что значение двух лексем может полностью совпадать, напр.: свн. *beruofer* ‘тот, кто апеллирует’ = лат. *delator* ‘тот, кто апеллирует’; *vergëber* ‘отравитель’ = лат. *toxicator* ‘отравитель’.

В некоторых случаях лат. НМ дополнительно поясняет значение свн. наименования. Так, одним из толкований существительного *wortmacher* в словаре свн. языка [Lexер₃, 1992: 980] является лат. существительное *dialecticus* ‘диалектик, знаток и учитель диалектики’. Поскольку *диалектика* в риторике – это искусство ведения диалога, а *диалектик* соответственно – это тот, кто пользуется диалектикой как методом ведения диалога и/или аргументации [Duden, 1989: 339], то есть имеет способность переубеждать словами, становится понятным значение свн. существительного *wortmacher* ‘jemand, der *wort(e) machet*’ (букв. ‘тот, кто *создаёт слова*’).

Свн. наименование *tischmacher* М. Лексер [Lexер₃, 1992: 980] трактует только

с помощью лат. НМ *mensator*. В переводе с латинского языка *mensa* обозначает ‘стол’ [Georges], в католической церкви *mensa* – это ‘алтарь’ (‘алтарный стол’) [Duden, 1996: 1134]. Я. Гримм и В. Гримм [Grimm J., Grimm W., 1994: 517] поясняют *tischmacher* также через лат. *mensator*, однако при этом указывают и немецкую лексику *tischler* ‘столяр’. Таким образом, можно предположить, что *tischmacher* в свн. языке также обозначает столяра.

Свн. существительное *formengraber* (букв. ‘тот, кто *высекает формы из камня*’) М. Лексер объясняет с помощью только одного более распространённого лат. наименования мужчины *sculptor* ‘мастер по резьбе, скульптор’.

Семантика свн. НМ *überganger* не была бы однозначно выявлена благодаря лишь только одному её переводу на современный немецкий язык (*der gesetzde*) [Lexer₂, 1992: 1516], разъяснением в этом случае служит именно лат. слово *prevaricator*, которое обозначает лицемерного, двуличного человека, а в судебном деле – тайного сообщника.

Благодаря комплексному семантическому анализу выявлены противоположные случаи, когда именно свн. лексема имеет дифференциальные семантические признаки в сравнении с её латинским аналогом, напр.: свн. *winbesnider* и *wingartsnider* М. Лексер толкует с помощью лат. слова *putator* ‘тот, кто обрезает деревья’, хотя *win* обозначает ‘виноград’, а *wingarte* – это ‘виноградник’ [Lexer₃, 1992: 897, 902]. Таким образом, свн. наименование *winbesnider* является обозначением мужчины, который обрезает виноградную лозу, а *wingartsnider*, в свою очередь, – это мужчина, который работает на винограднике и обрезает виноград.

Свн. существительные *kamermacher* и *loubenmacher* М. Лексер [Lexer₁, 1992: 1503, 1965] интерпретирует с помощью одной латинской лексемы *scenofactor* (*scenofactorius*) (*sceno* и *facio* – ‘zur Zeltbereitung gehörig’ (‘тот, кто относится к группе людей, которые растягивают шатры’), ср.: *erant autem scenofactoriae artis* ‘sie waren aber Zeltmacher’ ‘они растягивали шатры’ [Georges], хотя компоненты базового словосочетания – существительные *kamer* и *louben* – имеют по несколько значений каждый, напр.: *kamer* – ‘комната’, ‘хранилище’, ‘сокровищница’, ‘зал суда’, ‘княжеские покои’; *louben* – ‘шатёр’, ‘альтанка’, ‘коморка’, ‘паперть’, ‘хранилище’, ‘зал суда’, ‘галерея’ и т.д. В этом случае благодаря толкованию с помощью лат. соответствия (см. выше) возможным представляется только одно понимание свн. существительных *kamermacher* и *loubenmacher*, а именно ‘тот, кто растягивает шатры’.

С помощью лат. *exsecutor* ‘мститель, тот, кто приводит приговор в исполнение (прежде всего – тот, кто приводит судебный приговор в исполнение) [Georges]’ М. Лексер объясняет свн. НМ *verender* [Lexer₃, 1992: 105]. Определить семантику свн. производного слова, в этом случае, помогает её словообразовательная база – свн. глагол *verenden* ‘покончить с кем/чем-либо, полностью завершить, что-то предпринять’ [Lexer₃, 1992: 105].

5. Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Итак, комплексный структурно-семантический анализ средневерхненемецко-латинских языковых параллелей среди существительных, обозначающих мужчин, подтверждает существенное влияние латинского языка на свн. язык в целом, и на свн. именное словообразование в частности. Свн. наименования мужчин с суффиксом *-er*, в толкованиях которых встречается латинский эквивалент, являются либо калькой соответствующих латинских дериватов, либо производными, которые образованы по латинским примерам наименований лица с суффиксами *-or*, *-arius*, *-fex*, *-us*. Словообразовательными базами свн. НМ являются глаголы, существительные и словосочетания. Последняя группа представлена наибольшим количеством лексем. Толкование свн. словарных дефиниций осуществляется либо с помощью одного латинского эквивалента, либо с помощью латинского эквивалента и перевода на нвн. язык, либо с помощью латинских наименований-синонимов.

Исследования латинских и средневерхненемецких наименований мужчин способствует разъяснению и более глубокому пониманию семантики свн. дериватов, хотя встречаются случаи, когда именно свн. наименование мужчины имеет дифференциальные семантические признаки по сравнению с его латинским эквивалентом. Объём статьи не даёт возможности осветить все вопросы, связанные с особенностями номинации лица в свн. периоде развития немецкого языка, поэтому подобные исследования в области свн. словообразования остаются актуальными и в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бах А. История немецкого языка [пер. с нем. Н. Н. Семенюк]. 2-е изд. М.: Едиториал, 2003. 344 с. (История языков народов Европы).
2. Ягупова Л. М. Мовно-географічна варіативність системи середньовісньонімецьких префіксальних іменників. Донецьк: ДонНУ, 2007. 605 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження. Т. 4.).
3. Brendel B. Wort- und Begriffsbildung in frühneuhochdeutscher Wissensliteratur. Substantivische Affixbildung. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1997. 707 S. (Wissensliteratur im Mittelalter, 26).
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch / [hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion ; unter der Leitung von G. Drosdowski]. [3., völlig neu bearb. und erw. Aufl.]. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1996. 1816 S.
5. Georges K. E. Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch (1913-1918). Доступ: <http://www.zeno.org/Georges-1913>. (Дата обращения: 12.09.2017).
6. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: In 33 Bd-n. Nachdruck der Erstausgabe 1854. Bd. 21. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984. 1702 S.
7. Grimm U. Lexikalisierung im heutigen Englisch am Beispiel der *-er*-Ableitungen. Tübingen: Gunter Narr, 1991. 266 S. (Tübinger Beiträge zur Linguistik; 360).
8. Klein Th., Solms H.-J., Wegera K.-P. Mittelhochdeutsche Grammatik. Tübingen: Niemeyer, 2009. Teil III: Wortbildung. 684 S. (Mittelhochdeutsche Grammatik).
9. Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. / völlig neu bearb. von E. Seebold. 22. Aufl. Berlin ; New York: de Gruyter, 1989. 882 S.

10. Lexer₁ M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: In 3 Bd-n. Bd. I. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel, 1992. 2262 S.
11. Lexer₂ M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: In 3 Bd-n. Bd. II. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel, 1992. 2050 S.
12. Lexer₃ M. *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: In 3 Bd-n. Bd. III. Nachdruck der Ausgabe Leipzig 1872-1878. Stuttgart: S. Hierzel, 1992. 1632 S.
13. Scherer C. *Wortbildungswandel und Produktivität: eine empirische Studie zur nominalen „-er“-Derivation im Deutschen*. Tübingen: Niemeyer, 2005. 215 S.
14. Wellmann H. *Das Substantiv / Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Eine Bestandaufnahme des Instituts für deutsche Sprache Forschungsstelle Innsbruck. Zweiter Hauptteil (Sprache der Gegenwart, 32)*. Düsseldorf: Schwann, 1975. 500 S.

REFERENCES

1. Bach, A. (2003). *Istoria nemetskogo yazyka* [The history of German Language]. Moskwa: Editorial. (In Russ.).
2. Yagupova, L. M. (2007). *Movno-geografichna variatynnist systemy serednoverkhnimimetskykh prefiksalykh imennykh* [Lingua-geographical variability of the systems of Middle High German prefix nouns]. Donetsk: DonNU. (Typologichni, zistavni, diakhronichni doslidzhennya. T. 4.) (In Ukr.).
3. Brendel, B. (1997). *Wort-und Begriffsbildung in frühneuhochdeutscher Wissenschaftsliteratur. Substantivische Affixbildung*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
4. *Duden Deutsches Universalwörterbuch* (1996). Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich.
5. Georges, K. E. (1913-1918). *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch*. Available at: <http://www.zeno.org/Georges-1913>. (accessed: 12.09.2017).
6. Grimm, J., Grimm, W. (1954). *Deutsches Wörterbuch*: In 33 Bd-n. Nachdruck der Erstausgabe. München: Deutscher Taschenbuch Verlag.
7. Grimm, U. (1991). *Lexikalisierung im heutigen Englisch am Beispiel der -er-Ableitungen*. Tübingen : Gunter Narr.
8. Klein, Th., Solms, H.-J., Wegera, K.-P. (2009). *Mittelhochdeutsche Grammatik*. Tübingen: Niemeyer.
9. Kluge, Fr. (1989). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin; New York : de Gruyter.
10. Lexer₁, M. (1872-1878). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: In 3 Bd-n. Bd. I. Nachdruck der Ausgabe Leipzig. Stuttgart: S. Hierzel.
11. Lexer₂, M. (1872-1878). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: In 3 Bd-n. Bd. II. Nachdruck der Ausgabe Leipzig. Stuttgart: S. Hierzel.
12. Lexer₃, M. (1872-1878). *Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*: In 3 Bd-n. Bd. III. Nachdruck der Ausgabe Leipzig. Stuttgart: S. Hierzel.
13. Scherer, C. (2005). *Wortbildungswandel und Produktivität: eine empirische Studie zur nominalen „-er“-Derivation im Deutschen*. Tübingen: Niemeyer.
14. Wellmann, H. (1975). *Das Substantiv. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache*. Düsseldorf: Schwann. (Sprache der Gegenwart, 32).

Карасенко Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии (e-mail: Elena_karasenko@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 83001, Донецк, Университетская, 24

Karassenko Elena A. – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Germanic Philology (e-mail: Elena_karasenko@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 83001

Поступила в редакцию 27 сентября 2017 г.

УДК 811.111:81'37

© 2017 Е. В. Трофимова,
Е. Ю. Войтенко

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЛЕКСЕМАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ НАЗВАНИЯ СТИХИЙ

В статье рассматривается оценочный компонент фразеологических единиц (ФЕ) с лексемами, обозначающими названия стихий, в английском языке. Выявлены и описаны три вида оценки, реализующиеся в семантике ФЕ с компонентами air, earth, fire и water, проанализировано влияние семантики лексем на оценочный характер ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, оценка, air, earth, fire, water.

© 2017 E. V. Trofimova,
E. Yu. Voitenko

EVALUATIVE COMPONENT IN SEMANTICS OF THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH LEXEMES, DENOTING THE FOUR ELEMENTS

The article deals with the evaluative component in the meaning of the phraseological units with the lexemes, which denote the names of the four elements in the English language. The three main types of the evaluation, expressed in the meaning of the phraseological units with the lexemes air, earth, fire and water have been revealed and described, the influence of the meanings of the lexemes under study on the evaluation of the phraseological units has been analyzed.

Key words: a phraseological unit, evaluation, air, earth, fire, water.

1. Вводные замечания

Данная статья посвящена анализу оценочного компонента в семантике английских ФЕ с лексемами, обозначающими названия стихий.

Общепризнано, что ФЕ являются культурно маркированными единицами языка, многие явления не просто описываются при помощи ФЕ, но также переосмысливаются и получают новые смыслы, соответствующие культурным установкам и стереотипам носителей языка. Природа значения ФЕ тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка, их практическим опытом, традициями [Маслова, 2001]. То есть фразеологическая картина мира является некой образной системой языковых единиц, передающих особенности национального мироощущения, а каждый фразеологизм – «это настоящая энциклопедия народной жизни, которая раскрывает традиции, обычаи, верования, нормы и правила поведения этноса» [Трофимова, Саламатина, 2017: 184]. Очевидно, что вода, огонь, воздух и земля – это универсальные ментально значимые понятия в картине мира

каждого народа. Универсализм их осмысления связан прежде всего с тем, что понятия четырех стихий являлись основой мироздания в архаичной картине мира, а затем переосмысливались во всех последующих – мифологической, философской, теологической и научной.

Актуальность работы определяет то, что в ней рассматриваются английские ФЕ с компонентами, обозначающими названия четырех основных стихий мироздания и являющимися хранителями концептуально и культурно значимой информации. Элементы воды, огня, воздуха и земли, представляют собой неотъемлемую часть культуры, соответственно, ФЕ, содержащие в своем составе лексемы, их обозначающие, отражают особенности национального мировосприятия носителей английского языка.

Объектом настоящего исследования являются ФЕ английского языка с лексемами, обозначающими названия стихий. В качестве **предмета** исследования выступают оценочные компоненты английских ФЕ с лексемами *air, earth, fire* и *water*.

Материалом исследования являются 320 ФЕ английского языка с компонентами, обозначающими названия стихий, отобранные из английских фразеологических и толковых словарей: англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина [Кунин, 1984], *The American Heritage Dictionary of idioms by Ch. Ammer* [Ammer, 1997], *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable* [Brewer, 1953], *Cambridge international dictionary of idioms* [Cambridge international dictionary of idioms, 1998], *Collins Cobuild dictionary of idioms* [Collins Cobuild dictionary of idioms, 1997], *Dictionary of idioms and their origins by Linda and Roger Flavell* [Fravell, 1992], *Longman dictionary of contemporary English* [Longman dictionary of contemporary English, 2009], *The facts on file dictionary of proverbs by Martin Manser* [Manser, 2007], *A dictionary of 3800 picturesque idiomatic expressions by N. E. Penton* [Penton, 1992], *Dictionary of American idioms and phrasal verbs by Richard A. Spears* [Spears, 2005].

2. Результаты исследования

2.1. Известно, что одной из функций ФЕ является оценочная. Оценка – это объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно [Кунин, 1996: 94]. Оценка выражена эксплицитно, если как минимум один из компонентов ФЕ является оценочным или ее внутренняя форма носит оценочный характер, например, как во ФЕ *a hell on earth* ‘сущий ад, ад крошечный’, в то время как имплицитная оценка свойственна ФЕ, все компоненты которых являются безоценочными и внутренние формы ФЕ стерты, как, например, во ФЕ *fish in the air* ‘заниматься бесполезным делом’.

Так как во ФЕ компоненты не имеют своего реального номинативного значения, однако, они не полностью теряют свою семантику и в какой-то мере влияют на общее значение ФЕ [Трофимова, 2014], представляется актуальным проанализировать функционирование различных значений лексем *air*, *earth*, *fire* и *water* в составе исследуемых ФЕ.

Количественное соотношение ФЕ по содержанию в них изучаемых компонентов следующее: *water* – 37%, *fire* – 35%, *air* – 16%, *earth* – 12%, т. е. доминантными фразеобразующими лексемами в английском языке являются *water* и *fire*. Таким образом отражается различное восприятие образов стихий в наивной, донаучной картине мира: вода и огонь в ней осмысливаются не только как источники жизни, но и как враждебные и опасные стихии, наделенные магическими силами. Особо следует отметить те ФЕ, которые содержат в своем составе более одного изучаемого компонента, например, ФЕ *fire and water are good servants, but bad masters* ‘огонь и вода – верные друзья, но воли им давать нельзя’. Это ФЕ с прозрачной внутренней формой, в которой ясно считывается отношение человека к этим стихиям – с одной стороны, они «приручены» и необходимы в быту, с другой, представляют собой опасность. ФЕ *go through fire and water* ‘пройти огонь и воду’ этимологически восходит к Священному писанию и отражает представление об огне и воде, как об очищающих силах. Во внутренней форме ФЕ *dirty water will quench fire* ‘на безрыбье и рак рыба’ огонь и вода противопоставляются друг другу – даже мутная, грязная вода может потушить огонь, здесь стихии выступают как природные антагонисты.

2.2. Анализ оценочного компонента показал, что среди ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, превалируют негативно-оценочные (55%) (см. табл. 1).

Таблица 1. Тип оценки английских ФЕ с компонентами, обозначающим названия стихий

Тип оценки	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Негативная	175	55	<i>fish in the air</i> ‘заниматься бесполезным делом’; <i>a hell on (upon) earth</i> ‘сущий ад’
2. Нейтральная	83	26	<i>the fowls of the air</i> ‘птицы, пернатые’; <i>the ends of the earth</i> ‘отдаленные уголки’
3. Положительная	62	19	<i>float on air</i> ‘ликовать, радоваться’; <i>earthly paradise</i> ‘рай земной’
Всего	320	100	

Преобладание негативно-оценочных ФЕ связано с психологическими особенностями человеческого мышления [Бессонова, 2002], при этом стоит отметить, что в исследуемом

материале отрицательная коннотация чаще всего отмечается у ФЕ с лексемой *water*, положительная – с лексемой *fire*, нейтральная – с лексемами *air* и *earth*.

2.3. Рассмотрим ФЕ, содержащие в своем составе лексему *water*. Высшую степень опасности воды для человеческого существа выражают ФЕ *a watery grave* ‘букв. водяная могила’, *to make a hole in the water* ‘утопиться’, *too much water drowned the miller* ‘букв. много воды утопило мельника; хорошего понемногу, все хорошо в меру’.

Опасность, которую представляет собой вода для человека, находящегося на корабле, выражена во ФЕ *(as) welcome as water in a leaking ship* ‘несвоевременный, нежелательный, некстати’.

Мифические представления о воде, как о символе смерти и пространстве, принадлежащему потусторонним силам, находим во ФЕ, заимствованной из мифов древней Греции: *waters of forgetfulness* ‘Лёта, забвение, смерть’ – река Лёта – это источник и одна из пяти рек, протекающих в Аиде, царстве мертвых, она является символом забвения – умершие пили из нее и получали забвение всего прошлого.

Магические способности воды проявляют себя во внутренней форме ФЕ *fear smb (smth) as the devil fears holy water* ‘бояться как черт ладана’, ее очищающая, испытывающая сила – во ФЕ *hell and (or) high water* ‘тяжкие испытания’.

Кроме того, большая часть ФЕ с компонентом *water* выражают представления человека о воде как о незнакомом и опасном пространстве, например, *deep waters* ‘большое беспокойство, горе, тяжелое, затруднительное или опасное положение’, *uncharted (troubled, murky) waters* ‘сложная, опасная, незнакомая ситуация’, *to go to water* ‘попасть в трудное положение’. В данных ФЕ показателями отрицательной оценки являются семы *difficult situation* ‘сложная ситуация’, *trouble* ‘затруднение’, *danger* ‘опасность’.

С одной стороны, вода как открытое пространство, море или океан ассоциируется с превратностями судьбы и неопределенностью. Как отмечает Andreas Langlotz, путешествия по морю или океану всегда сопряжены с опасностями, которые могли подстергать человека на пути – штормы, рифы, мели, отсюда берет свое начало значительная часть ФЕ, описывающих водное пространство как угрозу [Langlotz, 2005: 160]. Однако, с другой стороны, во ФЕ выражена активная позиция и оптимизм носителей английского языка, например, *brave water* ‘начать рискованное дело с отвагой и решительностью’, *to plot a safe course through troubled water* ‘букв. прокладывать безопасный курс в мутной воде’, *test the water(s)* ‘разведывать обстановку, прощупывать почву, пробовать что-то новое’.

Аллюзию на спокойную безмятежную гладь воды можно проследить во внутренней форме ФЕ *be in smooth water* ‘преодолеть трудности, препятствия, «достичь тихой

пристани»'. Пословицы *still water runs deep/have deep bottoms* также являются положительно-оценочными, они характеризуют скромного, молчаливого и при этом умного и многогранного человека, хотя в зависимости от контекста могут приобретать и отрицательную оценку, характеризуя закрытого, а соответственно, непредсказуемого и опасного человека. Отрицательная сема и предупреждение заложены в поговорке *beware of a silent dog and still water* 'бойся молчаливой собаки и тихого омута'.

Двойственность отношения к воде ярко проявляется во ФЕ с частично совпадающим лексическим составом, а именно, с совпадающим препозитивным прилагательным, например, во ФЕ *to be in deep water* 'горевать, тревожиться, находиться в тяжелом или опасном положении', компонент *deep water* 'букв. глубокая вода' характеризуется отрицательной коннотацией, а во ФЕ *a great ship asks deep waters* 'большому кораблю большое плавание' – положительной, *deep waters* здесь означает успех и светлое будущее.

Кроме того, примечательно, что в наивной картине мира носителей английского языка ценность воды невысока, это, вероятно, связано с достаточным количеством запасов пресной воды на Британских островах. ФЕ *shed blood like water* 'пролить море крови', *spend money like water* 'транжирить деньги' кроме отрицательной оценки ярко выражают это утверждение. Также отношение к воде прослеживается во ФЕ *freshwater sailor* 'неопытный моряк' и в заимствованной из американского варианта английского языка ФЕ *a fresh-water college* 'маленький провинциальный колледж', в них присутствует компонент *fresh-water* '1) пресный; 2) неумелый, неопытный; 3) провинциальный, неизвестный'.

Во фразеологическом фонде нашли также свое отражение представления человека о физических свойствах воды. Так, ее текучесть и изменчивость ассоциируется со слабостью и нестабильностью, а, значит, и ненадежностью – *written in water* 'преходящий, быстро проходящий, мимолетный', *(as) weak as water* 'слабенький, хилый', *(as) unstable as water* 'очень неустойчивый, непостоянный' и быстротечностью времени – *water over the dam* 'дело прошлое', *a lot of (much) water has flowed (gone, passed, run) under the bridge(s) since* 'много воды утекло с тех пор, как'.

Текущей воде, как олицетворению движения и изменчивости, противопоставляется вода стоячая: *dull as ditch water* 'невыносимо нудный, скучный, тоска смертная, тоска зеленая'.

Прозрачность воды, ее чистота оценивается положительно: *a diamond of the first water* 'бриллиант чистой воды' – эта ФЕ, вероятней всего, изначально была профессиональным термином, используемым ювелирами, они сравнивали прозрачность

алмазов с прозрачностью воды – чем прозрачней камень, тем выше его ценность. Однако, производная от нее *of the first water* является многозначной ФЕ: '1) чистой воды; 2) первоклассный, чудесный, чудный; 3) заправский, отъявленный, прожженный', то есть в процессе переосмысления появляется также отрицательная оценка.

Антипод прозрачной, чистой воды – мутные, беспокойные воды: ФЕ *fish in troubled water* 'ловить рыбу в мутной воде', *muddy the water* 'вносить неразбериху, запутывать что-л. ясное'.

Препозитивные прилагательные, выражающие температуру воды, во всех случаях добавляют негативный оценочный компонент: холодная вода ассоциируется с критикой, *a douche of cold water* 'как ушат холодной воды', *to pour (throw) cold water on (over) smth* 'возражать против чего-л., отнестись прохладно, отбить охоту', горячая – с неприятностями и наказанием, например, *get into hot water* 'попасть в беду, «вляпаться»'.

2.4. Рассмотрим далее группу ФЕ, содержащих компонент *fire*. Как уже было отмечено выше, в этой группе содержится больше всего ФЕ с положительной коннотацией (25%). Здесь стоит обратить внимание на то, что одним из значений лексемы *fire* является 'пыл, воодушевление, страсть'. Таким образом, в исследуемом материале присутствует ряд ФЕ с положительной оценкой, в которых лексема *fire* функционирует с данным значением. В первую очередь стоит отметить междометную, то есть высоко эмоциональную, ФЕ *Great balls of fire!* 'букв. большие шары огня!', которая может характеризовать энергичного, активного человека или, в зависимости от контекста, выражать высшую степень удивления или восхищения. Кроме того, положительным компонентом обладают ФЕ *a fire in the blood* 'огонь в крови, страсть, пылкость', *be firing on all cylinders* 'воодушевленный, использующий свои умственные способности и энергию максимально', *fire in one's (the) belly* 'честолюбие, амбиция, инициатива, энтузиазм'. В австралийском варианте английского языка добавляется компонент *bush* 'равнина, поросшая кустарником (в Австралии)', однако значение ФЕ остается таким же: *full of bush fire* 'очень энергичный, жизнерадостный, отважный, мужественный человек'.

В группе ФЕ с лексемой *fire* также присутствует единица, которая обязана своим происхождением древнегреческой мифологии: *Promethean fire* 'прометеев огонь, неугасающее стремление к высоким целям и идеалам', здесь огонь символизирует устремления и цели, которые ставит перед собой человек, тягу к познанию, новаторству. Талантливую, одаренного человека описывает также ФЕ *sacred fire* 'искра божия'.

Положительный оценочный компонент содержит ФЕ *to keep the home fires burning* 'сохранять семью, поддерживать, кормить семью'. Здесь компонент *fire* выступает

в значении домашнего очага, тепла и уюта.

Стоит отметить синонимичные ФЕ *set the heather on fire*, *set the Thames on fire*, *set the world on fire / alight* ‘сделать что-л. необычное, из ряда вон выходящее’. Они являются положительно-оценочными, положительная сема здесь – *successful* ‘успешный’ (*set the world on fire / alight – to have a big effect or be very successful* [Longman dictionary of contemporary English, 2009: 2025]), однако в контексте чаще всего употребляются в отрицательных предложениях, что отражено в лексикографических источниках.

ФЕ *get on like a house on fire* ‘прекрасно ладить друг с другом, жить душа в душу’ также является положительно-оценочным, хотя, как отмечает А. В. Кунин, при буквальном понимании данного оборота его актуальное значение должно быть, скорее, противоположным [Кунин, 1996: 167].

Анализируя негативно-оценочные ФЕ, содержащие компонент *fire*, стоит отметить присутствие тех единиц, в которых огонь рассматривается как пламя и пожар, то есть стихия, несущая уничтожение и смерть: *the fire which lights (warm) us at a distance will burn us when near* ‘огонь, греющий нас на расстоянии, жжет вблизи’, *the fires of hell* ‘гиена огненная’, *hot as fire* ‘горячий как огонь’, *out of the frying pan and into the fire* ‘из огня да в полымя’. Разрушающая сила огня выражена также в прозрачной внутренней форме ФЕ *three moves are as bad as a fire* ‘букв. три переезда так же ужасны как один пожар’.

Мифическое представление об огне как о живом существе присутствует во ФЕ *feed the fire* ‘букв. кормить огонь; подогревать ситуацию’. Синонимичны ей по семантическому и оценочному компонентам ФЕ *add fuel to the fire*, *put the fat in the fire*, *add/pour/throw oil to the fire* ‘подливать масло в огонь’.

Кроме того, в языковой картине мира носителя английского языка огонь представлен не только в значении природной стихии, но также в значении стрельбы из огнестрельного оружия. Так, в группе ФЕ с компонентом *fire* присутствует значительное количество переосмысленных терминов и профессионализмов из военной сферы. Чаще лексема *fire* в таких оборотах приобретает метафорически переосмысленный признак «критика, серия критических замечаний»: *direct one's fire against* ‘обрушиваться на..., открыть огонь против’, *draw fire from smb (upon oneself)* ‘стать мишенью нападков, насмешек, подвергнуться обстрелу со всех сторон’, *fire a salvo / volley at someone* ‘подвергнуть критике’, *come under fire* ‘подвергнуться критике’, *run into a firestorm* ‘букв. попасть в огненную бурю’ и т. д.

Очевидно, что в ФЕ с компонентом *fire* нашел свое отражение двойственный характер символики огня: с одной стороны, это образ пугающего, опасного пламени, грозящего гибелью, с другой, образ священного пламени, несущего тепло и олицетворяющего творческое начало, инициативу, энергию.

2.5. Анализ ФЕ с компонентом *air* показал, что большинство из них (55%) являются негативно-оценочными, 9% – положительно-оценочными и 36% – нейтральными.

Достаточно высокий процент нейтральных ФЕ обусловлен появлением в английском языке в конце 19 в. нового значения лексемы *air* – транслировать по радио, телевидению. Ряд многозначных ФЕ *be on the air* ‘1) работать, вести передачу; 2) выступать по радио; 3) передаваться по радио’, *be (go) off the air* ‘1) закончить радиопередачу; 2) перестать передаваться’, *put on the air* ‘передавать, транслировать по радио’ не имеют оценочного компонента.

Анализируя отрицательно-оценочные ФЕ с компонентом *air* следует отметить те, которые содержат отрицательную сему *futile* ‘бесполезный, тщетный’, это, например, синонимичные ФЕ *beat the air*, *plough the air*, *fish in the air* ‘попусту стараться, заниматься бесполезным делом’ и отрицательную сему *nonsense* ‘абсурд, бессмыслица’, например, *hot air* ‘болтовня, пустые слова’, *a hot-air artist* ‘болтун, пустомеля’. Последняя ФЕ является заимствованием из американского варианта английского языка и, вероятно, произошла от термина *hot air balloon* (монгольфьер, аэростат с оболочкой, наполненной горячим воздухом), появившегося в конце 18 в., в ней было метафорически переосмыслено свойство воздуха расширяться при нагревании.

Кроме того, отрицательно-оценочными ФЕ с компонентом *air* являются те единицы, в составе которых лексема *air* означает ‘важничание, высокомерные манеры’, при этом E. Cogham Brewer отмечает, что в данном случае существенную роль играет морфологический признак – множественное число, так, *the air of court*, *the air of gentility* ‘с аристократическими замашками’ воспринимается как лестная, хвалебная характеристика, а *to give oneself airs* ‘манерничать, жеманничать’ как критическая, негативная [Brewer, 1953: 18].

Стоит также отметить, что во фразеологии находит свое отражение противопоставление стихий воздуха и земли. Воздух рассматривается как нечто легкое, невесомое, ветреное и легкомысленное, в то время как земля рассматривается как нечто прочное и материальное, так, *head-in-air* означает ‘быть мечтательным, не от мира сего’, а *down-to-earth* ‘быть разумным, практичным’. Отсюда ряд ФЕ с компонентом *air* отрицательно окрашенных: *leave in the air smb / smth* ‘оставить кого-л. в недоумении;

оставить что-л. нерешенным, незаконченным’, *up in the air* ‘нерешенное, неустановленное’, *keep smb in the air* ‘держать кого-л. в состоянии неуверенности, неизвестности, ожидания’, *Johnny head-in-(the)-air* ‘человек, витающий в облаках’, и ряд ФЕ с компонентом *earth* с положительной коннотацией: *of the earth, earthy* ‘земной, практичный’, *bring smb back (down) to earth* ‘помочь кому-л. спуститься с небес на землю, стать более реалистичным’, *be back (down) to earth* ‘стоять на реальной почве (о планах, мыслях, основанных на убедительных аргументах)’.

2.6. Как отмечалось выше, среди ФЕ с компонентом *earth* наблюдается самый высокий процент (38%) нейтрально-оценочных единиц. Это связано, в первую очередь, с присутствием группы ФЕ, входящих в семантическую область «пространство». Примечательно, что, несмотря на присутствие в них семы дальности, они нейтрально-оценочны и не выражают эмоционального отношения говорящего, то есть английские ФЕ, описывающие далекое, «чужое» пространство не имеют отрицательного значения. К таким ФЕ относятся *the ends of the earth* ‘отдаленные уголки’, *the four corners of the earth* ‘четыре страны света, весь мир’, *at the ends of the earth* ‘на краю света, у черта на куличках’. Более того ФЕ *go to the ends of the earth* ‘отправиться на край земли’ может выражать не только дальность, но и усилия, прилагаемые человеком для достижения поставленной цели. Семантически синонимична ей ФЕ *move heavens and earth* ‘сделать все возможное, приложить все усилия’.

Группу отрицательно- и положительно-оценочных ФЕ с лексемой *earth* представляют фразеологические антонимы *heaven (paradise) on earth* ‘рай земной’ – *a hell on (upon) earth* ‘сущий ад, ад крошечный’, *the salt of the earth* ‘соль земли’ – *the scum of the earth* ‘отбросы земли’.

3. Выводы

Проведенное исследование показало, что ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, представляют собой целостную систему фразеологического фонда английского языка, отражающую один из фрагментов языковой картины мира и менталитет его носителей.

Анализ оценочного компонента в семантике ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, показал преобладание негативно-оценочных ФЕ (55%), при этом отрицательная коннотация чаще всего отмечается у ФЕ с лексемой *water*, положительная – с лексемой *fire*, нейтральная – с лексемами *air* и *earth*, что подтверждает амбивалентность символики огня и воды: при разных обстоятельствах они могут быть неблагоприятны и

благоприятны для человека, при этом в целом неблагоприятная часть спектра вербализуется во фразеологическом фонде языка наиболее ярко и подробно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивний і гендерний аспекти. Донецьк: ДонНУ, 2002. 362 с.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Издательский дом «Академия», 2001. 208 с.
4. Трофімова О. В. Фразеологія негативних емоцій в англійській та українській мовах. Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2014. 245 с. (Лінгвокогнітивні та лінгвокультурологічні дослідження. Т. 1).
5. Трофимова Е. В., Саламатина О. А. Национально-культурная семантика английской и французской зоонимической фразеологии в рамках национальной языковой картины мира // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2017. Т. 13. Вып. 1-2 (35-36). С. 183-197.
6. Langlotz Andreas. *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. 326 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русс. яз., 1984. 944 с.
2. Ammer Christine. *The American heritage dictionary of idioms*. Boston.: American Heritage, 1997. 1190 p.
3. *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*. New York: Harper and Brothers Publishers, 1953. 990 p.
4. *Cambridge international dictionary of idioms*. Cambridge.: Cambridge university press, 1998. 504 p.
5. *Collins Cobuild dictionary of idioms*. London: HarperCollins Publishers Ltd, 1997. 494 p.
6. Linda and Roger Flavell. *Dictionary of idioms and their origins*. London: Kyle Cathie Ltd, 1992. 216 p.
7. *Longman dictionary of contemporary English: New edition*. Harlow: Longman, 2009. 2082 p.
8. Manser Martin M. *The facts on file dictionary of proverbs: 2nd edition*. New York: Facts on file, Inc., 2007. 500 p.
9. Penton N. E. *Metaphorically speaking. A dictionary of 3800 picturesque idiomatic expressions*. New York: Warner Books Inc., 1992. 528 p.
10. Richard A. Spears. *Dictionary of American idioms and phrasal verbs*. USA.: The McGraw-Hill Companies Inc., 2005. 1080 p.

REFERENCES

1. Bessonova, O. L. (2002). *Otsinnyy tezaurus angliyskoy movy: kognityvnyy i gendernyy aspekty* [Evaluative thesaurus of the English language: cognitive and gender aspects]. Donetsk: DonNU. (In Ukr.).
2. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The course in phraseology of modern English language]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
3. Maslova, V. A. (2001). *Lingvoculturologia* [Linguocultural study]. Moskva: Akademia. (In Russ.).

4. Trofimova, O. V. (2014). *Frazeologiya negatyvnykh emotsiy v angliyskiy ta ukrayniski movakh* [Phraseology of negative emotions in the English and Ukrainian languages]. Donetsk. (Lingvokognityvni ta lingvokulturologichni doslidzhennya. Vol. 1). (In Ukr.).

5. Trofimova, O. V., Salamatina, O. A. (2017). Natsionalno-kulturnaya semantika angliyskoy i frantsuzskoy zoonimicheskoy frazeologii v ramkakh natsionalnoy yazykovoy kartiny mira [National and Cultural Semantics of English and French Zoonymic Phraseology in Terms of the National Linguistic World Image]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 13. Vyp. 1-2 (35-36). Pp. 183-197. (In Russ.).

6. Langlotz, Andreas. (2005). *Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Kunin, A. V. (1984). *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [English-Russian phraseological dictionary]. Moskva: Russkiy yazyk.

2. Ammer, Christine. (1997). *The American heritage dictionary of idioms*. Boston.: American Heritage.

3. *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*. New York: Harper and Brothers Publishers, 1953.

4. *Cambridge International Dictionary of Idioms*. Cambridge: Cambridge university press, 1998.

5. *Collins Cobuild dictionary of idioms*. London: HarperCollins Publishers Ltd., 1997.

6. Flavell, Linda and Roger. (1992). *Dictionary of idioms and their origins*. London: Kyle Cathie Ltd.

7. *Longman dictionary of contemporary English*. Harlow: Longman, 2009.

8. Manser, Martin M. (2007). *The facts on file dictionary of proverbs*. New York: Facts on file, Inc.

9. Penton, N. E. (1992). *Metaphorically speaking. A dictionary of 3800 picturesque idiomatic expressions*. New York: Warner Books Inc.

10. Spears, Richard A. (2005). *Dictionary of American idioms and phrasal verbs*. USA: The McGraw-Hill Companies Inc.

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии (e-mail: elenatrofimova_vl@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Trofimova Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology (e-mail: elenatrofimova_vl@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Войтенко Елена Юрьевна – магистр кафедры английской филологии (e-mail: elena-vtn@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Voitenko Elena Yu. – Master of English Philology Department (e-mail: elena-vtn@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 6 октября 2017 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1'373.7

© 2017 О. Г. Жебеленко

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АРГОТИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ СОМАТИЗМ

Данная работа посвящена изучению семантических особенностей французских фразеологизмов-арготизмов с компонентом соматизм. Целью исследования было выявление основных семантических особенностей французских фразеологизмов-арготизмов с компонентом соматизм. Материалом для исследования послужили 200 лексических единиц, отобранных из специализированных лексикографических источников.

Ключевые слова: фразеологизмы-арготизмы, соматизм, семантика.

© 2017 O. G. Zhebelenko

SEMANTIC FEATURES OF THE FRENCH PHRASEOLOGICAL ARGOT UNITS WITH SOMATISM COMPONENTS

This study deals with the analysis of semantic features of French phraseological argot units with somatism components. The aim of the study is to identify the basic semantic features of French phraseological argot units with somatism components. The analysis is based on 200 samples selected from the specialized lexicographical sources.

Key words: idiom, argot, somatism, semantics.

1. Вводные положения

С точки зрения современной лингвистики использование антропоцентрического принципа, или принципа «человека в языке», занимает особое место. Следует отметить, что антропоцентричность языка проявляется в его ориентированности на человека, который непосредственно участвует в выборе языковых средств в определённой ситуации, а также в формировании значений языковых единиц [Зими́на, 2007: 37]. Реализация антропоцентрического принципа предполагает соединение языка и бытия человека в едином поле познания [Черданцева, 1988: 78].

В связи с выше изложенным наблюдается повышенный интерес исследователей к изучению лексических и фразеологических языковых средств, используемых при характеристике человека, то есть к исследованию языка с позиции «отображения в нём» человека. Следует подчеркнуть, что проблемой многих исследований, проводимых в данном направлении, является установление преимущества фразеологической характеристики человека над лексической [Мордкович, 1971: 101-102]. Как указывает

В. Н. Телия, именно во фразеологических единицах запрограммировано участие в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры [Телия, 1990: 33]. Согласно Е. Ф. Арсентьевой, фразеологизмы представляют собой сгусток культурной информации, позволяющий добраться до глубины народного духа, культуры и дающий возможность сказать многое, экономя языковые средства [Арсентьева, 2004: 64]. Как утверждает Э. М. Мордкович, основное отличие фразеологической характеристики человека заключается в акцентировке целого ряда признаков, передающих характеристику человека и использовании такой характеристики в качестве наиболее «экономного» языкового средства [Мордкович, 1971: 111]. Е. М. Чекалина отмечает, что арготические фразеологизмы являются семантически связанными словосочетаниями, которые характеризуются экспрессивностью, образностью и метафоричностью [Чекалина, 1991: 81]. Поэтому они становятся универсальным средством характеристики человека.

Фразеологические арготические единицы с компонентом соматизм занимают значительное место в фразеологическом фонде французского языка [Синельников, Мамадалиева, 1999: 109]. В последние десятилетия эти единицы стали объектом изучения лингвистов: А. В. Кунина [Кунин, 1972], Е. Ф. Переверзевой [Переверзева, 1998], В. Н. Телия [Телия, 1990], Н. М. Шанского [Шанский, 2012], использовавших материал разноструктурных языков. Среди лингвистов, рассматривающих непосредственно фразеологизмы французского языка, следует отметить Э. М. Береговскую [Береговская, 1999], В. В. Виноградова [Виноградов, 1977], В. Г. Гака [Гак, 1998], А. Гремаса [Greimas, 1966], Ж. Гросса [Gross, 1996], А. Доза [Dauzat, 1946], Л. И. Енова [Енов, 2004], А. Г. Назаряна [Назарян, 1965], Ю. Г. Синельникова, Т. У. Мамадалиева [Синельников, Мамадалиева, 1999].

Следует подчеркнуть, что в настоящем исследовании мы придерживаемся традиционного толкования термина «соматизм», под которым понимается лексема, обозначающая часть тела или внутренний орган человека [Зиминова, 2007: 10]. В арго набор лексических единиц со значениями соматизмов выходит за рамки этого стилистического регистра, поскольку для обозначения частей тела человека используются как нейтральные единицы, так и их многочисленные арготические синонимы, и единицы письменно-литературного языка, имеющие сниженное соматическое значение [Купина, 2004: 139].

Традиционно соматизмы подразделяют на два типа. Первый тип составляют соматизмы внешней сферы человека, то есть те части тела, которые являются видимыми (голова, рука,

нога и т.п.). Второй тип образуют соматизмы внутренней сферы человека, то есть внутренние органы (сердце, печень, мозг и т.п.) Значение большинства фразеологизмов-арготизмов с компонентом соматизм обуславливается семантикой самого соматического компонента, который, в свою очередь, является стержнем фразеологического образа и обладает определённым символическим значением [Синельников, Мамадалиева, 1999: 110].

Объектом исследования являются французские фразеологизмы-арготизмы с компонентом соматизм.

Целью исследования является выделение основных семантических особенностей французских фразеологизмов-арготизмов с компонентом соматизм.

Материалом для исследования компонента соматизм в семантике французских фразеологизмов-арготизмов послужили 200 лексических единиц, отобранных из специализированных словарей фразеологической лексики.

2. Семантические типы фразеологизмов-арготизмов с компонентом соматизм

Анализ французских фразеологизмов-арготизмов позволил выделить наиболее продуктивные соматизмы, характеризующиеся наличием в своей семантике от одного до шести символических образов.

Таблица 1. Семантические типы фразеологизмов-арготизмов с компонентом соматизм

Семантическое значение фразеологизмов-арготизмов с компонентом соматизм	Кол-во единиц	%	Кол-во передаваемых значений
1. Соматический компонент 'Голова'	48	24	6
2. Соматический компонент 'Глаз'	30	15	3
4. Соматический компонент 'Тестикулы'	32	16	2
5. Соматический компонент 'Печень'	18	9	2
4. Соматический компонент 'Нога'	10	5	2
6. Соматический компонент 'Нос'	25	12,5	2
7. Соматический компонент 'Борода'	15	7,5	1
8. Соматический компонент 'Кожа'	12	6	1
9. Соматический компонент 'Кишки'	10	5	1
Всего	200	100	20

Во французском фразеологическом арготическом фонде весьма продуктивен соматизм со значением «голова, морда, рожа», который реализуется в виде следующих лексических единиц: *bouille, bille, bobèche, boule, fraise, pipe, coco* [Синельников, Новосельцев, 2000]. Соматизм *bouille*: используется с символическим значением 'наивность, излишняя доверчивость': *être la bonne bouille* 'быть простофилей'. Соматизм *bille* выступает в качестве символа ума и сообразительности: *avoir une bonne bille* 'иметь голову на плечах, быть башковитым', *ne pas toucher une bille* 'ничего не понимать, не смыслить'; фразеологизм *fraise*

выступает символом граничащего с нахальством высокомерия: *ramener sa fraise* ‘нахально лезть, куда не просят’, ‘важничать’; фразеологизмы *bobeche* и *coco* используются как символы умственного и психического расстройства: *perdre la bobèche, avoir le coco* ‘быть немного не в своем уме, тронутым’ [Le Robert, 1991].

Соматизм ‘глаз’, служит символом: обмана: *l’avoir dans l’oeil* (букв. ‘иметь его в глазу’) ‘быть обманутым, проведённым вокруг пальца’; настороженности: *avoir l’oeil au bois (au vent)* (букв. ‘иметь глаз в лесу (на ветру)’) ‘быть начеку, смотреть в оба, держать ухо востро’, *ouvrir l’oeil* ‘смотреть в оба’; наблюдательности: *ne pas avoir les yeux dans sa poche* ‘быть очень наблюдательным’, *ne pas détacher les yeux (или son regard) de qn, de qch* ‘не спускать глаз с кого-либо, с чего-либо’, *ne pas lâcher qn, qch de vue* ‘не выпускать из виду’; невезения, неудачи: *avoir l’oeil à la merde* ‘быть невезучим’ [Синельников, Новосельцев, 2000].

Среди соматизмов внутренней сферы наиболее продуктивными выступают ‘тестикулы’, которые являются: символом сильных эмоций, граничащих с помутнением рассудка: *en avoir plein les couilles* ‘быть вне себя, психовать’, *casser les couilles, faire mal aux couilles à qn* ‘раздражать кого-либо, надоедать кому-либо’; выступают символом эмоционально-психологического состояния страха и трусости: *couille molle* ‘слабак, тряпка, размазня’, *avoir les couilles molles* ‘бояться, трусить, дрейфить’, *ne pas avoir de coquilles (au cul)* (букв. ‘не иметь тестикулы (в заднице)'), *être sans couilles* (букв. ‘быть без тестикул’) ‘быть размазнёй, тряпкой, трусом’; а также являются символом силы и развитых волевых качеств: *avoir des coquilles* (букв. ‘иметь тестикулы’) ‘быть смелым’ [Синельников, Новосельцев, 2000].

Следует подчеркнуть, что среди соматизмов внутренней сферы соматизм со значением ‘печень’ также является символом состояния страха: *avoir les foies* (букв. ‘иметь печёнки’) ‘бояться, дрейфить, трусить’, *avoir les foies bleus (verts, tricolores, froids, retournés)* (букв. ‘иметь синие (зеленые, трехцветные, холодные, вывернутые) печёнки’) ‘испуганный, трусливый, боязливый человек’, *se manger (se ronger) les foies* ‘сильно беспокоиться, изводиться’. В то же время фразеологизмы-арготизмы с соматическим компонентом ‘печень’ могут приобретать и антонимическое значение ‘страх’, и выступать в значении ‘смелость’: *avoir les foies chauds (rougis, en place)* (букв. ‘иметь горячие (красные, на месте) внутренности’) ‘быть смелым’, где *chauds, rouges, en place* являются антонимами *bleus, froids, retournés*, так как относятся к трем различным областям: цвет, температура и положение [Rey, Chantreau, 2003].

Необходимо подчеркнуть, что среди фразеологизмов-арготизмов, относящихся к внешней сфере человека, особенно выделяется соматизм со значением 'нога' *pied, jambe*. В составе фразеологизмов-арготизмов данный соматизм может являться показателем способа действия: *faire par-dessous la jambe* 'сделать что-либо левой ногой, сделать неправильно', *les jambes en l'air* 'вверх ногами, не правильно'; а также обозначать отношения между людьми: *être sur un bon pied avec qn* 'быть на дружеской ноге, быть в хороших отношениях с кем либо', *être sur le même pied* (букв. 'быть на равной ноге') 'быть равным', *tomber aux pieds de qn* 'падать в ноги кому либо'; данный соматический компонент может также использоваться в качестве символа авторитета и влияния: *avoir un pied* (букв. 'иметь стопу') 'пользоваться авторитетом где-л., иметь вес, влияние' [Le Robert, 1991].

Нужно отметить, что совершенно разные соматизмы могут передавать одно и то же значение. Так, соматизмы 'нос' и 'борода', имеют в аргю символ алкогольного опьянения: *avoir le nez piqué* (или *sale, salé*) (букв. 'иметь искусанный (или солёный, грязный) нос'), *avoir sa barbe* 'напиваться', *prendre sa barbe* (букв. 'брать свою бороду') 'быть пьяным, быть под хмельком, напиваться', *avoir le nez de chien* (букв. 'иметь нос собаки') 'быть в стельку пьяным', *avoir le nez de pompette* 'иметь красный, сизый нос (пьяницы)', *le nez comme un pied de vigne* 'красный, сизый нос, как у пьяницы', *avoir un verre sous le nez* (букв. 'иметь стакан под носом') 'быть навеселе', *en prendre plein le nez* 'напиваться'. Также можно выделить продуктивность соматизма 'нос' в лексических единицах, которые направлены на передачу состояния алкогольного опьянения, связанную с национальным характером и системой жестов Франции, так как во французской системе жестов существует определённый знак, несущий в себе информацию о том, что человек напился, находится в нетрезвом виде, или обозначает призыв пойти выпить [Голованивская, 1997: 19].

Вместе с тем соматизм 'нос' также используется в качестве символа разочарования, досады и растерянности: *avoir le nez long* 'иметь растерянный, разочарованный вид', *baisser le nez* 'повесить нос, упасть духом, потупиться', *couper le nez pour faire dépit à son visage* 'сделать что либо с досады, назло самому себе', *faire le nez* 'сделать недовольную гримасу, скривиться, повесить нос'; а также выступает символом ненависти и враждебности: *avoir qn dans le nez* (или *blair, blaireau*) (букв. 'иметь кого-л. в носу'), 'не выносить, не переваривать кого-л., ненавидеть кого-л., быть враждебным по отношению к кому-л.', *je l'ai toujours sur le nez* 'он мне надоел, осточертел', *bouffer le nez à qn* 'поколотить кого-либо', *cracher au nez de qn* 'оскорбить кого-либо, плюнуть в лицо' [Синельников, Новосельцев, 2000], в то время как соматизмы 'кожа' и 'кишки', 'внутренности', наоборот, выступают символом любви: *avoir qn dans la peau* (букв. 'иметь

кого-л. в коже'), *aimer qn comme ses (petits) boyaux* (букв. 'любить кого-л., как свои (маленькие) кишки') – 'любить кого-л., испытывать чувство нежности к кому-л.', *être un homme sans entrailles* – 'букв. человек без внутренностей' 'быть бессердечным (бездушным, чёрствым) человеком' [Rey, Chantreau, 2003].

Таким образом, в результате анализа можно прийти к выводу, что соматизмы внешней и внутренней сферы человека представлены в структуре фразеологизмов-аргоизмов большим количеством вариативных лексических единиц, которые принадлежат к различным языковым регистрам. Не все соматические лексические единицы используются с одинаковым символическим значением. Носителями одного символа могут выступать разные соматизмы. Соматизмы продуктивно используются для выражения антонимичных символов и могут содержать в своей основе от одного до шести различных семантических значений. Соматизм со значением 'голова, морда, рожа' выступает в качестве символа доверчивости, наивности, ума, глупости, высокомерия, а также психического расстройства. Соматизм 'глаз', символизирует обман, настороженность, наблюдательность и неудачливость. Соматизм 'тестикулы', как правило, передает взвинченное эмоциональное состояние и страх, а также выступают символом силы, смелости и развитых волевых качеств. Соматизм со значением 'печень' также передает состояние страха, но в то же время может выступать со значением 'смелость'. Соматизм 'нога' может употребляться как в значении способа действия, так и символизировать отношения между людьми, кроме этого он является символом авторитета и влияния. Соматизм 'нос' обозначает алкогольное опьянение и используется в качестве символа ненависти, досады, разочарования и растерянности. Соматизм 'борода' также передает состояние алкогольного опьянения. Соматизмы 'кожа' и 'кишки' передают состояние любви. Соматизмы внешней и внутренней сферы человека могут выступать не только средством характеристики внешнего вида человека, но и его личностных качеств, поступков, а также эмоционального-психического и психологического состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в английском и русском языках. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 124 с.
2. Береговская Э. М. Фразеологизмы арго как специфический взгляд на мир // Фразеология в контексте культуры. М.: Яз. рус. культуры, 1999. С. 108-113.
3. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1977. С. 140-161.

4. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
5. Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителей русского языка (контрастивный анализ лексических групп). М., 1997. 279 с.
6. Енов Л. И. Денотативно-коннотативная соотнесённость арготических фразеологизмов. Челябинск, 2004. 140 с.
7. Зими́на Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики: (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках). Воронеж, 2007. 238 с.
8. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. М.: Высшая школа, 1972. 289 с.
9. Купина Н. И. К вопросу о лексической и фразеологической частотности единиц foie, roupon, veine: на материале французского языка // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире. М., 2004. С. 138-141.
10. Мордкович Э. М. Семантико-тематические группы соматических фразеологизмов: актуальные проблемы фразеологии. Новосибирск, 1971. 260 с.
11. Назарян А. Г. Образные сравнения французского языка: фразеологизмы. М.: Наука, 1965. 199 с.
12. Переверзева Е. Ф. Разговорно-сниженные фразеологические единицы современного французского языка. М.: Высшая школа, 1998. 16 с.
13. Синельников Ю. Г., Мамадалиева Т. У. Сниженная лексика в языке дикторов французского радио // Вопросы романо-германского языкознания. 1999. Вып. 13. С. 108-114.
14. Телия В. Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 32-47.
15. Чекалина Е. М. Язык современной французской прессы: (лексико-семантические аспекты). Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 167 с.
16. Черданцева Т. З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 78-92.
17. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 6-е изд. URSS, 2012. 272 с. (Серия: Лингвистическое Наследие XX века).
18. Dauzat A. Les Argots: Caracteres. Evolution. Influence. Paris: Delagrave, 1946. 189 p.
19. Greimas A. J. Semantique structurale. Paris: Larousse, 1966. 262 p.
20. Gross G. Les Expressions Figees en Frangais. Paris: Ophrys, 1996. 165 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Синельников Ю. Г., Новосельцев А. С. Французско-русский словарь арготической лексики со значениями соматизмов. Белгород: Изд-во БГУ, 2000. 92 с.
2. Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui / Sous la rftd. d'A. Rey. Paris: Dictionnaire de Robert, 1991. 1700 p.
3. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. Paris, 2003. 1088 p.

REFERENCES

1. Arsenteva, E. F. (2004). *Sopostavitelnyy analiz frazeologicheskikh edinit, semanticheski orientirovannykh na cheloveka v angliyskom i russkom yazykakh* [A comparative analysis of phraseological units that are man-oriented in English and Russian]. Kazan: Izd-vo Kazansk. un-ta. (In Russ.).
2. Beregovskaya, E. M. (1999). Frazelogizmy argo kak spetsificheskiy vzglyad na mir [Phraseological units of argos as a specific view of the world]. In *Frazeologiya v kontekste kultury*. M.: Yazyk russkoy kultury. Pp. 108-113. (In Russ.).
3. Vinogradov, V. V. (1977). Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke [About the main types of phraseological units in the Russian language]. In *Izbrannye*

trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M.: MGU im. M. V. Lomonosova. Pp. 140-161. (In Russ.).

4. Gak, V. G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. M.: Yazyk russkoy kultury. (In Russ.).

5. Golovanivskaya, M. K. (1997). *Frantsuzskiy mentalitet s tochki zreniya nositeley russkogo yazyka (kontrastivnyy analiz leksicheskikh grupp)* [French mentality in terms of native speakers (contrastive analysis of lexical groups)]. Moskva. (In Russ.).

6. Enov, L. I. (2004). *Denotativno-konnotativnaya sootnesennost argoticheskikh frazeologizmov* [Denotative-connotative correlation of argotic phraseological units]. Chelyabinsk. (In Russ.).

7. Zimina, L. I. (2007). *Natsionalnaya spetsifika frazeologicheskoy semantiki: (na materiale frazeologizmov s naimenovaniyami chastei litsa v nemetskom i russkom yazykakh)* [National specificity of phraseological semantics: (on the material of phraseological units with the names of parts of the person in German and Russian)]. Voronezh. (In Russ.).

8. Kunin, A. V. (1972). *Frazeologiya sovremennogo angliyskogo yazyka: Opyt sistematizirovannogo opisaniya* [Phraseology of modern English: The experience of a systematic description]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

9. Kupina, N. I. (2004). K voprosu o leksicheskoy i frazeologicheskoy chastotnosti edinity foie, poumon, veine: na materiale frantsuzskogo yazyka [On the question of the lexical and phraseological frequency of units foie, poumon, veine: on the material of the French language]. In *Lingvistika i lingvisticheskoe obrazovanie v sovremennom mire*. M. Pp. 138-141. (In Russ.).

10. Mordkovich, E. M. (1971). *Semantiko-tematicheskie gruppy somaticheskikh frazeologizmov: aktualnye problemy frazeologii* [Semantic-thematic groups of somatic phraseology: Actual problems of phraseology]. Novosibirsk. (In Russ.).

11. Nazaryan, A. G. (1965). *Obraznye sravneniya frantsuzskogo yazyka: frazeologizmy* [Figurative comparisons of the French language: phraseological units]. M.: Nauka. (In Russ.).

12. Pereverzeva, E. F. (1998). *Razgovorno-snizhennyye frazeologicheskie edinityye sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Conversationally-reduced phraseological units of modern French language]. M.: Vysshaya shkola. (In Russ.).

13. Sinelnikov, Yu. G., Mamadalieva, T. U. (1999). Snizhennaya leksika v yazyke diktorov frantsuzskogo radio [Reduced vocabulary in the language of the French radio broadcasters]. In *Voprosy romano-germanskogo yazykoznaniya*. Vol. 13. Pp. 108-114. (In Russ.).

14. Teliya, V. N. (1990). Semantika idiom v funktsionalno-parametricheskom otobrazhenii [Semantics of idioms in functional-parametric mapping]. In *Frazeologiya v Mashinnom fonde russkogo yazyka*. M.: Nauka. Pp. 32-47. (In Russ.).

15. Chekalina, E. M. (1991). *Yazyk sovremennoy frantsuzskoy pressy: (leksiko-semanticheskie aspekty)* [Language of the modern French press: (lexicome-mantic aspects)]. L.: Izd-vo LGU. (In Russ.).

16. Cherdantseva, T. Z. (1988). Metafora i simvol vo frazeologicheskikh edinityakh [Metaphor and symbol in phraseological units]. In *Metafora v yazyke i tekste*. M.: Nauka. Pp. 78-92. (In Russ.).

17. Shanskiy, N. M. (2012). *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseology of the Modern Russian Language]. 6-e izd. URSS. (Seriya: Lingvisticheskoe Nasledie XX veka). (In Russ.).

18. Dauzat, A. (1946). *Les Argots: Caracteres. Evolution. Influence*. Paris: Delagrave.

19. Greimas, A. J. (1966). *Semantique structurale*. Paris: Larousse.

20. Gross, G. (1996). *Les Expressions Figees en Frangais*. Paris: Ophrys.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Sinelnikov, Yu. G., Novoseltsev, A. S. (2000). *Frantsuzsko-russkiy slovar argoticheskoy leksiki so znacheniyami somatizmov* [French-Russian dictionary of argotic vocabulary with the

meanings of somatisms]. Belgorod: Izd-vo BGU. (In Russ.).

2. *Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui / Sous la rftd. d'A. Rey.* Paris: Dictionnaire de Robert, 1991.

3. Rey, A., Chantreau, S. (2003). *Dictionnaire des expressions et locutions.* Paris.

Жебеленко Ольга Георгиевна – ассистент
кафедры романской филологии
(e-mail: zhebelenko_olga@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Zhebelenko Olga G. – Assistant of Romance
Philology Department
(e-mail: zhebelenko_olga@mail.ru),
State Educational Institution of Higher Professional
Education «Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 09 октября 2017 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'371 [811.161.2+811.351.32]

© 2017 Э. С. Ветрова

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕДИНИЦ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ЛЕЗГИНСКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья содержит результаты сопоставительного анализа единиц речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах. Рассматриваются этикетные единицы, функционирующие в ситуациях приветствия, прощания, обращения, пожелания, соболезнования, выявляются общие и дифференциальные признаки в их семантике и коммуникативной реализации.

Ключевые слова: речевой этикет, единицы речевого этикета, ситуация общения, лезгинский язык, украинский язык

© 2017 E. S. Vetrova

COMPARATIVE ANALYSIS OF SPEECH ETIQUETTE UNITS IN THE LEZGHIAN AND UKRAINIAN LINGUOCULTURES

The article deals with the results of the comparative analysis of speech etiquette units in the Lezghian and Ukrainian linguistic cultures. The etiquette formulae of greeting, farewell, treatment, wishes, and condolences have been considered, common and differential features in their semantics and communicative realization have been revealed.

Keywords: speech etiquette, unit of speech etiquette, situation of communication, the Lezghian language, the Ukrainian language.

1. Статья посвящена сопоставительному изучению единиц речевого этикета в лезгинской и украинской лингвокультурах. Рассматриваются этикетные единицы, функционирующие в различных ситуациях общения, например: лезг. *Салам алейкум!*, укр. *Доброго здоров'я!* (приветствие); лезг. *Хъсан рехъ хъуй / хъурай!* 'Счастливой дороги!', укр. *Бувайте здорові!* (прощание); лезг. *Квез Аллагъ къмек хъурай!* 'Пусть Аллах поможет тебе!', укр. *Дай, Боже, час і пору добру!* (пожелание добра) и др.

1.1. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к проблемам речевой коммуникации, в частности, исследованию различных стратегий и тактик речевого поведения, способствующих достижению коммуникативного успеха и гармонизации межличностных и межнациональных отношений [см., например, работы: Стернин, 2003; Формановская, 2009; Ларина, 2009; Кремзикова, 2010; House, 1998; Watts, 2003; Brown, 2015 и др.]. В связи с процессами глобализации, приведшими к столкновению различных лингвокультур, заметно активизировались сопоставительные

исследования, посвященные выявлению сходств и различий языковых подсистем разных языков [см. работы: Тер-Минасова, 2000; Шомахова 2002; Басыров, 2004; Стернин, 2003; Калиущенко, 2016 и др.]. В последние десятилетия объектом сопоставительного анализа все чаще становятся речевые единицы, функционирующие в стандартных ситуациях общения («Обращение», «Приветствие», «Пожелание», «Прощание» и т.д.), которые рассматриваются с позиций лингвистической прагматики, лингвокультурологии, социолингвистики и других научных направлений. Вместе с тем, несмотря на большое количество работ, в современном сопоставительном языкознании данная проблема все еще недостаточно разработана. Основная масса исследований в этой области выполнена на материале уже детально изученных языков: русского и английского, русского и немецкого, немецкого и французского и т.д., тогда как языкам, менее распространенным в международной практике общения и, соответственно, менее подробно описанным, уделяется недостаточно внимания.

1.2. Цель предложенной статьи – описание речевого этикета как системы, установление типов системных отношений между его элементами, классификация лезгинских и украинских единиц речевого этикета, выявление общих и дифференциальных признаков в их семантике и особенностях функционирования в различных ситуациях общения.

1.3. Эмпирическим материалом исследования послужили единицы речевого этикета, извлеченные методом сплошной выборки из следующих источников: словарей (толковых, переводных, фразеологических и др.), работ этнографического и фольклористического характера, художественных и публицистических текстов. Кроме того, в качестве примеров использовались речевые образцы, полученные автором методом анкетирования и интервьюирования информантов, а также методом включенного наблюдения. Всего проанализировано 7272 контекстных употребления этикетных единиц, из них: 3367 – в лезгинском языке и 3905 – в украинском языке.

2. Под речевым этикетом в лингвистике традиционно понимают «систему устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2002: 413].

2.1. Из данного определения следует, что речевой этикет – это не хаотический набор вербальных знаков, а система, т.е. совокупность языковых единиц, между которыми

устанавливаются определенные связи и отношения, служащие для выполнения определенных коммуникативных задач. Между единицами речевого этикета реализуются следующие виды системных отношений: 1) иерархические (устанавливаются между неоднородными элементами, относящимися к разным уровням, при этом единицы более высоких уровней представляют собой сочетания единиц более низких уровней); 2) оппозитивные (устанавливаются между речевыми единицами, противоположными по значению); 3) синонимические (устанавливаются между речевыми единицами, тождественными или близкими по семантике); 4) омонимические (устанавливаются между речевыми единицами, которые имеют одну и ту же форму выражения, но абсолютно разные значения); 5) синтагматические (выбор того или иного этикетного знака влечет за собой с большей или меньшей степенью обязательности соответствующий подбор последующих элементов речевой цепочки).

2.2. Речевой этикет реализуется с помощью специализированных языковых единиц, которые представляют собой «национально специфичные стереотипные, устойчивые формулы общения, принятые и предписанные обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [Формановская, 2009: 127]. Единицы речевого этикета неоднородны по структурным, семантическим и функциональным признакам. Это послужило причиной того, что в современной лингвистике до сих пор не существует традиционного общепринятого термина для обозначения данных вербальных знаков. Разные ученые определяют их по-разному: этикетные действия (В. И. Карасик); речевые ритуалы (Ю. Д. Апресян, Е. В. Падучева); формулы социального этикета (Н. Д. Арутюнова); конвенционально-этикетные формулы (Г. А. Золотова); формулы речевого этикета, этикетные формулы (Н. И. Формановская); этикетные конструкции, шаблонные фразы (Л. П. Якубинский); стереотипы (Ш. Балли), звуковые жесты (В. В. Виноградов); предложения-штампы (П. А. Лекант); этикетные клише (М. Д. Зиновьева); прагматические клише (Р. Ратмайр), этикетные жанры (Т. В. Тарасенко) и т.д. Введение в научный оборот такого количества терминов говорит о сложном и противоречивом характере изучаемого явления, а также дискуссионности данного вопроса, который в современной лингвистике до настоящего времени остается открытым. В предложенной работе используется термин *единицы речевого этикета (ЕРЭ)*, который, на наш взгляд, наиболее удобен в силу своей семантической емкости и универсальности, что позволяет использовать его при изучении речевого этикета в различных аспектах.

2.3. Речевой этикет неразрывно связан с ситуацией общения, под которой в лингвистике подразумевается «комплекс внешних условий общения и внутренних реакций человека, представленный в соответствующем лингвистическом оформлении» [Верещагин, Костомаров 1980: 139]. Ситуация общения имеет определенную структуру, в которой выделяют следующие компоненты: 1) говорящий; 2) слушающий; 3) отношения между говорящим и слушающим; 4) средство связи (язык, диалект, стиль); 5) способ связи (контактное или дистантное общение; устная или письменная форма); 6) место; 7) цель; 8) тема [Крысин 1977: 72-73]. Единицы речевого этикета, относящиеся к одной и той же ситуации общения (например, приветствия, прощания и т.д.), образуют коммуникативно-семантические группы (КСГ), под которыми понимаются «синонимически (или тематически) связанные группы перформативных высказываний, объединенные одним интенциональным значением» [Формановская, 2009; 2015]. Объединение этикетных единиц в КСГ осуществляется на основе парадигматических отношений, обеспечивающих возможность выбора в процессе общения речевой единицы, наиболее уместной и необходимой в той или иной коммуникативной ситуации. Единицы речевого этикета, входящие в состав КСГ, семантически неоднородны и соотносятся с разными фрагментами объективной реальности, что способствует объединению их в подгруппы. Между этикетными единицами, входящими в состав КСГ и подгрупп, устанавливаются синонимические отношения.

3. Набор КСГ в разных языках общий, что обусловлено универсальностью самого речевого этикета и коммуникативных ситуаций, в которых он используется. В лингвистике традиционно выделяют следующие КСГ: «Приветствие», «Прощание», «Пожелание», «Обращение», «Соболезнование» и т.д. в рамках которых в каждой лингвокультуре формируется свой набор ЕРЭ («этикетный тезаурус»), отражающий национальную специфику речевого общения.

В предложенной работе объектом сопоставительного анализа послужили КСГ: «Приветствие», «Прощание», «Обращение», «Пожелание добра», «Соболезнование», которые представляют ключевые ситуации общения и обладают большой коммуникативной и социальной значимостью. Кроме того, в статье рассматриваются речевые единицы КСГ «Пожелание зла», которые выходят за рамки речевого этикета, однако являются неотъемлемой частью повседневного общения обоих народов, выступая своеобразными речевыми табу, играющими важную роль в регуляции и регламентации речевого поведения. Единицы речевого этикета, функционирующие в составе указанных выше КСГ, являются носителями важной этнокультурной информации и наиболее

рельефно отражают особенности социально-исторического и духовного развития лезгин и украинцев, специфику их национального мышления и мировосприятия.

3.1. В результате сопоставительного анализа установлено, что количественные характеристики единиц речевого этикета в рамках КСГ демонстрируют как общие, так и различные тенденции в системе речевого этикета сопоставляемых языков (см. табл. 1).

Таблица 1. *Количественные характеристики коммуникативно-семантических групп в лезгинском и украинском речевом этикете*

Коммуникативно-семантические группы	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
	к-во ЭФ	%	к-во ЭФ	%
1. «Обращение»	1350	40,1	1680	43
2. «Пожелание добра»	950	28,2	978	25
3. «Пожелание зла»	720	21,4	780	20
4. «Соболезнование»	147	4,4	160	4,1
5. «Приветствие»	110	3,3	187	4,8
6. «Прощание»	90	2,6	120	3,1
Всего	3367	100	3905	100

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в сопоставляемых языках обнаружено разное количество ЕРЭ: в украинском языке выявлено на 538 единиц больше. Обнаружено, что наиболее продуктивными в обеих лингвокультурах являются этикетные единицы КСГ «Обращение». В лезгинской лингвокультуре их количество составляет 40,1% от общей выборки, насчитывающей 3367 единиц; в украинской – 43% от общей выборки, насчитывающей 3905 единиц. Данный результат обусловлен тем, что обращение к собеседнику – «одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания и регуляции человеческого общения» [Гольдин, 1983: 4]. В сопоставляемых языках в составе данной группы зафиксированы наибольшие количественные различия. В лезгинском языке насчитывается 1350 обращений, что на 330 единиц меньше, чем в украинском языке. ЕРЭ других групп имеют приблизительно одинаковые количественные характеристики. Второе место по продуктивности занимают единицы речевого этикета КСГ «Пожелания добра». В лезгинском языке в ее состав входит 950 единиц (28,2% от общей выборки), в украинском – 978 единиц (25% от общей выборки). Данный результат свидетельствует о том, что доброжелательное отношение к собеседнику – типичная особенность речевого этикета обеих лингвокультур.

Продуктивными в обоих языках являются также речевые единицы, входящие в состав КСГ «Пожелания зла». В лезгинской лингвокультуре их количество составляет 720 единиц (21,4% от общей выборки), в украинской – 780 (20% от общей выборки).

Пожелания зла в обеих лингвокультурах – неотъемлемый компонент повседневного общения, свидетельствующий об эмоционально-экспрессивном характере обоих народов.

Наименьшей продуктивностью характеризуются этикетные единицы КСГ «Соболезнование», «Приветствие» и «Прощание», имеющие в сопоставляемых языках приблизительно одинаковые количественные характеристики. При этом следует отметить, что в лезгинском языке большее количество этикетных единиц содержит КСГ «Соболезнование» (147 единиц, т.е. 4,4% от общей выборки), тогда как в украинском языке более продуктивны приветствия (187 единиц, т.е. 4,8% от общей выборки). В лезгинской и украинской лингвокультурах наименьшей степенью продуктивности характеризуются этикетные единицы КСГ «Прощание» (2,6% и 3,1% соответственно). При этом в украинском языке выявлено 90 единиц, что на 30 единиц меньше, чем в лезгинском языке.

3.2. За приведенными выше количественными различиями стоят определенные тенденции, обусловленные структурно-семантическими особенностями лезгинского и украинского языков, что особенно наглядно прослеживается на примере обращений-терминов родства (см. табл. 2).

Таблица 2. *Обращения-термины родства и их количественные характеристики в лезгинском и украинском речевом этикете*

Семейный статус адресата	Лезгинская лингвокультура		Украинская лингвокультура	
	ЭФ	к-во	ЭФ	к-во
1. Отец	<i>буба, дах</i>	2	<i>батьку, батьо, батусь, батуньо, батусьо, батенько, батечко, батонько; тату, татку, таточко, татенько, татечко, татонько, татульо, татуленько, татунь, татуньо, татусю, татусьо, татусику; диал.: татцьо, татценько</i>	23
2. Мать	<i>диде, бах, диал.: бажи, йаъ, ана</i>	5	<i>мамо, мамонько, мамочко, мамуню, мамусю, мамусечко, мамусенько, мамунечко, мамцю, мамуньцю, матусю, матусенько, матінко, матіночко; диал.: матюнко, матьонко; неню, неньо, ненько, ненечко</i>	19
3. Сын	<i>гада, хва; чан хва (ласк.)</i>	3	<i>сину, синку, синачку, синопьку, синусю, синятко; диал.: сену, сенку</i>	8
4. Дочь	<i>руш; чан руш (ласк.)</i>	2	<i>доню, доцю, доцюню, доньцю, доненько, донечко, доненько, дочечко</i>	8
5. Бабушка	<i>баде, бажи, чІехи диде; диал.: бада, паъ, йене</i>	6	<i>бабусю, бабуню, бабусенько, бабусечко</i>	4
6. Дедушка	<i>буба, чІехи буба</i>	2	<i>дідулю, дідуню, дідусю, дідунечко, дідусечко</i>	5
	<i>Всего</i>	20		67

3.2.1. Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, в системе обращений-терминов родства в сопоставляемых языках наблюдаются существенные количественные различия: в украинском языке зафиксировано 67 этикетных единиц, тогда как в лезгинском языке – всего лишь 20. Данный факт объясняется, в первую очередь, функционированием в украинском языке большого количества вариантов обращений, образованных с помощью диминутивных суффиксов, которые являются носителями эмоционально-оценочного значения. В лезгинском языке, несмотря на его агглютинативный характер, подобные словообразовательные средства отсутствуют. Примечательно, что приведенный в таблице набор ЕРЭ полностью соответствует нормам национального семейного этикета: атмосфера лезгинского семейного общения отличается строгостью, четкой регламентацией, эмоциональной сдержанностью, тогда как отношения в украинской семье более демократичны и эмоциональны.

3.2.2. На количественный состав обращений влияют и другие факторы. Большинство лезгинских обращений-терминов родства являются полисемантическими и могут адресоваться членам семьи, занимающим разные позиции в семейной иерархии, например, *хтул* – обращение к внуку, правнуку, племяннику; *буба* – обращение к отцу, деду, сыну; *бажи* – обращение к матери и бабушке. В украинском языке термины родства, используемые в рамках семьи, однозначны, вследствие чего по отношению к разным категориям родственников используются разные этикетные единицы.

3.2.3. В украинском речевом этикете наблюдается последовательное разграничение обращений к адресатам мужского и женского пола (например, *синку-доню* и многочисленные производные от них), тогда как в лезгинском языке в некоторых случаях такое разграничение отсутствует (например, упомянутое выше обращение *хтул* адресуется племяннику и племяннице). Примечательно, что аналогичная тенденция в лезгинской лингвокультуре обнаруживается не только в рамках семейного дискурса, но и в других коммуникативных контекстах. Так, в условиях симметричного неофициального общения широко распространены обращения: *зи масанди* ‘мой (-я) дорогой (-ая)’; *гьурметлу* (*гьурметлуди*) ‘уважаемый / уважаемая’; *кIвал чIур тахъайди* – ‘милый (-ая), любезный (-ая)’ (букв. ‘не потерявший (-ая) дом’); *хизан сагъ хъайди* ‘обладающий (-ая) благополучной семьей’; *хва* (*хизан*) *текъейди* ‘не потерявший (-ая) сына (семью)’ и др. Функционирование подобных гендерно-нейтральных (относящихся и к мужчинам, и к женщинам) форм обусловлено отсутствием в лезгинском языке грамматической категории рода, вследствие чего обозначение пола с помощью речевых средств в общении имеет необязательный характер и самими говорящими не осознается. Вместе с тем, наряду с

гендерно-нейтральными ЕРЭ в лезгинском языке широко распространены и гендерно-маркированные формы, в семантике которых содержится указание на пол собеседника, например: *я кас!* (букв. 'эй, мужчина!') – наиболее употребительное обращение в непринужденном общении мужчин; *яда!* (букв. 'эй, слушай!', образовано в результате сращения аппеллятивной частицы *я* и усеченной формы существительного *гада* 'сын, парень, юноша') – обращение к мальчику, юноше, сыну; *я руш* 'эй, дочка (девочка)!' – обращение к дочери, невестке, незнакомой молодой девушке и др.

3.2.4. Характерной особенностью украинского неформального симметричного общения является использование в качестве обращений имен собственных (как в рамках семьи, так и за ее пределами). В лезгинской лингвокультуре считается, что такой способ обращения к собеседнику не способствует сближению коммуникантов, поэтому в теплой непринужденной обстановке имена собственные чаще всего вытесняются терминами родства, например: *я вах* 'сестра', *я стха* 'брат' и др. В украинском языке подобные формы непродуктивны и находятся на периферии КСГ «Обращение».

3.3. Второе место по количественным показателям в обеих лингвокультурах занимают пожелания добра. В сопоставляемых языках данные ЕРЭ активно используются в различных ситуациях общения с целью проявления внимания и симпатии к адресату, выражения надежды на благополучие в его жизни в будущем. Практически одинаковое количество этикетных единиц, обнаруженное в исследуемых лингвокультурах (см. табл. 1), дает основание утверждать, что высокая степень ориентации на пожелания добра – типичная особенность как лезгинского, так и украинского речевого этикета.

3.3.1. В обоих языках пожелания добра могут использоваться в прямом значении, обслуживая ситуацию «Пожелание», а также развивать вторичные значения, сопровождая или замещая этикетные формулы других КСГ. Например, в украинском языке этикетная единица *Будьте здорові!* может употребляться в качестве приветствия, пожелания чихнувшему, пожелания при поздравлении, ответа на благодарность и др.; в лезгинском языке фразы *Сагъ хъуй!* 'Будь здоров!', *Хъсанвилер хъурай!* 'Пусть будет с Вами благополучие!' в зависимости от ситуации могут выполнять функции прощания, благодарности, пожелания добра, соболезнования и др.

3.3.2. Неотъемлемой частью пожеланий добра в обеих культурах является мотив – лексический элемент, содержащий указание на то, что именно желает адресант своему собеседнику, например: лезг. *Хизан сагъ хъайди!* 'Семья твоя пусть здорова будет!'; *Ви эхир хийир хъуй!* 'Желаю тебе добра!'; укр. *Дай, Боже, здоров'я!*; *Дай Боже добро у Вашу хату!* и др. Набор мотивов в ЕРЭ сопоставляемых языков общий: 'покровительство

Бога / Аллаха', 'здоровье', 'добро', 'рождение детей', 'долголетие' и т.д. Вместе с тем, в иерархии духовных ценностей лезгин и украинцев данные понятия занимают разные позиции. В украинском языке мотивы 'здоровье', 'добро', 'богатство', 'счастье и удача' относятся к более востребованным по сравнению с лезгинским языком. В свою очередь, в лезгинской лингвокультуре мотивы 'долголетие' и 'рождение детей' ценятся выше по сравнению с украинской лингвокультурой. Примечательно, что в лезгинском языке продуктивным является мотив 'рождение сыновей', тогда как в украинском языке внимание на гендерной принадлежности ребенка не акцентируется.

3.4. Третье место по количественным характеристикам занимают пожелания зла (см. табл.1). Несмотря на то, что согласно религиозным канонам и нормам народной морали использование таких высказываний недопустимо, в лезгинском и украинском языках они являются неотъемлемым компонентом повседневного общения. Активное функционирование пожеланий зла в сопоставляемых языках объясняется особенностями национального характера лезгин и украинцев, которые одинаково склонны к проявлению обостренной эмоциональности и использованию резких выражений в критических ситуациях общения [см. об этом Цаллагова, 1997; Українці, 1991; Крысько, 2008 и др.], а также тяжелыми условиями жизни этносов в прошлом. Следует отметить, что данными высказываниями в обеих лингвокультурах пользуются преимущественно женщины, мужчины более сдержаны в своих эмоциях.

3.4.1. Лезгинские и украинские пожелания зла могут реализовать свое значение эксплицитно и имплицитно. Эксплицитные высказывания содержат мотив – лексический компонент, указывающий на то, что именно желает адресант своему собеседнику. Мотивы пожеланий зла в сопоставляемых языках общие: 'болезнь', 'беда', 'смерть', 'физические увечья', 'отсутствие детей' и т.д.: лезг. *Вак азар куткурай!* 'Чтоб тебя болезнь взяла!'; *КІвал чІур хьуй (вичин)!* 'Пусть у него будет беда!' (букв. 'Пусть его дом разрушится'); укр. *Щоб тебе смерть у могилу забрала!*; *Бодай на тебе болячка!*; *Хай Вам лихо!* и др. При этом в лезгинском языке доминируют пожелания зла, направленные не на самого адресата, а на его ближайшее окружение: дом, род, детей, тогда как в украинском языке преобладают личностно-ориентированные высказывания с мотивом 'болезнь'.

Имплицитные пожелания зла в обоих языках отличаются образностью, сложной ассоциативной природой, несоответствием между планом выражения и планом содержания, поэтому понять их истинное значение можно лишь в контексте коммуникативной ситуации при условии наличия у участников диалога общих фоновых знаний. По сравнению с эксплицитными высказываниями, такие речевые формы менее

категоричны, поскольку адресант открыто не сообщает о своих желаниях и намерениях, а лишь намекает на них, оставляя возможность адресату самому догадаться, о чем идет речь. Репрезентантами основного лексического значения в таких высказываниях чаще всего являются конструкции, построенные на основе фразеологизмов, метафор, метонимий, символов, сравнений, которые актуализируют национально специфические ассоциативные представления лезгин и украинцев об окружающем мире. Например: укр. *Щоб не діждав більш рясту топтати!* (*топтати ряст* – ‘жить’); *Щоб ти зозулі не чув!* (по голосу кукушки узнавали о продолжительности жизни человека); *Щоб тобі дубовий хрест (смерть)!*; *Щоб ти головою наложив!* (*головою накласти* – ‘погибнуть’); *Нехай над ним ворони крикають!* (ворон – предвестник смерти) и др.; лезг. *Къиникъал ви къил эцигый!* (букв. ‘Чтобы на смерть твою голову положили!’); *Ви къавал тІиб ацукъуй!* ‘Чтобы на твою крышу сова села!’, *Ви кІвалел пехъ ацукърай!* ‘Пусть ворон сядет на крышу твоего дома!’ (т. е. ‘пусть кто-нибудь из твоей семьи умрет!’); *Ви кІвал байкъушди ягърай!* ‘Пусть филин посетит твой дом!’ (сова, филин, ворон – предвестники смерти, несчастья); *Ирид чилиз аватрай!* ‘Пусть упадет под семь земель!’; *Къуьн къуна свас акъуддай югъ гъич такурай!* (букв. ‘Чтобы никогда не видел дня вывода невесты из дома!’), т.е. ‘Чтобы не дожил до своей свадьбы!’ и др.

3.4.2. Выбор пожеланий зла в обеих культурах осуществляется с учетом гендерного фактора. В лезгинском языке наблюдается четкая дифференциация «мужских» (предназначенных для мужчин) и «женских» (предназначенных для женщин) негативных высказываний. Женщинам чаще всего адресуются речевые единицы: *Ви куц кый!* ‘Пусть умрет твой род!’; *Яллагъ, ви стха кый!* ‘Пусть умрет твой брат!’, *Ви киф атІуй!* (букв. ‘Чтоб косу тебе отрезали!’) и др., которые характеризуются высокой степенью эмоциональности. Аналогичными по силе воздействия на адресата «мужскими» пожеланиями зла являются: *Вун ви бармакдин кІаник кый!* (букв. ‘Чтоб ты под своей папхой умер’, папха – символ мужского достоинства); *Адан кІвалин гум атІуй!* ‘Пусть прекратится дым в его доме, пусть навсегда погаснет его очаг!’ (в значении ‘Пусть умрет, не оставив потомства!’) и др. В украинском языке такое разграничение отсутствует. Примечательно, что использование пожеланий зла женщинами в отношении мужчин в лезгинской лингвокультуре неприемлемо. В украинской лингвокультуре наблюдается противоположная тенденция: в рамках семейного общения зафиксировано большое количество разнообразных экспрессивных высказываний, которые во время семейных ссор жена адресует своему мужу: *Щоб ти не діждав!*; *Щоб тебе таке взяло, щоб ти не діждав і світа!*; *Щоб ти прахом розпався!*; *Матері твоїй хрін!*; *Куна чортів твоїй*

матері! и др.

3.5. В составе КСГ «Прощание» в украинском языке обнаружено большее количество этикетных единиц (см. табл. 1). Украинские прощания различаются по семантике и стилистической маркированности: *До побачення!*, *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!*, *Дозволь(-те) попрощатись!*, *Усього (вам) найкращого!*, *Щасливої дороги!*, *Хай Вам щастить!*, *Будьте (бувайте) здорові (щасливі)!*, *Будь (бувай) здоров(-ий, -а), щаслив(-ий, -а)!*, *На все добре!*, *Добраніч!*, *У добрий час!*, *До зустрічі!*, *До завтра!* и др. Каждая из приведенных выше этикетных единиц соотносится с определенным фрагментом ситуации «Прощание». Например, высказывания *До побачення!*, *До зустрічі!*, *До завтра!* содержат указание на то, что коммуниканты расстаются до определенного временного предела; *Прощай(-те)!*, *Прощавай(-те)!* используются в ситуации, когда участники диалога расстаются надолго либо навсегда; *Щасливої дороги!*, *У добрий час!* адресуются человеку, отправляющемуся в дорогу и т.д. Кроме того, ЕРЭ различаются в стилистическом плане, например: фраза *Дозволь(-те) попрощатись!* является маркером официального стиля, высказывания *Будьте (бувайте) здорові (щасливі)!*, *Будь (бувай) здоров(-ий, -а), щасливий(-а)!* употребляются в разговорной речи и т.д. Такое синонимическое разнообразие способствует выбору этикетной единицы, наиболее оптимальной и эффективной в каждой конкретной ситуации общения.

В лезгинской лингвокультуре коммуникативная ситуация «Прощание» подвержена менее детальной вербализации. В современном лезгинском языке функционирует довольно ограниченный набор прощаний, которые, однако, обладают большим семантическим объемом и широкими функциональными возможностями. К наиболее употребительным из них относятся: *Сагъ хъуй (хъурай)!* ‘До свидания! / Прощай! / Будь здоров!’; *Сагърай!*; ‘До свидания! / Прощай! / Всего хорошего!’; *Сагъ-саламат хъуй!* ‘Счастливого пути! / Всего доброго! / Оставайся здоровым!’ (букв. ‘Пусть благополучие будет!’) – универсальные прощания, употребляемые независимо от ситуации общения и социальных признаков коммуникантов. Кроме того, данные этикетные единицы полисемантчны и могут использоваться в других коммуникативных обстоятельствах, выступая в качестве благодарности, пожелания добра, соболезнования, ответного приветствия или прощания, поздравления, а также выражать различные эмоции – радость, удовлетворение и т.д.

Наряду с универсальными прощаниями в лезгинском языке используются и функционально ограниченные фразы, употребление которых детерминировано определенными коммуникативными факторами. Например, форма *Геже хийир!*

‘Спокойной ночи!’ является традиционным прощанием перед сном, *Хъсан рехъ хъуй (хъурай)!* ‘Счастливого пути!’ адресуется человеку, который уезжает; *Гъелелиг!* ‘Пока!’ – имеет разговорный оттенок и употребляется в речи молодежи.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, довольно ограниченный и однообразный (по сравнению с украинским языком) набор лезгинских прощаний является вполне достаточным для полноценной вербальной репрезентации данной коммуникативной ситуации и решения необходимых коммуникативных задач. В свою очередь, систему украинских этикетных единиц нельзя оценивать как избыточную, т.к. каждый ее компонент соотносится с определенным фрагментом объективной реальности и реализует специфические прагматические функции. Данный факт объясняется разным восприятием одной и той же коммуникативной ситуации представителями разных культур: украинцы воспринимают ее более конкретно и детализировано, лезгины – более абстрактно и синкретично.

3.6. В лезгинском и украинском языках функционирует относительно небольшое количество этикетных единиц КСГ «Приветствие» (см. табл. 1). Вместе с тем, в обеих лингвокультурах приветствия образуют разветвленную систему этикетных единиц, различающихся по семантике и стилистической маркированности, что позволяет наиболее точно обозначить обстоятельства взаимодействия коммуникантов с учетом их пола, возраста, социального статуса, выполняемой на момент общения работы и т.д. В составе приветствий в сопоставляемых языках выделяются две подгруппы: 1) универсальные высказывания, уместные в любой ситуации общения; 2) функционально ограниченные этикетные единицы, использование которых детерминировано определенными коммуникативными факторами.

3.6.1. В лезгинском речевом этикете стилистически нейтральным и уместным в любой ситуации общения является приветствие *Салам алейкум!* ‘Здравствуйте!’ (букв. ‘Мир Вам!’) – древнее исламское приветствие, известное всему мусульманскому миру. Следует отметить, что в прошлом данная фраза имела ограниченные функциональные возможности и использовалась исключительно в мужском общении представителей мусульманской веры. В современном общении лезгин и других народов, исповедующих ислам, приветствие *Салам алейкум!* (и его редуцированная форма *Салам!*, характерная для неформального общения) используется практически без ограничений. В украинском речевом этикете к универсальным и частоупотребительным относится этикетная единица *Здрастуй(-те)!* (повелительное наклонение от старославянского глагола *сѣдравствувати* – ‘быть здоровым’), которая эффективна в любых

коммуникативных обстоятельствах. Пожелание здоровья содержат и другие украинские приветствия, однако их использование ограничено рамками разговорного стиля: *Здоров(-а) був (була)!*; *Здорові будьте!*; *Здорові були!*; *Здоровенькі були!*; *Доброго здоров'я (здоров'ячка)!*; *Доброго здоров'я вам у хату!*; *Дай, Боже, здоров'я!*; *З понеділку будьте здорові!*; *Доброго здоров'я зичу!*; *Здорові!* и др.

3.6.2. В обоих языках зафиксированы приветствия, употребление которых ограничено временным фактором. Данные этикетные единицы в обеих лингвокультурах имеют характер пожелания, мотивом которого является понятие *добро* (в лезг. – *хийир*), что говорит о его приоритетных позициях в морально-этическом кодексе лезгин и украинцев: укр. *Добрий ранок!*, *Доброго ранку!*, *Добридосяток!* – лезг. *Сабагь (пакаман) хийирар хьуй!* ‘Доброе утро!’; укр. *Добрий день!* *Доброго дня!* – лезг. *Нисин хийирар хьуй!* ‘Добрый день!’; укр. *Добрий вечір!* *Доброго вечора!* *Добрирвечір!* – лезг. *Няни хийирар хьуй!* ‘Добрый вечер!’; укр. *Доброї ночі!* *Добраніч!* – лезг. *Йифен хийирар хьуй!* ‘Доброй ночи!’. Как свидетельствуют приведенные выше примеры, среди темпорально обусловленных приветствий обнаруживаются межъязыковые этикетные соответствия. При этом следует отметить, что о полной тождественности семантики этикетных единиц в сопоставляемых языках речь не идет. В лезгинском языке компонент *хийир*, входящий в состав этикетной единицы, имеет несколько толкований, которые в лексикографических источниках фиксируются в следующем порядке: 1) выгода, польза, прок; 2) прибыль; 3) добро, благо [Талибов, Гаджиев, 1966]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что значение ‘выгода, польза, прок’ является более приоритетным, нежели ‘добро, благо’. Подтверждением данного наблюдения может служить и то, что во многих лезгинских учебниках приведенные выше фразы чаще всего переводятся на русский язык следующим образом: *Сабагь (пакаман) хийирар хьуй!* ‘Утренние пользы пусть будут!’; *Няни хийирар хьуй!* ‘Вечерние пользы пусть будут!’ и т.д.

3.6.3. В обоих языках наряду с универсальными приветствиями функционируют этикетные единицы со специализированным значением, закрепленным за определенной коммуникативной ситуацией, например: лезг. *Вун атуй рагь атуй!* ‘Добро пожаловать!’ (букв. ‘Ты пришел – солнце взошло!’); *Хвашигелди!* ‘Добро пожаловать!’ – укр. *Ласкаво просимо!* (приветствие гостя). В обеих лингвокультурах широко используются трудовые приветствия, выбор которых обусловлен родом занятий адресата. Например, лезг.: *Ваз кьуватлу!* *Ви цанар кьалинбур хьурай, техилар лап бул!* ‘Пусть поможет Вам Аллах! Чтоб вспахать Вам глубоко и много! Пусть будет год для Вас богат!’ (приветствие земледельцев); *Кьуй техилдикай Квез шаддиз жедай ризкьи хьурай!* *Кьуй Квевай ам*

Клусни хкат тавуна кІватІуз хьурай! ‘Пусть будет урожай для Вас радостной пищей! Чтоб собрали Вы его без потерь!’ (приветствие жнецов) и т.д.; укр. *Благослови, Боже, в щасливу дорогу на лицарське жниво, і, дай Боже, щасливо повернутися!* (приветствие жнецов); *Дай, Боже, хлібові урожай, а людям здоров'я!* (приветствие сеятелей) и др.

3.7. В составе КСГ «Соболезнование» зафиксировано практически одинаковое количество этикетных единиц (см. табл. 1). В обеих культурах обнаружены этикетные единицы двух типов: 1) адресуемые покойному и 2) адресуемые родственникам покойного.

3.7.1. Схожие черты наблюдаются в высказываниях первого типа – древних по происхождению текстах, которые сформировались, с одной стороны, под влиянием язычества, с другой – под влиянием монотеизма: христианства (в украинской культуре) и ислама (в культуре лезгин). Данные ЕРЭ отражают общие для лезгин и украинцев мировоззренческие установки: понимание смерти как перехода в другое состояние, вера в существование загробного мира, бессмертие души, культ предков и др. Например: укр. *Нехай (хай) над ним земля (буде) пером (пухом)!; Царство небесне (йому, їй, їм) (вічне, Боже)!; Нехай з богом спочиває!*; лезг. *Кьейидаз женнет кьисмет хьурай!* ‘Рай местом покоя его пусть будет!’; *Авай сад кьена сура тахьуй!* ‘Пусть один в могиле не будет!’; *Кьейидаз регьметар гурай* ‘Царство небесное умершему!’ и др.

3.7.2. Этикетные единицы второго типа направлены на выражение сочувствия, сострадания, оказание психологической поддержки собеседнику. В украинском языке семантическим центром таких высказываний выступает перформативный глагол – *співчую* и его аналитические глагольно-именные эквиваленты: *висловлюю (хочу висловити, приношу, прошу прийняти) + співчуття: (Я) щиро Вам співчую;* *(Я) висловлюю тобі (Вам) співчуття;* *(Я) приношу тобі (Вам) своє глибоке (щире) співчуття;* *(Я) хочу висловити (своє) щире співчуття;* *(Я) прошу прийняти (моє) глибоке співчуття* и др. Подобные конструкции характеризуются эмоциональной сдержанностью и характерны преимущественно для официальной ситуации общения. В неофициальной обстановке им, как правило, предшествуют фразы, содержащие констатацию факта утраты, эмоционально-экспрессивную оценку случившегося, которые демонстрируют желание адресанта разделить с собеседником горечь утраты: *Вас спіткало велике нещастя!; Ви понесли велику (непоправну) втрату!; Яке (жахливе) нещастя!; Який фатальний випадок!; Я вражений Вашим горем!*

В лезгинском языке в качестве соболезнований чаще всего используются этикетные единицы с мотивами ‘здоровье’, ‘добро’, ‘радость’, ‘благополучие’ и др., которые выражают идею о том, что жизнь продолжается и, отдав дань уважения покойному,

следует подумать о живых. Воплощению этой идеи способствует использование в составе лезгинских соболезнований специальных речевых средств – метафор, эвфемизмов, слов с положительно-оценочным значением, императивных конструкций, направленных на психологическую поддержку собеседника: *Баш сагъ хьуй (хьурай)! 'Дай Вам Бог здоровья!'* (букв. 'Пусть голова будет здорова!'); *Квез хажалатарни хъана, куьн сагърай!* 'У Вас горе, желаю Вам здоровья!'; *Ам кьенатIа, вун сагърай!* 'Он умер, а тебе желаю здоровья, благополучия!'; *Им куь эхиримжи фикир, хажалат хьурай!* 'Пусть будет горе Ваше последним!'; *Квез мад кьведайбур шад, хъсан хабарар хьурай!* 'Пусть порог Ваш будет освещен добрыми вестями!'; *РикI шад хьуй!* 'Пусть сердце будет радостным!'. Таким образом, лезгинские соболезнования имеют жизнеутверждающий характер, они обращены в будущее собеседника и демонстрируют рациональное восприятие лезгинами смерти как неизбежного события. Украинские соболезнования сосредоточены на факте утраты, эмоциях и переживаниях адресата и свидетельствует о том, что украинцы воспринимают смерть более болезненно и драматично.

4. Результаты сопоставительного анализа единиц речевого этикета шести коммуникативно-семантических групп позволяют сделать следующие выводы.

4.1. Речевой этикет представляет собой систему, т.е. упорядоченное множество этикетных единиц, между которыми устанавливаются различные типы системных отношений: парадигматические, синонимические, оппозиционные, омонимические, синтагматические. На основе парадигматических связей ЕРЭ объединяются в коммуникативно-семантические группы, в рамках которых выделяются более мелкие образования – подгруппы. Между этикетными единицами, входящими в группы и подгруппы, устанавливаются синонимические отношения. Такая структура речевого этикета обеспечивает возможность выбора наиболее оптимальной этикетной единицы в каждой конкретной коммуникативной ситуации. Многие этикетные единицы обнаруживают тенденцию к полисемии и способны обслуживать различные ситуации общения (см. пп. 2.1, 2.3).

4.2. В лезгинском и украинском речевом этикете выделяется общий набор КСГ («Приветствие», «Прощание», «Обращение», «Пожелание добра» и т.д.), что обусловлено универсальным характером самого речевого этикета и коммуникативных ситуаций, в которых он используется. Вместе с тем, в каждом из языков в рамках КСГ функционирует свой набор этикетных единиц, сформировавшийся под влиянием как собственно лингвистических, так и экстралингвистических факторов (см. п. 3).

4.3. Наибольшее количество этикетных единиц в сопоставляемых языках

зафиксировано в составе КСГ «Обращение». При этом установлено, что в украинском языке они более продуктивны, чем в лезгинском языке (см. табл. 1, пп. 3.1-3.2). Данные различия объясняются следующими факторами: 1) наличием в украинском языке большого количества диминутивных форм и их отсутствием в лезгинском языке; 2) различиями в грамматической системе языков: последовательным разграничением обращений к адресатам мужского и женского пола – в украинском языке; отсутствием грамматической категории рода и функционированием гендерно-нейтральных обращений в лезгинском языке; 3) полисемией используемых в рамках семьи лезгинских терминов родства и однозначностью аналогичных форм в украинском языке (см. пп. 3.2.1-3.2.3).

В украинском речевом этикете в качестве обращений активно используются имена собственные, тогда как в лезгинском речевом общении данный способ является непродуктивным, предпочтение отдается терминам родства (см. п. 3.2.4).

4.4. Высокой продуктивностью в обеих лингвокультурах характеризуются этикетные единицы КСГ «Пожелание добра» (см. табл. 1, п. 3.3). В сопоставляемых языках пожелания добра являются полисемантическими и обслуживают различные ситуации общения: приветствие, прощание, соболезнование и др. (см. п. 3.3.1). Лезгинские и украинские пожелания добра содержат общие мотивы: 'покровительство Бога / Аллаха', 'здоровье', 'добро', 'счастье', 'рождение детей', 'долголетие' и др., которые, однако, занимают разные позиции в ценностной иерархии лезгин и украинцев. В украинском языке мотивы 'здоровье', 'добро', 'богатство', 'счастье и удача' более продуктивны по сравнению с лезгинским языком. В свою очередь, в лезгинской лингвокультуре мотивы 'долголетие' и 'рождение детей (сыновей)' ценятся выше по сравнению с украинской лингвокультурой (см. п. 3.3.2).

4.5. Высокой степенью продуктивности в обоих языках характеризуются пожелания зла, что обусловлено особенностями национального характера лезгин и украинцев (см. п. 3.4). Данные речевые единицы в обеих лингвокультурах представлены эксплицитными и имплицитными формами. Эксплицитные речевые единицы содержат мотив, указывающий на то, что желает адресант собеседнику. Мотивы пожеланий зла в сопоставляемых языках общие: 'болезнь', 'смерть', 'физические увечья', 'бедность', 'отсутствие детей' и т.д. При этом в украинском языке преобладают речевые единицы с мотивом 'болезнь', тогда как в лезгинской лингвокультуре они не продуктивны. В свою очередь, в лезгинском языке доминируют высказывания, связанные с понятиями 'дом', 'род', 'семья', которые в составе украинских пожеланий зла практически не встречаются. Имплицитные пожелания зла в обоих языках построены на основе фразеологизмов, метафор, метонимий, символов,

сравнений, которые актуализируют национально специфические ассоциативные представления лезгин и украинцев об окружающем мире (см. п. 3.4.1).

В лезгинском языке наблюдается четкая дифференциация «мужских» и «женских» пожеланий зла. В украинском языке такое разграничение отсутствует (см. п. 3.4.2).

4.6. Разное количество этикетных единиц зафиксировано в составе КСГ «Прощание». В украинском языке они более продуктивны по сравнению с лезгинским языком (см. табл. 1). Украинские прощания дифференцируются как по семантическим признакам, так и по стилистической маркированности. В лезгинском языке набор прощаний ограничен, в большинстве случаев используются этикетные единицы с семантикой пожелания, которые имеют универсальный характер и обладают широкими функциональными возможностями (п. 3.5).

4.7. Разной степенью продуктивности в сопоставляемых лингвокультурах характеризуются приветствия. В украинском языке зафиксировано большее количество данных этикетных единиц (см. табл.1). В лезгинском языке к наиболее употребительным относится форма *Салам алейкум!*, которая уместна в любых коммуникативных обстоятельствах и используется практически без ограничений. В украинском языке доминируют этикетные единицы с мотивом «здоровье», большинство из которых характерны для разговорной речи. В обоих языках широко распространены трудовые приветствия, выбор которых обусловлен родом деятельности адресата (см. п. 3.6).

4.8. Практически равное количество этикетных единиц зафиксировано в рамках КСГ «Соболезнование» (см. табл. 1), что обусловлено одинаковой степенью важности данной ситуации для обеих лингвокультур. В украинском языке чаще всего используются соболезнования с эксплицитной семантикой, тогда в лезгинском языке доминируют имплицитные высказывания с мотивами ‘добро’, ‘здоровье’, ‘благополучие’, которые имеют жизнеутверждающий характер. Таким образом, соболезнования в сопоставляемых языках отражают разное восприятие факта смерти представителями различных культур: лезгины воспринимают его более рационально, тогда как украинцы – более болезненно и драматично (см. п. 3.7).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басыров Ш. Р. Типология глаголов с рефлексивным комплексом в индоевропейских языках. Донецк: ДонНУ, 2004. 351 с.
2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.
3. Гольдин В.Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 109 с.

4. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике: Избранные труды / под ред. Л.Н. Ягуповой. Донецк: ДонНУ, 2016. 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12).
5. Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.
6. Крысин Л. П. Язык в современном обществе. М.: Просвещение, 1977. 192 с.
7. Крысько В. Г. Этническая психология. М.: Академия, 2008. 320 с.
8. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 516 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
10. Стернин И. А. Проблемы описания вежливости как коммуникативной категории // Коммуникативное поведение. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж, 2003. Вып. 17. С. 22-47.
11. Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. Лезгинско-русский словарь / под ред. Р. Гайдарова. М.: Советская энциклопедия, 1966. 603 с.
12. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 262 с.
13. Українці: народні вірування, повір'я, демонологія / упор., прим. та біогр. нариси А. П. Пономарьова, Т. В. Косміної, О. О. Боряк. К.: Либідь, 1991. 640 с.
14. Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика. М.: ВК, 2009. 333 с.
15. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. Москва: ЛЕНАНД, 2015. 156 с.
16. Цаллагова З. Б. Психолого-педагогические аспекты функционирования этнопедагогической афористики // Воспитание и развитие личности. Материалы Международной научно-практической конференции 13-14 мая 1997 г. Москва, 1997. С. 135-140.
17. Шомахова Т. М. Структурно-семантическая парадигма имени в разносистемных языках. М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. 242 с.
18. Brown P. Politeness and language // The International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences (IESBS) / ed. by J. D. Wright. Amsterdam: Elsevier, 2015. P. 326-330.
19. House J. Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht // Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. Tübingen: Narr, 1998. S. 62-88.
20. Watts R. J. Politeness. New York: Cambridge University Press, 2003. 314 p.

REFERENCES

1. Basyrov, Sh. R. (2004). *Tipologiya glagolov s reflektivnym kompleksom v indoevropskikh yazykakh* [Typology of verbs with a reflection complex in indo-european languages]. Donetsk: DonNU. (In Russ.).
2. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1980). *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic-cultural theory of word]. M.: Russkiy yazyk. (In Russ.).
3. Goldin, V. E. (1983). *Rech i etiket* [Speech and etiquette]. M.: Prosveshchenie. (In Russ.).
4. Kaliuščenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike: Izbrannye trudy* [From linguistic typology to historical linguistics: Selected Works]. In L. N. Jagupovoj (ed). Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; Vol. 12). (In Russ.).
5. Kremzikova, S. E. (2010). *Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse* [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) *Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke*: sb. nauch. st. Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).

6. Krysin, L. P. (1977). *Yazyk v sovremennom obshchestve* [A language in modern society]. M.: Prosveshchenie. (In Russ.).
7. Krysko, V. G. (2008). *Etnicheskaya psihologiya* [Ethnic psychology]. M.: Akademiya. (In Russ.).
8. Larina, T. V. (2009). *Kategoriya vezhlivosti i stil kommunikatsii* [Category of politeness and style of communication]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. (In Russ.).
9. *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. In V. N. Jarceva (ed.). M.: Bolshaya ros. entsikl, 2002. (In Russ.).
10. Sternin, I. A. (2003). Problemy opisaniya vezhlivosti kak kommunikativnoy kategorii [The problem of description of politeness as communicative category]. In *Kommunikativnoe povedenie. Vezhlivost kak kommunikativnaya kategoriya*. Voronezh. No 17. Pp. 22-47. (In Russ.).
11. Talibov, B. B., Gadzhiev, M. M. (1966). *Lezginsko-russkiy slovar* [Lezghian-Russian dictionary]. In R. Gaydarova (ed.). M.: Sovetskaya entsiklopediya.
12. Ter-Minasova, S. G. (2000). *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [language and cross-cultural communication]. M.: Slovo. (In Russ.).
13. *Ukrayintsi: narodni viruvannya, povirya, demonolohiya* (1991). [Ukrainians: people's beliefs, demonology] / upor., prym. ta biogr. narysy A. P. Ponomarova, T. V. Kosminoy, O. O. Boryak. K.: Lybid. (In Ukr.).
14. Formanovskaya, N. I. (2009). *Rechevoy etiket v russkom obshhenii: teoriya i praktika* [Speech etiquette in Russian communication: theory and practice]. M.: VK. (In Russ.).
15. Formanovskaya, N. I. (2015). *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodical aspects]. Moskva: LENAND. (In Russ.).
16. Callagova, Z. B. (1997). Psihologo-pedagogicheskie aspekty funktsionirovaniya etnopedagogicheskoy aforistiki [Psychological and pedagogical aspects of functioning of ethnopedagogical aphoristic]. In *Vospitanie i razvitie lichnosti*. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 13-14 maya 1997 g. Moskva. Pp. 135-140. (In Russ.).
17. Shomahova, T. M. (2002). *Strukturno-semanticheskaya paradigma imeni v raznosistemnykh yazykakh* [Structural and semantic paradigm of noun in different linguistic system]. M.: In-t yazykoznaniya RAN. (In Russ.).
18. Brown, P. (2015). Politeness and language. In J. D. Wright (ed.). *The International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences (IESBS)*. Amsterdam: Elsevier. Pp. 326-330.
19. House, J. (1998). Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht. In *Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung*. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. Tübingen: Narr. Pp. 62-88.
20. Watts, R. J. (2003). *Politeness*. New York: Cambridge University Press.

Ветрова Эльвира Сабировна – кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь (e-mail: vetrova-75@ukr.net)
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий педагогический институт»
283001, Донецк, ул. Артема, 125

Vetrova Elvira S. – Candidate of Philology, Associate Profesor, Academic Secretary (e-mail: vetrova-75@ukr.net)
State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk Pedagogical Institute»
125 Artyema, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 29 сентября 2017 г.

АТТРИБУТИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ И РУССКИХ ПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье исследуются атрибутивные глаголы, входящие в состав английских фразовых и русских приставочных глаголов. На материале английских глаголов с постпозитивным компонентом out и русских глаголов с префиксом вы- описывается семантика глаголов рассматриваемого типа, определяются их деривационные особенности, осуществляется сопоставительный анализ семантических, деривационных и функциональных характеристик указанных глагольных лексем.

Ключевые слова: фразовый глагол, приставочный/префиксный глагол, постпозитивный компонент/постпозитив, приставка/префикс, атрибутивный глагол, формула толкования, деривационная база, актант, субъектная/объектная валентность.

© 2017 O. S. Vorobeva

ATTRIBUTIVE VERBS IN SEMANTIC SYSTEM OF ENGLISH PHRASAL AND RUSSIAN PREFIXAL VERBS

The article studies attributive verbs within English phrasal and Russian prefixal verbs. Based on the English verbs with postpositive component out and Russian verbs with prefix вы-, semantics of the verbs pertaining to the type mentioned is described, their derivation peculiarities are determined, contrastive analysis of semantic, derivational and functional characteristics of the verbal lexemes under consideration is carried out.

Key words: phrasal verb, prefixal verb, postpositive component, prefix, attributive verb, interpretation formula, derivation basis, actant, subjective / objective valence.

1. Вводные замечания. Особый интерес для сопоставительной лингвистики представляет исследование лексем, которые в структурном отношении являются единицами разного порядка, в семантическом – сопоставимыми, а при определенных условиях, эквивалентными единицами. В глагольной таксономии разноструктурных аналитического английского и синтетического русского языков к таким единицам можно отнести английские “фразовые глаголы” и русские приставочные глаголы, изучение которых в сопоставительном аспекте, в свою очередь, способно выявить сходства и отличия в организации и модификации глагольной семантики разных по морфологической структуре языков.

Термин “фразовый глагол” (ФГ), который был введен в англистику в 1925 году Л. Смитом [Smith, 1925: 250], используется для обозначения комплексных единиц, имеющих в своем составе монолексемный глагол и постпозитивный компонент особой

наречно-предложной природы [Воробьева, 2017: 6], т.е. единиц типа *to flare out* ‘расклеиваться (напр., о платье)’, *to do out* ‘декорировать, украшать (напр., комнату)’.

Несмотря на высокую словообразовательную продуктивность фразовых глаголов и их широкое употребление в речи, неопределенным до сих пор остается категориальный статус ФГ в целом и постпозитивного компонента в его составе в частности.

Для наименования второго компонента в комплексной лексеме английского фразового глагола используются такие термины, как “адвербиальный послелог” [Аничков, 1961], “предложное наречие” [Берлизон, 1958], “постпозитивный префикс” [Жлуктенко, 1954], “постпозитивный компонент” / “постпозитив” [Амосова, 1963], “постверб” [Клиюнайте, 1987].

Такой широкий спектр обозначений второго компонента фразовых глаголов ожидаемо приводит к отсутствию общего взгляда на типологический статус всего комплекса в целом. В трактовке статуса ФГ в этой связи можно условно выделить два подхода – “словосочетательный” и “словообразовательный”. В соответствии с первым из них ФГ рассматривается как глагольно-наречное или глагольно-предложное сочетание [Берлизон, 1958; Гурский, 1975; Ивашкин, 1989; Kennedy, 1920], а согласно второму – как аналитический глагол, в составе которого постпозитивный компонент выступает в роли деривационного форманта, модифицирующего или полностью изменяющего семантику исходного моноксемного глагола (ИГ) [Жлуктенко, 1954; Керлин, Кузнец, 1959; Клиюнайте, 1987; Kovács, 2014; Marchand, 1967; Moon, 2009; Vorobyova, 2015].

В данном исследовании для наименования второго компонента фразового глагола, главным образом, в силу своей категориальной нейтральности, используется термин “постпозитивный компонент” / “постпозитив” (ПК), а с точки зрения статуса ПК определяется как неизменный словообразовательный элемент [Воробьева, 2017: 37; Vorobyova, 2015: 45], который стоит после глагола и образует с ним «единый номинативный знак, по смыслу эквивалентный слову, но не обладающий признаком его цельнооформленности» [Кубрякова, Ногина, 1975: 108-109].

Такой словообразовательный подход к интерпретации статуса английского фразового глагола и постпозитива в его составе обусловлен: 1) вековой лексикографической традицией существования английских фразовых глаголов в виде готовых словарных единиц; 2) наличием у ФГ внутриязыковых моноксемных глаголов-синонимов, ср.: *to come out* = *to exit* ‘выходить’, *to set up* = *to found* ‘основывать, учреждать’, а также регулярных соответствий среди синтетических слов при переводе на

другие языки, напр.: *to come in* – *входить* (рус.) – *hineinkommen* (нем.); 3) возможностью образовывать от ФГ субстантивные и адъективные дериваты, напр.: *hanger-on* ‘приспешник, прихлебатель’, *worn-out* ‘изношенный; измученный’; 4) функционированием фразовых глаголов с обстоятельствами, относящимися ко всему комплексу, напр.: *She was let out in the morning* ‘Ее выпустили утром’.

Сходный с английскими фразовыми глаголами принцип семантической организации демонстрируют приставочные глаголы в русском языке: значение таких производных глаголов складывается из значений их морфемных составляющих – глагольной основы и префикса, с которыми в аналитической структуре фразового глагола можно сопоставить исходный глагол и постпозитив соответственно. В подтверждение данной точки зрения можно привести высказывание Ю. А. Жлуктенко о том, что второй компонент ФГ, который он называет “постпозитивным префиксом” является «частью аналитического слова, морфемой, обладающей абстрагированным функциональным значением и являющейся основным средством внутриглагольного словообразования» [Жлуктенко, 1954: 112]. Английские постпозитивы сближает с русскими приставками и тот факт, что появление фразовых глаголов связано с постепенным переходом английских префиксов с пространственным или моторно-пространственным значением в постпозицию к глаголу.

2. Концептуальный аппарат исследования. Сопоставительный анализ семантики английских фразовых и русских приставочных глаголов осуществляется в направлении систематизации значений указанных единиц в рамках основных семантических типов и групп, определения сходств и отличий в их семантической организации.

В данной работе излагаются результаты отдельного фрагмента исследования, посвященного выявлению изоморфизма и алломорфизма в словообразовательной и семантической системах английских фразовых и русских приставочных глаголов (ФГ и ПГ соответственно) на материале оппозиционных пар ФГ с компонентами *in* и *out* и ПГ с приставками *в-* и *вы-*, в семантике которых постпозитивный компонент и приставка объединены первичными пространственными значениями “внутри” и “наружу”.

В семантическом отношении английские постпозитивы и русские глагольные префиксы относятся к единицам, для которых передача локативных смыслов является первоочередной задачей. Упомянутые выше постпозитив *in* и префикс *в-*, имеющие общее исходное значение ‘внутри (локативного объекта)’, и антонимичные им постпозитив *out* и префикс *вы-*, общим для которых является первичное значение ‘наружу, за пределы (локативного объекта)’, присоединяясь к исходной глагольной основе (для ПГ) или

исходному глаголу (для ФГ), наделяют их направительной семантикой, что, в свою очередь, позволяет выделить в семантической системе рассматриваемых глагольных единиц продуктивный в количественном отношении семантический тип локативных глаголов. Прямые пространственные значения английского постпозитива и русского префикса могут трансформироваться в переносные характеристики действия (его квалификативные, квантитативные, темпоральные и др. показатели), которые способствуют формированию таких семантических типов исследуемых глагольных лексем, как атрибутивные, посессивные, темпоральные, акциональные ФГ / ПГ.

Объектом исследования в представленной статье в силу ее ограниченного объема выступают английские фразовые глаголы с компонентом *out* (далее ФГ-*out*) и русские глаголы с префиксом *вы-* (далее ПГ-*вы*), объединенные значением атрибутивности. Под атрибутивными ФГ-*out* и ПГ-*вы* понимаются глаголы, которые могут выражать различные действия с “признаком” – обладание или наделение им, его приобретение или утрату.

Семантическая классификация атрибутивных ФГ-*out* и ПГ-*вы*, а именно, установление в их составе семантических групп, осуществляется на основе тождества перифразы, или толкования соответствующих ФГ и ПГ через синонимическое выражение [Калиущенко, 1994: 33; Kaliuščenko, 2000], представленное в виде формулы толкования (далее ФТ). В состав такой ФТ обязательно входит глагол-предикат с наиболее общим значением (в данном случае посессивным ‘иметь’), обозначение признака (Attr.), актанты (X и Y) соответствующих ФГ-*out* и ПГ-*вы*, а также, при необходимости, дополнительные семантические признаки типа “отрицание” (‘не’), “инхоативность” (‘начинать’), “каузативность” (‘каузировать’). Таким образом, основываясь на лексико-семантическом родстве (относительной близости семантики) и синтаксическом родстве (с учетом переходности/непереходности рассматриваемых единиц) формулу толкования, например, для ФГ-*out to dish out* ‘придавать вогнутую форму, выгибать’ и ПГ-*вы выравнивать*, объединенных значением ‘наделять определенным признаком’ можно сформулировать следующим образом: «X каузирует Y начинать иметь Attr».

За единицу анализа принимаются однозначные атрибутивные ФГ-*out* и ПГ-*вы* или каждый лексико-семантический вариант (ЛСВ) двузначных или многозначных ФГ-*out* и ПГ-*вы*. В количественном отношении материал исследования представлен 262 единицами (122 ФГ-*out* и 140 ПГ-*вы*), что составляет 16,2% от общего корпуса всех ФГ-*out* и ПГ-*вы* в обоих сопоставляемых языках (845 ФГ-*out* и 770 ПГ-*вы*), полученного путем сплошной выборки из толковых словарей современных английского и русского языков (Longman

Dictionary of Contemporary English, Dictionary of Slang and Unconventional English, Словарь современного русского литературного языка (БАС), Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова, Толковый словарь разговорного русского языка и др.), специализированных словарей английских фразовых глаголов (Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs, Longman Dictionary of Phrasal Verbs, Oxford Dictionary of Current Idiomatic English и др.), а также картотек текстовых примеров British National Corpus (BNC) и Национальный корпус русского языка (НКРЯ).

3. Атрибутивные ФГ-*out* в английском языке. Анализ семантики атрибутивных фразовых глаголов с компонентом *out* с учетом описанного выше концептуального аппарата исследования позволяет выделить и проиллюстрировать в их системе основные семантические группы, охарактеризовать деривационную базу рассматриваемых единиц, определить особенности их синтаксического функционирования.

В результате семантической классификации данных ФГ-*out* в английском языке выделяется следующая парадигма связанных друг с другом и выводимых друг из друга семантических групп, представленных “формульной” записью.

Таблица 1. Семантика атрибутивных ФГ-*out*

Семантическая группа ФГ- <i>out</i>	Количество
1. “X имеет Attr”	12 (9,8%)
2. “X начинает иметь Attr”	36 (29,5%)
3. “X начинает не иметь Attr”	20 (16,4%)
4. “X каузирует Y начинать иметь Attr”	44 (36,1%)
5. “X каузирует Y начинать не иметь Attr”	10 (8,2%)
Всего	122 (100%)

3.1. Первую группу атрибутивных ФГ-*out* формируют глаголы (12 единиц), объединенные толкованием “X имеет Attr”, которое, по сравнению с другими ФГ (см. табл. 1 выше), является наиболее элементарным с точки зрения набора компонентов значения. ФГ-*out* данной группы выражают обладание признаком, который в семантике данных единиц конкретизируется в наименование ‘формы’, напр.: *to curl out* ‘заворачиваться, закручиваться наружу’; *to dish out* ‘выгибаться; быть вогнутым’; *to flare out* ‘расклешиваться’.

В комплексной структуре таких атрибутивных ФГ-*out* постпозитивный компонент *out* (ПК-*out*) реализует значение ‘за пределы определенной формы’, которое является семантически производным от прототипического пространственного значения данного

ПК ‘наружу, за пределы локативного объекта’, а их деривационную базу¹ составляют глаголы (ИГ) со значением атрибутивности типа *to flare* ‘постепенно расширяться к краю (напр., о чашке); расклёшиваться (напр., о юбке, брюках)’, *to curl* ‘завиваться, виться’, глаголы некоторых других семантических типов, напр., глаголы перемещения типа *to fall* ‘падать’ (в *to fall out* ‘разветвляться (о дороге)’), а также существительные (ИС), обозначающие форму или предметы, имеющие определенную (обычно круглую) форму, напр., *dish* ‘тарелка (обычно круглой формы)’ (в *to dish out* ‘выгибаться; быть вогнутым’). По отношению к атрибутивным ИГ постпозитивный компонент может выполнять два вида функций – модифицирующую и эмфатическую. Модифицирующая функция ПК-*out* предполагает уточнение, конкретизацию семантики ИГ в направлении пространственной характеристики действия, напр., *to curl* ‘завиваться, виться’ + *out* ‘наружу’ → *to curl out* ‘заворачиваться, закручиваться наружу’, в то время как эмфатическая роль ПК заключается в том, чтобы усилить содержащееся уже в исходном глаголе атрибутивное значение (ср.: *to flare* ‘постепенно расширяться к краю; расклёшиваться’ и *to flare out* ‘постепенно расширяться к краю; расклёшиваться’). С ИГ других семантических типов, напр., с *to fall* ‘падать’, и с ИС типа *dish* ‘тарелка’ ПК-*out* формирует семантику ФГ-*out* по индивидуальным моделям в ходе семантической деривации (обычно в результате метафорического переосмысления значений ИГ / ИС и ПК-*out*).

В качестве субъектов действия рассматриваемых ФГ-*out* обычно используются существительные, имеющие предметную или вещественную природу.

(1) *The dress flares out from the hips* [BNC]. ‘Платье расклешено от бедра’.

(2) *The main road fans out at the edge of the forest in four different directions* [BNC]. ‘Главная дорога разветвляется в конце леса на четыре разных направления’.

3.2. В состав второй семантической группы атрибутивных ФГ-*out* входят глаголы (36 единиц) типа синонимичных *to fill out* и *to flesh out* ‘полнеть, набирать вес’, *to even out* и *to flatten out* ‘выравниваться (напр., о ценах или других показателях)’, общим для которых является толкование “X начинает иметь Attr” (см. также п. 2 в табл. 1). Если перефразировать данную формулу толкования на естественном языке, то получится, что ФГ-*out*, функционирующие в рамках этой группы, употребляются для выражения приобретения качества, свойства (ср.: ‘начинать иметь’ = ‘приобретать’). Указанные

¹ Под деривационной базой фразовых глаголов в данном исследовании понимаются исходные монолексемные глаголы (ИГ), а также, в некоторых единичных случаях, исходные существительные (ИС), от которых в процессе словообразовательной деривации (в результате присоединения постпозитивного компонента) образуются соответствующие ФГ-*out*.

ФГ-*out* можно отнести к разряду инхоативных атрибутивных глаголов, поскольку в структуре объединяющей их ФТ “X начинает иметь Attr” базовая ФТ “X имеет Attr”, характерная для ФГ-*out* предыдущей группы (см. п. 3.1 и п. 1 в табл. 1), осложняется дополнительной инхоативной, т.е. “начинательной” характеристикой. Основанием именно для такой интерпретации семантики атрибутивных ФГ-*out* второй группы является общая для них архисема *to become / to get* ‘становиться (каким-либо)’, которую можно преобразовать в ‘начинать быть каким-либо’, т.е. ‘начинать иметь признак (определенное качество или свойство)’, ср.: ‘полнеть, набирать вес’ в *to fill out* и *to flesh out* означает *to become / to get plump, stout* ‘становиться полным, толстым’; ‘выравниваться’ в *to even out* и *to flatten out* – *to become / to get more stable, permanent* ‘становиться более стабильным, постоянным’.

Функциональной особенностью данных ФГ-*out* является семантическая неоднородность средств выражения их субъектной валентности. Иными словами, в роли субъектного актанта X данных глаголов могут выступать как личные местоимения и существительные, обозначающие людей (3), так и соматизмы (3а), локативные существительные (4) и (4а), абстрактные явления и понятия (чаще их определенные показатели, см. (5)). Ср. текстовые примеры ниже.

(3) *The children are filling out visibly* [BNC]. ‘Дети поправляются на глазах’.

(3а) *Her cheeks are filling out* [BNC]. ‘У неё округляются щёки’.

(4) *The club usually empties out about two in the morning* [BNC]. ‘Клуб обычно пустеет ближе к двум часам ночи’.

(4а) *East of Richmond, the countryside begins to flatten out* [BNC]. ‘В западных предместьях Ричмонда ландшафт начинает выравниваться (досл. ‘Сельская местность на западе Ричмонда начинает выравниваться’)’.

(5) *Car sales in Japan leveled out in September after several months of growth* [BNC]. ‘Уровень продаж автомобилей в Японии стабилизировался (досл. ‘выровнялся’) после нескольких месяцев роста’.

Учитывая такую семантическую многоплановость субъектного актанта продемонстрированных выше ФГ-*out*, в дальнейшем планируется их изучение уже в рамках более дробных подгрупп, выделенных на основе семантической близости субъекта действия рассматриваемых фразовых глаголов.

С деривационной точки зрения анализируемые в рамках данной группы ФГ-*out* представляют собой единицы, в семантике которых деривационная база, имеющая исключительно глагольную природу, изначально реализует значение атрибутивности (см., напр., синонимичные в значении ‘выравнивать’ глаголы *to level, to even, to flatten*,

являющиеся исходными для проиллюстрированных ранее соответствующих ФГ-*out*), а постпозитив *out* служит лишь для усиления уже заключенного в ИГ атрибутивного значения, выполняя при этом не модифицирующую, а интенсифицирующую (т.е. эмфатическую) функцию.

Следует отметить, что атрибутивный характер семантики указанных исходных глаголов во многом обусловлен их адъективной словообразовательной природой, а именно, образованием от прилагательных по конверсии (напр., *empty* ‘пустой’ → *to empty* ‘пустеть’, *even* ‘ровный’ → *to even* ‘выравниваться’) или с помощью суффиксации (напр., *flat* ‘плоский, ровный’ → *to flatten* ‘выравниваться’). Реже такие ИГ могут образовываться от существительных, связанных тем или иным образом с квалификативными или квантитативными характеристиками, ср.: *level* ‘уровень’ → *to level* ‘выравнивать(ся)’, *flesh* ‘плоть’ → *to flesh* ‘полнеть, набирать вес’.

3.3. Антонимичными по отношению к атрибутивным ФГ-*out* предыдущей, второй группы, обозначающим приобретение признака, выступают ФГ-*out* данной, третьей группы (20 единиц), объединенные значением постепенной утраты качества, свойства. Их общее толкование “X начинает не иметь Attr” позволяет отнести к этой семантической группе такие единицы, как *to die out* ‘спадать (напр., о ветре)’; *to fade out* 1) ‘постепенно ослабевать (напр., о звуке, сигнале)’; 2) ‘исчезать (напр., об изображении)’; *to fizzle out* 1) ‘выдыхаться (напр., о газированном напитке)’; 2) ‘ослабевать, сходить на нет (напр., о деятельности, абстрактном явлении)’. В “формульной” записи отмеченная семантическая оппозиционность атрибутивных ФГ-*out* второй и третьей групп обеспечивается за счет добавления к ФТ второй группы отрицательной частицы “не” в процессе составления ФТ третьей группы (ср.: “X начинает иметь Attr” (2) и “X начинает не иметь Attr” (3); см. также пп. 2 и 3 в табл. 1).

Словообразовательной особенностью таких ФГ-*out* является то, что их деривационную базу образуют глаголы, которые уже сами по себе обозначают утрату признака (напр.: *to fade* ‘увядать; выцветать; постепенно замирать; исчезать’, *to die* ‘умирать, лишаться жизни’), а ПК-*out*, как и во второй группе (см. п. 3.2), функционирует в их составе в качестве эмфатического компонента. Здесь он (ПК) усиливает обобщенное значение ИГ, которое условно можно представить как ‘выход за пределы установленной нормы признака (Attr)’, поскольку сам имеет переосмысленное значение ‘за пределы нормы’, производное от его первичного пространственного значения ‘наружу, за пределы локативного объекта’.

Субъектная валентность рассматриваемых ФГ-*out* выражается существительными, обозначающими атмосферные явления типа *wind* ‘ветер’, физические явления или свойства типа *sound* ‘звук’, *trail* ‘след’, субстанции (напр., *soda* ‘газированная вода’), а также различные виды межперсонального взаимодействия (*party* ‘вечеринка’, *protests* ‘протесты’, *relations* ‘взаимоотношения’ и т. п.). Проиллюстрировать возможность одного и того же ФГ-*out* сочетаться в атрибутивном значении с субъектами разной семантики можно на примере глагола *to fade out*.

(6) *Sometimes the trail faded out and they had to search for another one* [BNC]. ‘Иногда след терялся (досл. постепенно исчезал), и им приходилось искать другой’.

(6a) *The marches and the protests faded out and people went back to their normal lives* [BNC]. ‘Марши и протесты постепенно стихли, и люди вернулись к нормальной жизни’.

Интересной с этой точки зрения представляется и субъектная сочетаемость глагола *to fizzle out*, который с существительными, обозначающими субстанции (типа *soda* ‘газировка, содовая вода’, *champagne* ‘шампанское’), имеет прямое значение ‘выдыхаться’ (т.е. ‘терять, утрачивать шипучесть’), а с существительными, указывающими на людей или межперсональное взаимодействие – переносное значение ‘выдыхаться’ (т.е. ‘терять, утрачивать силу (физическую или духовную), интенсивность’). Ср.:

(7) *Don't leave the soda open, it will fizzle out quickly* [BNC]. ‘Не оставляй газировку открытой, она быстро выдохнется’.

(7a) *The party began to fizzle out about midnight* [BNC]. ‘Вечеринка начала выдыхаться (т.е. сходить на нет, терять интенсивность) ближе к полуночи’.

(7б) *The last clerk I hired fizzled out after the first week* [BNC]. ‘Последний работник, которого я нанял, выдохся (т.е. утратил способность нормально работать) после первой же недели’.

3.4. Четвертая, наиболее многочисленная в количественном отношении (44 единицы), группа атрибутивных ФГ-*out* объединяет в своем составе каузативные атрибутивные глаголы, поскольку общим для них является формула толкования “X каузирует Y начинать иметь Attr” (см. также п. 4 в табл. 1). В перефразированном виде это толкование можно представить следующим образом – ‘наделять объект определенным признаком’, ср.: *to do out* ‘украшать, декорировать (напр., комнату, квартиру, дом и т.п.)’, *to dry out* ‘высушивать (напр., белье)’, *to eke out* ‘растягивать (напр., ресурсы)’, *to fluff out* ‘распушать, взбивать (волосы, перья)’.

С точки зрения семантики ФГ-*out* данной группы являются производными по отношению к ФГ-*out* второй группы (см. п. 3.2), поскольку в них значение ‘приобретать

признак' модифицируется дополнительной каузативной семой и трансформируется в значение 'наделять признаком', т.е. 'каузировать приобретать признак'. Данный тезис подтверждает и функционирование в рамках этих двух групп пар ФГ-*out*, объединенных бинарной оппозицией "некаузативность – каузативность", ср.: *to empty out* 'пустеть' – *to empty out* 'опустошать', а также синонимичные *to flatten out (to even out, to level out)* 'выравниваться' – *to flatten out (to even out, to level out)* 'выравнивать'. Однако, несмотря на проиллюстрированную выше семантическую сопоставимость анализируемых ФГ-*out*, их актанты (речь идет о субъектном актанте X для некаузативных ФГ-*out* и объектном актанте Y для каузативных ФГ-*out*) могут быть как семантически однородными, так и различаться в плане значений. Функциональный изоморфизм характерен для X и Y, обозначающих абстрактные явления и понятия типа *situation* 'ситуация, положение', *difference* 'разница, различие', *rates* 'показатели' и т.п., так как они могут выражать как субъект, так и объект действия ФГ-*out*, имеющего некаузативное и каузативное значения. Ср. текстовые примеры ниже.

(8) *Things were beginning to even out a little* [BNC]. 'Ситуация (досл. 'дела') начала потихоньку выправляться'.

(8a) *We must even out the differences between social classes* [BNC]. 'Нужно сгладить разницу между социальными группами'.

Если в роли X и Y выступают существительные с конкретной семантикой, то они, как правило, относятся к разным лексико-семантическим группам (ср.: *countryside* 'сельская местность, округа' и *map* 'карта' в текстовых примерах ниже).

(9) *East of Richmond, the countryside begins to flatten out* [BNC]. 'В восточных предместьях Ричмонда ландшафт начинает выравниваться (досл. 'Сельская местность на востоке Ричмонда начинает выравниваться')'.

(9a) *I opened the map and flattened it out in front of me* [BNC]. 'Я развернул карту и выровнял ее перед собой'.

Описывая функциональные особенности ФГ-*out* этой группы, следует констатировать, что субъектная валентность данных единиц реализуется за счет личных местоимений и существительных, обозначающих людей, иногда животных, а объектная – через существительные, семантика которых имеет локативный (*room* 'комната', *house* 'дом'), предметный (*linen* 'белье', *clothes* 'одежда', *car door* 'дверь автомобиля') или вещественный (от "вещество", "субстанция"; напр., *resources* 'ресурсы (природные)') характер. См. следующие тестовые примеры.

(10) *The kitchen's been done out nicely, with tiles and new units and everything* [BNC].
'Кухню красиво декорировали плиткой, новыми шкафчиками и другими вещами'.

(11) *I built a fire, warmed up, and dried my clothes out* [BNC]. 'Я разжег костер, согрелся и высушил свою одежду'.

Учитывая неоднородную семантическую природу средств выражения объектного актанта таких ФГ-*out* (см. примеры выше), в будущем предполагается их разделение на несколько подгрупп по принципу лексико-семантической близости указанных актантов.

Деривационную базу исследуемых ФГ-*out* образуют, как и во второй группе (см. п. 3.2), исходные глаголы с атрибутивным значением типа *to level (to flatten, to even)* 'выравнивать', *to dry* 'сушить, высушивать', *to fluff* 'распушать, взбивать (волосы, перья)', при которых постпозитивный компонент *out* выполняет эмфатическую функцию, усиливая присущую этим ИГ атрибутивную семантику. Исключение в данном случае представляют 2 ИГ – *to do* 'делать' в *to do out* 'украшать, декорировать' и *to eke* 'добавлять, прибавлять' в *to eke out* 'растягивать (напр., ресурсы)', корреляция которых с ПК-*out* в семантике ФГ-*out* носит индивидуальный характер. Так, например, в *to do out* 'украшать, декорировать' широкозначность ИГ *to do* 'делать' способствует тому, что семантический центр ФГ-*out* переносится на постпозитив, который приобретает идиоматическое значение 'выхода за пределы нормы признака (Attr)'.

3.5. Модификация ФТ "X каузирует Y начинать иметь Attr", характерной для ФГ-*out* четвертой группы, отрицательной семой 'не' приводит к формированию ФТ "X каузирует Y начинать не иметь Attr" (см. п. 5 в табл. 1), объединяющей соответствующие ФГ-*out* в составе пятой группы атрибутивных фразовых глаголов с компонентом *out*. Перефразированно, на естественном языке, ФГ-*out* с таким толкованием (10 единиц) означают лишение объекта признака, что, в свою очередь, позволяет охарактеризовать их как каузативные атрибутивные глаголы ('лишать' значит 'каузировать начинать не иметь'), напр.: *to farm out* 'истощать землю, особ., засевая одну культуру', *to ease out* 'ослаблять; уменьшать; облегчать (напр., давление, боль)', *to fade out* 'постепенно убавлять (напр., звук)'. Наличие в формуле толкования данных ФГ-*out* инхоативного компонента ('начинать') оправдано использованием в их дефинициях семы *to become* 'становиться (каким-либо)' (см., напр., *to ease out* 'ослаблять', т.е. 'to make (to cause) to become weaker' 'каузировать становиться слабее'), которую, свою очередь, можно представить как 'to begin to be' 'начинать быть (каким-либо)', т.е. 'начинать иметь какой-либо признак (Attr)'.

ФГ-*out* этой группы объединяет с ФГ-*out* третьей группы (см. п. 3.3) бинарная оппозиция "некаузативность – каузативность", ср.: *to fade out* 'постепенно ослабевать

(напр., о звуке, сигнале)’ – *to fade out* ‘постепенно убавлять (напр., звук)’.

В качестве деривационной базы рассматриваемых ФГ-*out* отмечены, как и в других группах (см. пп. 3.2-3.4), атрибутивные ИГ типа *to fade* ‘увядать; выцветать; постепенно замирать; исчезать’, *to ease* ‘ослаблять, облегчать’, для которых ПК-*out* является усилителем их лексического значения. Нетипичный для данной группы характер словообразовательной мотивации наблюдается только в паре ИГ и ФГ-*out to farm* ‘обрабатывать (землю)’ → *to farm out* ‘истощать землю, особ., засевая одну культуру’, где в семантике ФГ-*out* значение ‘лишение признака’ (‘лишение земли ее плодородности’) имплицитно ПК, а его способ обозначается исходным глаголом.

К функциональным характеристиками ФГ-*out* пятой группы следует отнести употребление в качестве субъекта их действия наименований человека, а в роли объекта – обозначений физических или абстрактных явлений и понятий (напр., *sound* ‘звук’, *music* ‘музыка’, *signal* ‘сигнал’, *pressure* ‘давление’, *pain* ‘боль’ и т.п.), в единичном случае – субстанций (*soil* ‘почва’ с ФГ-*out to farm out* ‘истощать землю’).

(12) *He slid a control to fade out the music* [BNC]. Он плавно убавил звук, передвинув регулятор громкости.

4. Атрибутивные ПГ-вы в русском языке. Объединение атрибутивных ПГ-вы в семантические группы осуществляется, как и в случае с соответствующими ФГ-*out*, на основе “формульной” записи. При описании морфологической природы деривационной базы атрибутивных ПГ-вы могут применяться сокращения типа ГО (глагольная основа), АО (адъективная основа), СО (субстантивная основа)².

В результате семантической классификации атрибутивных ПГ-вы в русском языке с применением формул толкования были выделены представленные ниже семантические группы данных единиц.

Как видно из таблицы 2, атрибутивные ПГ-вы реализуются в рамках тех же семантических групп, что и атрибутивные ФГ-*out*, при этом примерно одинаковой представляется и количественная продуктивность сопоставляемых единиц (ср. данные табл. 1 и табл. 2).

² Несмотря на словообразовательный изоморфизм постпозитива и приставки в комплексной структуре английского фразового и русского приставочного глаголов, принадлежность сопоставляемых языков к разным структурным типам, в частности, синтетизм русского языка не позволяет использовать для описания деривационной базы глаголов с префиксом *вы-* обозначений типа “исходный глагол” (ИГ), “исходное существительное” (ИС), которые характерны для деривационной системы ФГ-*out* (см. также Примечание 1). Вместо них в сходных значениях используются термины “глагольная основа” (ГО), “субстантивная основа” (СО). В случаях, если ПГ-вы образуются от прилагательных, применяется термин “адъективная основа” (АО).

Семантика атрибутивных ПГ-вы

Семантическая группа ПГ-вы	Количество
1. “X имеет Attr”	9 (6,4%)
2. “X начинает иметь Attr”	42 (30%)
3. “X начинает не иметь Attr”	13 (9,3%)
4. “X каузирует Y начинать иметь Attr”	64 (45,7%)
5. “X каузирует Y начинать не иметь Attr”	12 (8,6%)
Всего	140 (100%)

4.1. В состав первой группы атрибутивных ПГ-вы входят префиксные глаголы (9 единиц), имеющие общее толкование “X имеет Attr”. Среди них можно выделить глаголы типа *выгибаться*, *выклиниваться*, *выпирать*, в которых под “признаком” (Attr) понимается форма, присущая тому или иному предмету (X).

(13) *Л. Я. все казалось, что мы недостаточно точно ее обмерили, что стекло, изготовленное по нашей мерке, будет выпирать и т.д.* [НКРЯ].

По своему морфологическому составу деривационная база данных ПГ-вы достаточно неоднородна: она может быть представлена субстантивными основами (СО), напр., *выгиб* и *клин* в *выгибаться* и *выклиниваться*, а также глагольными основами, напр., ГО *пир* в *выпирать*, этимология которой не до конца выяснена (возможно, происходит от глагола *переть*, т.е. ‘двигаться куда-либо напролом, не считаясь с препятствиями’). Префикс *вы-* в структуре таких ПГ-вы имплицитно подразумевает выход за пределы определенной, нормативно установленной формы (производно от первичного пространственного значения ‘наружу, за пределы локативного объекта’).

4.2. Атрибутивные ПГ-вы второй группы (42 единицы), объединенные толкованием “X начинает иметь Attr”, выражают, как и соответствующие ФГ-*out*, приобретение признака, напр.: *выздоровливать* (т.е. ‘становиться здоровым, приобретать здоровье как признак (Attr)’), *вызревать* (т.е. ‘становиться зрелым, приобретать зрелость как признак (Attr)’), *выкисать* (т.е. ‘становиться кислым, приобретать кислоту как признак (Attr)’).

Исходными для таких ПГ-вы могут быть основы разной частеречной принадлежности – чаще всего глагольной (см., напр., *вылечиваться* (о больном) от *лечиться*, *вырисовываться* (о ситуации) от *рисовать(ся)* в метафорическом значении ‘создавать(ся) в сознании’), реже адъективной (*выбелиться* (т.е. ‘запачкаться белым’) от *белый*, *вызелениться* (т.е. ‘запачкаться зеленым’) от *зеленый*) или субстантивной (*выведриться*, т.е. ‘проясниться (о погоде)’ от *ведро*, *вызвездиться* (о небе), т.е. ‘покрыться звездами’ от *звезда*). В данном контексте необходимо особо отметить, что для ПГ-вы, производных от глаголов и прилагательных, характерной является эксплицитная,

т.е. четко выраженная, мотивация семантики ПГ-вы значениями входящих в их состав компонентов: префикс в таком случае обозначает исчерпанность действия, а ГО или АО (адъективная основа) – способ действия или сам признак (Attr) соответственно. При этом, если ПГ-вы образованы от субстантивных основ (см., в частности, *выведриться* и *вызвездиться*), наблюдается индивидуальный характер мотивации данных единиц средствами семантической деривации.

Субъектная валентность анализируемых ПГ-вы может быть представлена наименованиями живых существ (обычно людей или животных), атмосферных явлений (*небо*, *погода*), а также некоторых абстрактных явлений или понятий (*ситуация*, *картина*, *цель* и т.п.).

(14) *Постепенно перед ним стала вырисовываться фигура рослого мужчины в военной форме* [НКРЯ].

(14а) *Во многом благодаря ему, вклад русских учёных в биологию стал вырисовываться перед мировой наукой* [НКРЯ].

4.3. Третью группу атрибутивных ПГ-вы образуют глаголы с толкованием “X начинает не иметь Attr” (13 единиц), т.е. приставочные глаголы типа *выцветать*, *выгорать* (напр., о ткани), *выдыхаться* (напр., о газировке), обозначающие утрату определенного, физического или абстрактного, признака.

Деривационная база таких ПГ-вы является доминантно глагольной (см. *выгорать*, *выдыхаться* от *гореть* и *дышать* в метафорических, переосмысленных значениях), в исключительных случаях – субстантивной (см. *выцветать* от *цвет*). Как и в предыдущей группе, ИГ здесь обозначают способ действия, ИС – сам признак, а префикс *вы-* используется для выражения исчерпанности действия, выхода за пределы определенной нормы, параметров признака.

Функционирование данных ПГ-вы характеризуется семантической неоднородностью средств выражения их субъектного актанта, которые представляют собой существительные, обозначающие предметы или субстанции, иногда – людей и абстрактные понятия.

(15) *“Закрой газировку, она начинает выдыхаться!”* [НКРЯ].

(15а) *И все же, сколько бы сил у него ни было, говорила Катя, к концу года он стал выдыхаться и видел, что выдыхается* [НКРЯ].

(15б) *Похоже, начинает выдыхаться стремление чиновников к развитию государственного контроля над обменом цифровыми данными* [НКРЯ].

4.4. Наиболее многочисленную в количественном отношении группу атрибутивных ПГ-вы (64 единицы), как и в семантической системе ФГ-*out* (см. п. 4 в табл. 1 и п. 4 в табл. 2), представляют собой ПГ-вы с общим толкованием “X каузирует Y начинать иметь Attr”, которые следует отнести к каузативным атрибутивным глаголам со значением наделения признаком, напр.: *выбеливать, выкармливать, выкрашивать, выгибать, выжаривать, вышлифовывать, вызубривать* (т.е. ‘ставить зазубрины’) и т.п.

Образование данных префиксных глаголов происходит в трех направлениях: главным образом, от глагольных основ, которые в комплексной семантике ПГ-вы обозначают способ наделения признаком (см. *вылечивать* от *лечить*, *выбривать* (напр., голову) от *брить*), часто от адъективных основ (см. *вызолачивать* от *золотой*, *высвободить* от *свободный*), реже от субстантивных основ (*выгранивать* от *грань*, *выгачивать* (напр., дорогу) от *гать* ‘настил из брёвен или хвороста для проезда, прохода через топкое место’), которые (АО и СО) выражают тот признак (Attr), которым X наделяет объект Y.

В роли субъектного актанта таких ПГ-вы выступают наименования живых существ (людей или животных), в качестве объектного актанта – преимущественно существительные предметной семантики, иногда существительные в переносных (метафорических или метонимических) значениях.

(16) *Например, у воробьиных птиц часто можно видеть такое явление: годовалые птицы, не имеющие возможности занять собственный гнездовой участок, нередко помогают своим родителям выкармливать очередное потомство [НКРЯ].*

(16a) *И тетя Ида стала выкармливать народного артиста [НКРЯ].*

4.5. В рамках данной группы выделяются достаточно однородные в семантическом и синтаксическом планах каузативные атрибутивные ПГ-вы типа *выдушить* (духи), *вымылить* (мыло) *выкрасить* (напр., банку краски), производные от соответствующих глагольных основ (ср.: *вымылить* от *мыть*, *выкрасить* от *красить*).

Субъектную валентность данных ПГ-вы выражают существительные, обозначающие людей, их объектную валентность – существительные со значением ‘субстанция’ или ‘локативный объект, в котором содержится субстанция’.

(17) *Многие англичане и женщины особенно гордятся почему-то тем, что они могут очень много вымылить мыла и вылить на себя воды [НКРЯ].*

5. Выводы. В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы и обобщения, раскрывающие изоморфные и алломорфные признаки

в семантической и словообразовательной системах исследуемых фразовых и приставочных глаголов.

1. Семантический изоморфизм анализируемых атрибутивных ФГ-*out* и ПГ-*вы* проявляется в том, что систематизация их значений осуществляется в рамках одинаковых по составу и примерно равных по количеству семантических групп (см. табл. 1 и 2, а также пп. 3-3.5 и пп. 4-4.5). При этом, больший количественный состав ПГ-*вы* с толкованием “X каузирует Y начинать иметь Attr”, т.е. ПГ-*вы*, обозначающих ‘наделение качеством’, по сравнению с ФГ-*out* аналогичной семантики (см. п. 4 в табл. 1 и п. 4 в табл. 2, а также пп. 3.4 и 4.4), можно объяснить, по всей видимости, более широкими возможностями деривационной базы русских ПГ-*вы*, способных образовываться не только от соответствующих глагольных, но и от адъективных и субстантивных основ. В английском языке деривационная база таких ФГ-*out* представлена отсубстантивными или отадъективными корневыми глаголами, которым, в силу их словообразовательной природы, уже изначально свойственна атрибутивность (см. также пп. 3.2-3.5).

2. Семантика разных по морфологической структуре ФГ-*out* и ПГ-*вы* в одинаковой степени отличается преемственностью, возможностью выводить одни значения (толкования) из других путем добавления дополнительных негативной, инхоативной, каузативной характеристик, проявлением в семантике данных единиц бинарной оппозиции “некаузативность – каузативность”. Однако, конкретные значения атрибутивных ФГ-*out* и ПГ-*вы*, как и средства реализации их деривационной базы, могут отличаться.

3. Сопоставительный анализ средств реализации деривационной базы рассматриваемых ФГ-*out* и ПГ-*вы* указывает на преобладание в их словообразовательных системах алломорфизма. Образование атрибутивных ФГ-*out* в английском языке происходит, за редким исключением, от монолексемных глаголов, которые часто образуются по конверсии от прилагательных и существительных, содержащих в своей семантике наименование признака (Attr). В русском языке, для которого образование глаголов от прилагательных или существительных по конверсии совершенно нетипично, а происходит обычно посредством суффиксации и конфиксации, образование приставочных глаголов со значением атрибутивности непосредственно от существительных- или прилагательных-носителей этого атрибутивного признака является достаточно продуктивным.

4. Выводы, сформулированные в результате исследования деривационной базы атрибутивных ФГ-*out* и ПГ-*вы*, способствуют формированию более широкого взгляда на морфологическую структуру русских приставочных глаголов, которую

традиционно представляют как соединение префикса и глагольной основы, на основании выявленной возможности образования проанализированных ПГ-*вы* от субстантивных и адъективных основ.

5. Изучение корреляции значений исходного глагола/исходной основы и постпозитивного компонента/префикса в семантике отобранных для анализа атрибутивных ФГ-*out* и ПГ-*вы*, несмотря на отличия в средствах выражения деривационной базы данных фразовых и приставочных глаголов, позволяет утверждать, что постпозитив *out* и приставка *вы-* реализуют в их составе сходную эмфатическую функцию, т.е. функцию усиления лексического значения исходного глагола / исходной основы в направлении исчерпанности действия, 'выхода за пределы установленной нормы признака' (производное от первичного пространственного значения *out* и *вы-* 'наружу, за пределы локативного объекта').

6. Функциональные характеристики рассматриваемых ФГ-*out* и ПГ-*вы*, а именно, лексические средства выражения их субъектной и объектной валентности, во многом совпадают. Субъект действия таких ФГ-*out* и ПГ-*вы*, в зависимости от конкретного атрибутивного значения, может выражаться одушевленными существительными, обозначающими людей и другие живые существа, а также неодушевленными существительными абстрактной семантики. В роли объектных актантов и ФГ-*out* и ПГ-*вы* чаще всего выступают существительные для наименования предметов, субстанций, физических и атмосферных явлений, реже – абстрактных понятий.

7. Синтаксической особенностью атрибутивных ПГ-*вы* в русском языке является возможность одного и того же глагола сочетаться с широким кругом субъектов и объектов, главным образом, в силу его атрибутивной многозначности (т.е. наличия прямых и переносных атрибутивных значений) (см. пп. 4.2-4.4, а также текстовые примеры 14-14а, 15-15б, 16-16а). В английском языке такая тенденция также прослеживается (в связи с формированием семантической системы ФГ-*out*, в частности, посредством семантической деривации, а именно, метафоризации компонентов ФГ), но не так ярко, как в русском языке.

8. Перспективность и практическая ценность данной работы заключается в том, что в ней, с учетом опыта выдающихся типологов и германистов, выстроена модель описания семантики, деривационных и функциональных характеристик сопоставимых со структурно-семантической точки зрения единиц, представляющих разные по морфологии языки. Модель описания таких единиц, разработанная на материале конкретных фразовых и приставочных глаголов английского и русского языков (ФГ-*out* и ПГ-*вы*) может быть

использована при анализе атрибутивных фразовых глаголов с другими компонентами или в работах, посвященных сопоставительному изучению атрибутивных фразовых и приставочных глаголов с другими, кроме *out* и *вы-*, постпозитивами и префиксами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 208 с.
2. Аничков И. Е. Адвербиальные послелогои в современном английском языке // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института. Пятигорск, 1961. Т. 24. С. 221-253.
3. Берлизон С. Б. Сочетания типа *to go in, to cry out, to speed up, to give up* в современном английском языке // Иностранные языки в школе. М., 1958. № 6. С. 9-24.
4. Воробьева О. С. Семантика английских фразовых глаголов с компонентами *on* и *off*. Ростов-на-Дону: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2017. 247 с.
5. Гурский С. Е. Глагольные сочетания типа *go out, melt away* в современном английском языке. Львов: Вища школа, 1975. 183 с.
6. Жлуктенко Ю. А. О так называемых «сложных глаголах» типа *stand up* в современном английском языке // Вопросы языкознания. М., 1954. № 5. С. 105-113.
7. Ивашкин М. П. Переходные процессы и зоны в сфере функционирования глагольно-наречных сочетаний типа *come up, rule in* в английском языке: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04. Горький, 1989. 394 с.
8. Калиущенко В. Д. Типология отыменных глаголов. Донецк: Донеччина, 1994. 422 с.
9. Керлин А. А., Кузнец М. Д. Составные глаголы в современном английском языке. Л.: Учпедгиз, 1959. 129 с.
10. Клиюнайте И. А. К вопросу о статусе поствербов в английском языке // Kalbotyga языкознание. Вопросы синтаксиса и семантики романо-германских языков. Вильнюс: Mokslas, 1987. С. 51-61.
11. Кубрякова Е. С., Ногина И. В. Проблемы функционирования частиц типа *out* в системе словообразования современного английского языка // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1975. Вып. 3. С. 107-115.
12. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).
13. Kennedy G A. The Modern English Verb-Adverb Combinations // Language and Stanford. California: Stanford Univ. Publications, 1920. Vol. 1. No 1. P. 120-151.
14. Kovács E. Spotighting English Phrasal Verbs // Journal of Languages for Specific Purposes. 2014. 1(1). Pp. 7-21. Available at <https://doaj.org/article/6b79fbe4a97b46d7a9ffe9a2191d40cc> (accessed: 27.09.2017).
15. Marchand H. On the Description of Compounds // Word. 1967. Vol. 23. № 1-3. Pp. 379-387.
16. Moon R. Metaphor and Phrasal Verbs // The Macmillan Phrasal Verbs Plus Dictionary. Language Study. Oxford: Macmillan, 2009. Pp. 5-9.
17. Smith L. Words and Idioms. Glasgow: The University Press, 1925. 300 p.
18. Vorob'jova O. Derivation within English Phrasal Verbs // International Research Journal. 2015. № 1 (32). P. 3. Pp. 45-48. Available at: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2015/02/1-3-32.pdf>. (accessed: 28.09.2017).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Курилова А. Д. Толковый словарь разговорного русского языка. М.: АСТ, 2007. 639 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 2. 960 с.
4. Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs. London: Harper Collins Publishers, 1996. 492 p.
5. Dictionary of Slang and Unconventional English. New York, 2002. 1400 p.
6. Longman Dictionary of Contemporary English. М.: Русский язык, 1992. 1229 с.
7. Longman Dictionary of Phrasal Verbs. Pearson Education Limited, 2000. 608 p.
8. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English. Oxford, 1990. 752 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Национальный корпус русского языка. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 30.09.2017).
2. British National Corpus. Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc> (accessed: 30.09.2017).

REFERENCES

1. Amosova, N. N. (1963). *Osnovy angliyskoy frazeologii* [The outline of English phraseology]. Leningrad: Izd-vo LGU. (In Russ.).
2. Anichkov, I. E. (1961). Adverbialnye poslelogi v sovremennom angliyskom yazyke. [Adverbial postpositions in Modern English]. In *Uchenye zapiski Pyatigorskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Vol. 24. Pp. 221-253. (In Russ.).
3. Berlizon, S. B. (1958). Sochetaniya tipa *to go in, to cry out, to speed up, to give up* v sovremennom angliyskom yazyke [Combinations like *to go in, to cry out, to speed up, to give up* in Modern English]. In *Inostrannye yazyki v shkole*. No 6. Pp. 9-24. (In Russ.).
4. Vorobeva, O. S. (2017). *Semantika angliyskikh frazovykh glagolov s komponentami on i off* [Semantics of English phrasal verbs with components ON and OFF]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhn. fed. un-ta. (In Russ.).
5. Gurskiy, S. E. (1975). *Glagolnye sochetaniya tipa go out, melt away v sovremennom angliyskom yazyke* [Verbal combinations like *go out, melt away* in Modern English]. Lvov: Vishha shkola. (In Russ.).
6. Zhluktenko, Yu. A. (1954). O tak nazyvaemykh "slozhnykh glagolakh" tipa *stand up* v sovremennom angliyskom yazyke [On the so called "compound verbs" like *stand up* in Modern English]. In *Voprosy yazykoznanija*. No 5. Pp. 105-113. (In Russ.).
7. Ivashkin, M. P. (1989). *Perekhodnye processy i zony v sfere funktsionirovaniya glagolno-narechnykh sochetaniy tipa come up, rule in v angliyskom yazyke* [Transitional processes and zones in functioning of verb-adverb combinations like *come up, rule in* in English]: diss. ... dokt. filol. nauk: 10.02.04. Gorkiy. (In Russ.).
8. Kaliushhenko, V. D. (1994). *Tipologiya otymennykh glagolov* [Typology of verbs motivated by nouns]. Donetsk: Donechchina. (In Russ.).
9. Kerlin, A. A., Kuznec, M. D. (1959). *Sostavnye glagoly v sovremennom angliyskom yazyke* [Compound verbs in Modern English]. L.: Uchpedgiz. (In Russ.).
10. Kliyunayte, I. A. (1987). K voprosu o statuse postverbov v angliyskom yazyke [On the status of postverbs in English]. In *Kalbotyra yazykoznanie. Voprosy sintaksisa i semantiki romano-germanskikh yazykov*. Vilnyus: Mokslas. Pp. 51-61. (In Russ.).
11. Kubryakova, E. S., Nogina, I. V. (1975). Problemy funktsionirovaniya chastits tipa *out* v sisteme slovoobrazovaniya sovremennogo angliyskogo yazyka [The problems of functioning

of particles like *out* in the word-building system of Modern English]. In *Slovoobrazovanie i ego mesto v kurse obucheniya inostrannomu yazyku*. Vol. 3. Pp. 107-115. (In Russ.).

12. Kaliušenko, V. D. (2000). *Typologie denominaler Verben*. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).

13. Kennedy, G A. (1920). The Modern English Verb-Adverb Combinations. In *Language and Stanford*. California: Stanford Univ. Publications. Vol. 1. No. 1. Pp. 120-151.

14. Kovács, E. (2014). Spotlighting English Phrasal Verbs. In *Journal of Languages for Specific Purposes*. 1 (1). Pp. 7-21. Available at <https://doaj.org/article/6b79fbc4a97b46d7a9ffe9a2191d40cc> (accessed: 27.09.2017).

15. Marchand, H. (1967). On the Description of Compounds. In *Word*. Vol. 23. No. 1-3. Pp. 379-387.

16. Moon, R. (2009). Metaphor and Phrasal Verbs. In *Language Study of The Macmillan Phrasal Verbs Plus Dictionary*. Oxford: Macmillan. Pp 5-9.

17. Smith, L. (1925). *Words and Idioms*. Glasgow: The University Press.

18. Vorob'jova, O. (2015). Derivation within English Phrasal Verbs. In *International Research Journal*. No 1 (32). P. 3. Pp. 45-48. Available at: <https://research-journal.org/wp-content/uploads/2015/02/1-3-32.pdf>. (accessed: 28.09.2017).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language] / ed. by S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2000. (In Russ.)

2. Kurilova, A. D. (2007). *Tolkovyy slovar razgovornogo russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of spoken Russian]. M.: ACT. (In Russ.)

3. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern literary Russian]: v 20 t. M.: Russkiy yazyk. Vol. 2. (In Russ.)

4. *Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs*. London: Harper Collins Publishers, 1996.

5. *Dictionary of Slang and Unconventional English*. New York, 2002.

6. *Longman Dictionary of Contemporary English*. M.: Russkiy yazyk, 1992.

7. *Longman Dictionary of Phrasal Verbs*. Pearson Education Limited, 2000.

8. *Oxford Dictionary of Current Idiomatic English*. Oxford, 1990.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National Corpus of Russian]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed: 30.09.2017). (In Russ.).

2. *British National Corpus*. Available at: <http://corpus.byu.edu/bnc> (accessed: 30.09.2017).

Воробьева Оксана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры германской филологии (e-mail: vorobyovaoksana27@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Vorobeva Oksana S. – Candidate of Philology, Associate Professor, Doctorate Student at the Department of Germanic Philology (e-mail: vorobyovaoksana27@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 16 октября 2017 г.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье исследуется национально-культурная семантика фразеологических единиц в разноструктурных языках. Устанавливаются способы экспликации национально-культурного компонента в семантике фразеологизмов, изучаются факторы, влияющие на его формирование.

Ключевые слова: фразеологическая единица, национально-культурный компонент, семантика, фразеологическое значение.

© 2017 I. A. Gerasimenko

NATIONAL AND CULTURAL COMPONENT IN SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN LANGUAGES OF DIFFERENT STRUCTURE

The article deals with national and cultural semantics of phraseological units pertaining to languages of different structure. Ways of expressing national and cultural component in the semantics of phraseologisms have been specified, factors influencing its formation have been studied.

Key words: phraseological unit, national and cultural component, semantics, phraseological meaning.

1. Статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц с национально-культурным компонентом в разноструктурных языках, например: англ. *time and tide wait for no man – time and tide*; русск. *остаться у разбитого корыта*; фр. *agir sous main*; укр. *залити за шкуру сала* и др.

Актуальность исследования. Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным вниманием ученых к антропоцентрической проблематике – рассмотрению языка в тесной связи с человеком, его мышлением, культурной и познавательной деятельностью. В последние десятилетия активизировались исследования, посвященные изучению национально-культурной специфики различных языковых явлений, интегрирующих в себе представления о культурных ценностях и мировоззренческих установках того или иного этноса (см., например, работы: Апресян 1995; Верещагин, Костомаров, 1990; Тарасов 1999; Телия 1991; Тхорик, 2000; Шаховский 2004, и др.). Интенсивное развитие антропоцентрического направления в языкознании обусловлено осознанием того, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации мира, а выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, 1995: 7].

Антропоцентрический подход к анализу языка связан с исследованием широкого круга языковых явлений. Особое место среди них принадлежит фразеологизмам, которые справедливо считаются одним из главных источников информации национально-культурного характера. Сегодня в условиях мировой интеграции, все более тесного взаимодействия различных культур и цивилизаций особую значимость приобретает сопоставительное исследование фразеологических систем разноструктурных языков, которое способствует «обнаружению различных проявлений структурно-семантической общности национальных языковых систем» [Мелерович, 2008: 259] и выявлению на этом фоне их национально-специфических особенностей. Несмотря на большое количество работ, посвященных сопоставительному анализу фразеологизмов и многообразию подходов к решению данной проблемы, исследование национально-культурной специфики фразеологических единиц в разноструктурных языках относится к приоритетным и недостаточно разработанным направлениям современной лингвистики. Как отмечают ученые, выявление собственно национальных свойств семантики фразеологической единицы одного языка может осуществиться только в сопоставлении данной фразеологической единицы с аналогами другого языка. Выделение общих черт в фразеологических единицах двух языков облегчает понимание культурно-языковой специфики [Бао Хун, 1999: 310].

Цель предложенной статьи – исследование национально-культурной составляющей в семантике фразеологических единиц разноструктурных языков.

2. Не вызывает сомнений тот факт, что фразеологизмы являются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Однако вопрос о том, в чём проявляется эта специфика, не перестаёт оставаться предметом дискуссий. Само соотношение культуры и языка трактуется неоднозначно. Известно суждение В. Гумбольдта о том, что культура народа отражается в его языке. Но если понимать культуру (всё, что создано человеком) в противопоставлении природе, натуре (тому, что существует помимо человека), то и сам язык следует признать элементом культуры, причём одним из важнейших, поскольку он создан человеческим обществом. Поэтому, когда говорят об отражении культуры в языке народа, то подразумевают, по-видимому, отражение в нём внеязыковой культуры, поскольку сам язык является компонентом культуры [Гак, 1999: 260-261].

Национально-культурная специфика фразеологизмов является предметом широкого обсуждения в современном языкознании (см. работы: Fleischer, 1982; Makkai, 1972; Melchuk, 1995; Мокиенко, 2008; Телия 1996 и др.). По мнению таких исследователей, как

В. Н. Телия и В. Г. Гак, следует разграничить национальную и культурную специфику фразеологических единиц (ФЕ).

2.1. Национальная специфика ФЕ определяется при сравнении или сопоставлении языков. При таком подходе наличие национально-культурных характеристик обуславливается двумя факторами – объективным и субъективным.

Объективный фактор заключается в природных и культурных реалиях, свойственных жизни данного народа и не существующих в жизни другого. В качестве примера Э. М. Солодухо приводит выражение *pale comme une endvine* ‘мертвенно бледный’ (букв. ‘бледный как эндивий’ – малоизвестный в России садовый цикорий, разводимый при недостатке света и поэтому бледный) [Солодухо, 1977: 54]. Субъективный фактор состоит в произвольной избирательности, когда слова, отражающие одни и те же предметы и явления объективной реальности, во фразеологии разных языков представлены по-разному. Например, в русском языке отсутствует ФЕ с компонентом *артишок*, т.к. это растение нетипично для русской культуры. Данное слово встречается во фразеологизмах французского и итальянского языков, где, однако, получает различную символизацию. Во французском языке имеется ФЕ *avoir un coer d'artichaut* (букв. ‘сердце, т.е. мягкая сердцевина артишока’) ‘быть ветреным, влюбчивым’, в итальянском – *la politica di carciofo* (букв. ‘политика артишока’) – ‘политика, направленная на последовательное приобретение новых территорий’, подобно тому, как при поедании артишока отделяют один за другим его листочки. Различие между романскими языками и русским языком – объективное, между двумя романскими языками – субъективное [Солодухо, 1989: 87].

2.1.1. Национальная специфика ФЕ может проявляться на различных уровнях: 1) в значении фразеологизмов; 2) в их грамматических моделях; 3) в лексическом составе; 4) в особенностях употребления.

2.1.1.1. Наиболее ярко национальный компонент представлен в значении фразеологизма. Следует отметить, что проблема фразеологического значения является одной из наиболее актуальных и дискуссионных проблем современной лингвистики. В теории фразеологии сформировались две основные точки зрения на суть фразеологического значения: сторонники первой точки зрения, основываясь на теории идентификации Ш. Балли, рассматривают фразеологическое значение как понятие, тождественное лексическому значению (И.С. Торопцев, П. М. Шанский, А. И. Молотков и др.); сторонники второй точки зрения рассматривают фразеологическое значение как явление, качественно отличающееся от всех видов языковых значений (А. В. Кунин, Л. А. Хоменко, В. М. Белоноженко и др.).

В последнее время наблюдается тенденция выделять фразеологическое значение в особую лингвистическую категорию, но при этом рассматривать его в сопоставлении с лексическим значением. При это практически все лингвисты единодушны в том, что фразеологическое значение намного сложнее лексического значения, поскольку включает целый комплекс дополнительных значений и многоплановых эмоционально-оценочных отношений. Кроме того, по мнению ученых, фразеологическое значение отличается от лексического значения слова своеобразием отражения предметов, явлений, свойств окружающей действительности, особенностями мотивировки своего значения, характером участия компонентов в формировании целостного значения фразеологизма [Жуков, 1978: 52].

В отношении содержательной стороны фразеологизмов разноструктурных языков возможны три типа межъязыковых расхождений:

а) в одном из языков могут употребляться ФЕ, значения которых во фразеологии другого языка не представлены. Такими являются в первую очередь фразеологизмы, в значениях которых отражаются реалии быта данного народа (например, русск. *огород городить* и др.). Вместе с тем следует отметить, что нередко такие ФЕ обозначают общие явления, которые, как это бывает в лексике, не закрепились в данном языке;

б) определенное значение представлено в семантической системе обоих языков, но в одном из них оно выражено лексически (одним словом), в другом – фразеологически (словосочетанием);

в) сходные по внешней форме ФЕ могут различаться по внутренней образности и, следовательно, иметь разные значения в разных языках. Ср. в русском языке *сбросить балласт* означает ‘избавиться от ненужного’», во французском – ‘пожертвовать чем-либо во имя спасения’.

2.1.1.2. ФЕ строятся по тем же грамматическим моделям, что и свободные словосочетания, поэтому среди фразеологизмов одного языка (например, английского, французского, немецкого) можно обнаружить модели, отсутствующие в другом языке (например, украинском).

2.1.1.3. Специфика лексического состава ФЕ определяется следующими факторами:

а) в английских фразеологизмах, например, встречаются лексемы, отражающие предметы и явления объективной реальности, неизвестные или менее употребительные в повседневной жизни носителей украинского языка. Так, в английской фразеологии к частоупотребительным относятся ФЕ с компонентом *чай* (самый популярный напиток в Англии): *A storm in a teacup* ‘буря в стакане воды’, который в украинских фразеологизмах менее продуктивен;

б) даже при наличии идентичных по семантике слов разные языки используют их по-разному. Например, во французском языке используется больше фразеологизмов со словами, обозначающими цвет и части тела, переводящихся на украинский язык с помощью слов, принадлежащих к другим семантическим группам. В пределах одной и той же группы во ФЕ разных языков актуализируются разные слова, например, числительное *quatre* чаще употребляется во французской фразеологии, чем *чотири* в украинской;

в) в ряде случаев различия в лексическом составе схожих по значению фразеологизмов объясняются тем, что слова разных языков, аналогичные по своему основному значению, имеют неодинаковый семантический объём. Так, слово *water* в английском языке обозначает не только воду, но и жидкости человеческого организма, вследствие чего оно употребляется в выражении: *it makes smb's mouth water* 'слюнки текут' и др.

2.1.1.3. Что касается особенностей употребления ФЕ, то в различных языках они характеризуются различной степенью варьирования. Так, например, варьирование фразеологизмов, охватывающее как грамматическую форму, так и лексический состав, в большей степени характерно для английских фразеологизмов, нежели для украинских.

Отмеченные выше особенности (возможные расхождения значений у ФЕ схожего лексического состава, различия в выборе слов и конструкций в выражениях сходного значения, а также склонность фразеологизмов к варьированию) необходимо учитывать при практическом изучении фразеологии неродных языков.

2.2. Культурная специфика ФЕ определяется соотношением её с элементом материальной или духовной культуры данного общества, его истории, верований, обычаев, природно-географического кадра, в котором живет данный народ [Гак, 1999: 261], а также национальной маркированностью ФЕ того или иного языка вне сопоставления с другими языками. Предполагается, что в каждой лингвокультуре существуют фразеологизмы, которые воспринимаются ее носителями как исключительно «свои», то есть сугубо национальные, не свойственные другим лингвокультурам.

В различных языках мира неисчерпаемым источником формирования культурно маркированных фразеологизмов является материальная и духовная сферы жизни человека, создающие тот экстралингвистический фон, на котором объёмнее и рельефнее выступают и языковые ценности. Б. О. Ларин отмечает, что фразеологизмы всегда в той или иной степени отражают мировоззрение народа, общественный порядок, идеологию своей эпохи [Ларін, 1959: 33].

Выражая отвлечённые понятия и представления через конкретное, наглядное, осязаемое, ФЕ являются в семантическом отношении двуплановыми образованиями, поскольку соотносятся с объектами национальной культуры как первичными денотатами

и производными от них предметами мысли. Благодаря такой двуплановости в семантической структуре ФЕ изначально содержится и своеобразно развивается культурный компонент, формирование и развитие которого осуществляется в три этапа:

1) в процессе осмысления предметов и явлений, относящихся к сфере материальной и духовной культуры, первичным знакообозначением которых служат свободносинтаксические генотипы фразем;

2) в результате установления логического основания переосмысления фраземообразующей базы;

3) путём преобразования последней в средство косвенно-производной номинации.

В соответствии с этим культурный фон во фразеологическом значении представлен в трёх ипостасях:

1) миром материальной и духовной культуры (первичной денотативной ситуацией);

2) гносеологическим образом, совмещающим в себе: а) понятийное содержание, отражающее определённые свойства, качества, отношения культурологического характера; б) социологизированное квалитативно-оценочное отношение к нему;

3) означающим фраземного знака как средством выражения вторичной денотативной ситуации и соотнесения её с первичной культурологической денотацией [Алефиренко, 1993: 67-68].

Культурологические факторы формирования фразеологической семантики могут служить основанием соответствующей классификации ФЕ по культурному компоненту. Например, в английском и украинском языках высокопродуктивной в данном отношении является лексика, относящаяся к следующим темам:

Части тела человека: укр. *і оком не моргнути*, англ. *to keep one's head* и др.

Предметы обихода: укр. *побити горщики*, англ. *pot calls kettle black* и др.

Духовная культура (образование, наука, литература, искусство): укр. *дістати урок*, англ. *knowledge is power* и др.

Сверхъестественные явления (явления, отражающие религиозные и суеверные представления, связанные с волшебством, магией и т.д.): укр. *іти під три чорти*, англ. *go to the devil!* и др.

Психическое состояние (чувства, переживания, оценка, отношение к окружающей действительности): укр. *кров холоде в жилах*, англ. *to burn with impatience* и др.

Государственное устройство, политика, право: укр. *верховна влада*, англ. *supreme power* и др.

Военное дело: укр. *приймати бій*, англ. *to ground arms* и др.

Явления природы: укр. *pid tri vimri*, англ. *to talk to the wind* и др.

Вещества: укр. *насипати солі pid хвіст*, англ. *eat a peck of salt with smb.*

Цвет: укр. *проходити червоною ниткою*, англ. *black as ink* и др.

Животный и растительный мир: укр. *як корова язиком злизала*, англ. *to shake like a leaf* и др.

Ремёсла: укр. *прясти на тонку*, англ. *cut one's coat according to one's cloth* и др.

Внешний вид человека, одежда, обувь: укр. *ламати шапку*, англ. *to have sth. up one's sleeve* и др.

Специфика исторического развития: укр. *непроханий гість гірше татарина*, англ. *under queen Ann* и др.

Единицы измерения: укр. *сім футів під килем*, англ. *beat smb. within an inch of his life* и др.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, продуктивный способ образования культурно маркированных фразеологизмов в разных языках – переосмысление устойчивых словосочетаний нефразеологического характера, терминологических сочетаний из области науки, техники, политики, права и т.д. Такие сочетания легко поддаются метафоризации и в результате образно-метафорического употребления обретают устойчивые переносные значения, постепенно приобретая все признаки фразеологических единиц, выступающих своеобразными национально-культурными символами и эталонами.

Национально-культурный компонент содержат также обороты, прототипы которых восходят к художественной литературе, например: русск. *остаться у разбитого корыта* (А. С. Пушкин), *есть ещё порох в пороховницах* (Н. В. Гоголь); англ. *the green-eyed monster* ‘чудовище с зелеными глазами’, ревность (В. Шекспир) и др.

3. Таким образом, национально-культурный компонент является неотъемлемой частью семантической структуры фразеологизмов, который наиболее отчетливо выявляется при сопоставительном анализе. Национально-культурная специфика фразеологических единиц может быть представлена как в одном из компонентов фразеологического значения (денотате, сигнификате, коннотации), который отражает предметы и явления национальной культуры, так и в самом образе и способах переосмысления ситуаций, положенных в его основу. Роль национально-культурного компонента в формировании семантики ФЕ чрезвычайно важна, т. к. именно он позволяет адекватно воспринять и передать необходимую информацию, отражая специфику национального менталитета, ценностные установки, представления и стереотипы,

сложившиеся в определённом этнокультурном сообществе, особенности его социально-исторического и культурного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и культура // Язык и культура. Киев, 1993. Ч. 1. С. 67-68.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. 767 с.
3. Бао Хун. Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках // Фразеология в контексте культуры. М.: Язык русской культуры, 1999. С. 305-310.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1995. 411 с.
5. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1990. 246 с.
6. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 260-261.
7. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 206 с.
8. Ларін Б. О. Про народну фразеологію // Українська мова в школі. 1959. № 5. С. 30-36.
9. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 484 с.
10. Солодухо Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань: Изд-во Казанского университета, 1977. 160 с.
11. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения. (На материале языков славянской, германской и романской групп). Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. 296 с.
12. Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 34-37.
13. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 214 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
15. Тхорик В. И. Языковая личность в аспекте лингвокультурологических характеристик. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2000. 192 с.
16. Шаховский В. И. Эмотивность фразеологии как межкультурный феномен // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 46-52.
17. Oxford Dictionary of English Idioms. Oxford University Press, 1993. Vol. I-II. 685 p.
18. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1982. 304 S.
19. Makkai A. Idiom Structure in English. The Hague: Moulon, 1972. 381 p.
20. Melchuk I. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics // Idioms; Structural and Psychological Perspectives. Hillsdale: Erlbaum, 1995. P. 167-232.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (1993). *Frazeologiya i kultura* [Phraseology and culture]. In *Yazyk i kultura*. Kiev. Ch. 1. S. 67-68. (In Russ.).
2. Апресян, Ю. Д. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka* [Man's image according to the language]. In *Izbrannyye trudy*. M.: Yazyki russkoy kultury. T. 2. (In Russ.).
3. Bao, Khun. (1999). *Natsionalno-kulturnaya spetsifika frazeologizmov v russkom i kitaiskom yazykakh* [National and cultural specificity of phraseological units in Russian and Chinese languages]. In *Frazeologiya v kontekste kultury*. M.: Yazyk russkoy kultury. S. 305-310. (In Russ.).
4. Vezhbitskaya, A. (1995). *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language culture cognition]. Moskva: Russkie slovari. (In Russ.).
5. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1990). *Yazyk i kultura: Lingvostranovedenie*

v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Language and Culture: culture-oriented linguistics in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moskva: Russkiy yazyk. S. 63-71 (In Russ.).

6. Gak, V. G. (1999). Natsionalno-kulturnaya spetsifika meronimicheskikh frazeologizmov [National-cultural specificity of meronymic phraseological units]. In *Frazeologiya v kontekste kultury*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. S. 260-261. (In Russ.).

7. Zhukov, V. P. (1978). *Semantika frazeologicheskikh oborotov* [Semantics of phraseological turns]. M.: Prosveshchenie. (In Russ.).

8. Larin, B. O. (1959). *Pro narodnu frazeologiyu* [About peoples' phraseology]. In *Ukraynska mova v shkoli*. № 5. S. 30-36. (In Ukr.).

9. Melerovich, A. M., Mokienko, V. M. (2008). *Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh edinits sovremennogo russkogo yazyka* [Semantic Structure of Phraseological Units of Modern Russian Language]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova. (In Russ.).

10. Solodukho, E. M. (1977). *Voprosy sopostavitelnogo izucheniya zaimstvovannoy frazeologii* [Questions of comparative study of borrowed phraseology]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russ.).

11. Solodukho, E. M. (1989). *Teoriya frazeologicheskogo sblizheniya. (Na materiale yazykov slavyanskoy, germanskoy i romanskoy grupp)* [Theory of phraseological convergence. (On the material of the languages of the Slavic, Germanic and Romance groups)]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta. (In Russ.).

12. Tarasov, E. F. (1999). Yazyk kak sredstvo translyatsii kultury [Language as a means of cultural transmission]. In V. N. Teliya (red.) *Frazeologiya v kontekste kultury*. M.: Yazyki russkoy kultury. S. 34–37 (In Russ.).

13. Teliya, V. N. (1991). Mekhanizmy ekspressivnoy okraski yazykovykh edinits [Mechanisms of expressive coloring of language units]. In *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti*. M.: Nauka. (In Russ.).

14. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury». (In Russ.).

15. Tkhorik, V. I. (2000). *Yazykovaya lichnost v aspekte lingvokulturologicheskikh kharakteristik* [Language personality in the aspect of linguocultural characteristics]. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet. (In Russ.).

16. Shakhovskiy, V. I. (2004). Emotivnost frazeologii kak mezhkulturnyy fenomen [Emotion of phraseology as an intercultural phenomenon]. In *Kulturnye sloi vo frazeologizmkh i diskursivnykh praktikakh*. M.: Yazyki slavyanskoy kultury. S. 46-52. (In Russ.).

17. *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford University Press, 1993. Vol. I-II.

18. Fleischer, W. (1982). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut.

19. Makkai, A. (1972). *Idiom Structure in English*. The Hague: Moulon.

20. Melchuk, I. (1995). Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics. In *Idioms; Structural and Psychological Perspectives*. Hillsdale: Erlbaum. P. 167-232.

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков (*iragerasimenko@mail.ru*), Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» 284626, Горловка, ул. Рудакова, 25

Gerasimenko Irina A. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Slavonic Languages (*iragerasimenko@mail.ru*), Educational Organization of Higher Professional Education «Gorlovka Institute of Foreign Languages» 25 Rudakova, Gorlovka, 284626

Поступила в редакцию 04 октября 2017 г.

ПОЛИСЕМИЯ КОЛОРОНИМА 'СЕРЫЙ' В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена рассмотрению колоронима 'серый' в сопоставительном аспекте на материале четырех языков. Выявляются и анализируются лексико-семантические варианты, а также уровень полисемичности данного колоронима, выделяются и описываются фразеологические единицы, имеющие в своем составе лексему серый.

Ключевые слова: колороним, лексико-семантический вариант, фразеологическая единица.

POLYSEMY OF THE COLOUR TERM 'GREY' IN THE ENGLISH, GERMAN, RUSSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES

The article focuses on the study of the colour term 'grey' in the four different languages. It gives a detailed analysis of the lexico-semantic alternants as well as the polysemy level of this colour term. The author also examines the phraseological units with the word 'grey', compares and contrasts them.

Key words: colour term, lexico-semantic alternant, phraseological unit.

1. Вводные замечания

Вследствие значительного интереса исследователей к изучению колоронимов лингвистика цвета стала автономной дисциплиной языковедческих исследований с прочной методологической базой [Кульпина, 2001]. Семантика колоронимов и фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентами-колоронимами неоднократно становилась как предметом исследования на материале одного языка [Василевич, Кузнецов, Мищенко, 2005; Герасименко, 2010; Комина, 1972; Ус, 2016], так и предметом сопоставительного исследования многих лингвистов на материале различных языков: английского и русского [Макеенко, 1996], польского и русского [Кульпина, 2001], русского и испанского [Бережных, 2008], английского, немецкого, французского, татарского и русского [Гатауллина, 2005], русского и турецкого [Дегтярёва, Хавуш Нур, 2007]. Однако можно утверждать, что семантика колоронимов на материале английского, немецкого, русского и украинского языков не являлась предметом отдельного сопоставительного исследования. **Актуальность** работы обусловлена необходимостью создания системной модели исследования полисемии колоронимов в сопоставительном аспекте на материале указанных языков.

Цель данной работы заключается в установлении переносных значений прилагательных с основным значением ‘серый цвет’, выявлении общих и отличительных признаков семантики этой лексической единицы в английском, немецком, русском и украинском языках.

Объектом исследования выступают колоронимы со значениями ‘серый цвет’ в обозначенных языках, а **предметом** является полисемия лексем *grey, grau, серый, сірий*, а также ФЕ с данным компонентами, которые зафиксированы в языках исследования.

Эмпирический материал был получен из различных толковых словарей: Академічний тлумачний словник української мови, Большой толковый словарь русского языка, Deutsches Online Wörterbuch DUDEN, Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford Learner’s Dictionaries. Единицей исследования служит лексико-семантический вариант (ЛСВ) указанных колоронимов в английском, немецком, русском и украинском языках. Общий объем выборки составляет 9 ЛСВ колоронимов со значением ‘серый’ в английском, немецком, украинском и русском языках, а также 28 ФЕ с данным компонентом в четырех языках исследования.

2. Семантика колоронима ‘серый’

Проанализировав переносные значения лексемы *серый*, можно сделать вывод, что английская лексема *grey* имеют наибольшее количество ЛСВ (7), наименьшее количество ЛСВ у русской лексической единицы *серый* (5), немецкий колороним *grau* и украинский колороним ‘сірий’ обладают одинаковым количеством ЛСВ – 6 (см. табл. 1).

Таблица 1. Количественная характеристика переносных значений колоронима ‘серый’ в английском, немецком, русском и украинском языках

Переносные значения колоронима ‘серый’	Количественная характеристика переносных значений колоронима ‘серый’			
	Английский язык	Немецкий язык	Русский язык	Украинский язык
1. Бледный	+	+	+	+
2. Пасмурный	+	+	+	+
3. Однотонный, грустный	+	+	+	+
4. Скучный, непримечательный	+	–	+	+
5. Седой	+	+	–	+
6. Необразованный, малокультурный	–	–	+	+
7. Неофициальный, теновой	+	+	(+)*	–
8. Серый (о пожилых людях)	+	–	–	–
9. Отдаленный (по времени)	–	+	–	–
Всего	7	6	5	6

*Значок (+) – указывает на наличие данного значения только в речи, в словарях оно отсутствует.

Исследование позволило установить следующие 9 ЛСВ колоронима ‘серый’:
1) бледный, 2) пасмурный, 3) однотонный, грустный, 4) скучный, непримечательный,
5) седой, 6) необразованный, малокультурный, 7) серый (о пожилых людях),
8) неофициальный, теневой 9) отдаленный (по времени).

Три ЛСВ являются общими для всех языков исследования: ‘бледный’, ‘пасмурный’, ‘однотонный, грустный’, например: англ. *the next morning she looked very grey* ‘на следующее утро она выглядела очень бледной’, нем. *vor Übermüdung grau im Gesicht sein* ‘иметь бледное лицо из-за переутомления’, русск. *серый от длительной болезни мальчуган*, укр. *Проценко блідий-блідий, аж сірий* ‘Проценко бледный-бледный, аж серый’, англ. *I hate these grey days* ‘я ненавижу эти серые (пасмурные) дни’, нем. *graues Wetter* ‘пасмурная погода’, русск. *погода стоит серая, дождливая*, укр. *сірий ранок* ‘серое утро’, англ. *life seems grey and pointless without him* ‘жизнь кажется грустной и бессмысленной без него’, нем. *die graue Zukunft* ‘серое, беспросветное будущее’, русск. *серое существование*, укр. *сірі дні* ‘серые дни’.

Два ЛСВ колоронима ‘серый’ характерны для трех языков – ЛСВ ‘седой’ для английского, украинского и немецкого, а ЛСВ ‘скучный, непримечательный’ для английского, русского и украинского, например: англ. *he has gone very grey* ‘он очень поседел’, англ. *the company was full of faceless grey men who all looked the same* ‘компания была полна безликих серых людей, которые выглядели все одинаково’ русск. *серый фильм* (посредственный), укр. *сіра людина* ‘серый (посредственный) человек’.

Два ЛСВ отмечены в двух языках, ЛСВ ‘необразованный, малокультурный’ – в русском и украинском (русск. *серая публика*, укр. *сірий люд* ‘серый народ’), ЛСВ ‘неофициальный’ – в английском и немецком, например: англ. *grey economy* ‘теневая экономика’, нем. *graue Händler* ‘теневые предприниматели’. Два ЛСВ ‘серый (о пожилых людях)’ и ЛСВ ‘неясный’ отмечены только в английском языке, например: *the grey votes* ‘голоса пожилых людей’, *a grey area in environmental law* ‘неясные моменты в законе об окружающей среде’. Один ЛСВ характерен только для немецкого языка ‘отдаленный (по времени)’ – *in grauer Vorzeit* ‘в далекие, старые времена’. В русском языке данное значение отсутствует в словаре, но используется в словосочетании ‘серая зона’.

3. Фразеологические единицы с компонентом-колоронимом ‘серый’

Лексема *серый* также является компонентом ФЕ исследуемых языков. Общее количество фразеологизмов с данным компонентом составило на материале исследования

28 единиц, из них наибольшее количество в английском языке – 10 ФЕ, в немецком – 9 ФЕ, в русском и украинском языках – 5 ФЕ и 4 ФЕ соответственно.

Две ФЕ отмечены в четырех языках исследования: 1) англ. *grey matter*, нем. *die grauen Zellen*, русск. *серое вещество*, укр. *сіра речовина* ‘нервная ткань мозга, скопление его нервных клеток’; 2) англ. *grey eminence*, нем. *eine graue Eminenz / Graue Eminenz*, русск. *серый кардинал*, укр. *сірий кардинал* ‘влиятельный человек (особенно в политике), действующий негласно и обычно не занимающий формальных должностей с такими полномочиями’.

Только одна ФЕ характерна для трех языков: немецкого, русского и украинского. Например: нем. *eine graue Maus*, русск. *серая мышь*, укр. *сіра миша* ‘о тихом, незаметном человеке’.

Одна ФЕ встречается в английском и немецком языках англ. *all cats are grey at night*, нем. *in der Nacht sind alle Katzen grau* досл. ‘ночью все кошки серые’, ‘ночью стираются все отличительные признаки, поэтому все становится похожим’.

Семь ФЕ характерны только для английского языка, например, англ. *the men in grey suits* досл. ‘люди в серых костюмах’, ‘влиятельные люди в бизнесе или политике, которых не знает общественность’, англ. *grey water* ‘досл. серая вода’, ‘использованная вода, которую можно использовать только в технических целях’, англ. *grey zone* ‘серая зона’, ‘неопределенная зона’.

Пять ФЕ встречаются только в немецком языке, например, нем. *das ist nicht grau und nicht grün* досл. ‘это ни серое, ни зеленое’, ‘ни то, ни се’, нем. *den grauen Rock anziehen* досл. ‘надеть серую одежду’, ‘пойти в солдаты’.

Две ФЕ характерны только для русского языка и одна только для украинского, например, русск. *врать как сивый мерин* ‘наглая, беззастенчивая ложь’, русск. *серая кошка пробежала / проскочила* ‘произошла ссора’, укр. *сіра свита* ‘бедные люди’.

4. Выводы

1. Общее количество переносных значений колоронима ‘серый’ во всех исследуемых языках составляет 9 ЛСВ, общее количество ФЕ, имеющих в своем составе лексическую единицу *серый* – 28 ФЕ.

2. Наивысший уровень полисемичности отмечен у английской лексемы *grey* (7 ЛСВ) и немецкой лексемы *grau* (7 ЛСВ). Более низкий уровень полисемичности отмечен у русской лексемы *серый* и у украинской лексемы *сірий* (отмечено по 6 ЛСВ).

3. В генетически разных языках наблюдаются совпадения в восприятии цветов, о чем свидетельствуют 3 ЛСВ и 2 ФЕ с компонентом-колоронимом ‘серый’, которые характерны для всех четырех языков исследования. В близкородственных английском и

немецком языках зафиксирован ЛСВ, характерный только для этих языков – ЛСВ 'неофициальный, теневой', в русском это значение, также как и в родственных языках – русском и украинском – отмечен ЛСВ, присущий только этим языкам (ЛСВ 'необразованный, малокультурный').

4. Во всех четырех языках отмечены три значения: 'бледный', 'пасмурный', 'однотонный, грустный'. ЛСВ 'седой' и 'скучный, непримечательный', которые встречаются в трех языках исследования, ЛСВ 'необразованный, малокультурный' и 'неофициальный, теневой', отмечены в двух языках. Переносные значения 'серый (о пожилых людях)' и 'отдаленный (по времени)', характерны для одного языка исследования (см. таблицу 1).

В дальнейшем исследовании колоронимов планируется расширение эмпирического материала, детальное изучение семантики колоронимов, а также фразеологизмов с компонентами-колоронимами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бережных Е. Ю. Лингвоцветовая картина мира как часть языковой картины мира (на материале испанского и русского языков) // Вестник Чувашского университета. Чебоксары, 2008. № 4. С. 184-188.
2. Василевич А. П. Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. С. 58-64.
3. Василевич А. П., Кузнецов С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
4. Гатауллина Л. Р. Роль цветообозначений в концептуализации действительности (на примере цветообозначения «черный») // Семантика разноуровневых единиц в языках различного строя. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 351-363.
5. Герасименко И. А. Семантика русских цветообозначений. Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. 440 с.
6. Дегтярёва И. Н., Хавуш Нур. Лексика цветообозначения: русско-турецкие соответствия // Русистика и современность. Материалы VII международной научно-практической конференции: в 2-х т. СПб., 2007. Т. 2. С. 72-85.
7. Калиущенко В. Д. Введение // Типология языковых значений в диахроническом и сопоставительном аспектах: словообразование в средневерхненемецком языке. Донецк: ДонНУ, 1998. Т. 1. С. 5-6.
8. Комина Е. В. Модели цветообозначений в английском языке // Проблемы английской филологии и психоллингвистики. Калинин: КГУ, 1972. Вып. 1. С. 45-86.
9. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Моск. лицей, 2001. 470 с.
10. Макеенко И. В. Семантика цвета в русском и английском языках // Единицы языка и их функционирование. Саратов, 1996. С. 39-48.
11. Ус Ю. Н. Динамика цветообозначения *gelb* и его производных в словаре и тексте (XVI-XVII века) // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий. Донецк-Пятигорск, 2016. С. 188-194.
12. MacLaury R. Language typology and language universals // Color terms. Berlin, 2001. P. 1227-1251.

13. Wyler S. Colour and language: color terms in English. Tübingen: Gunter Narr, 1992. S. 161-164.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Академічний тлумачний словник української мови. Доступ: <http://sum.in.ua/s/>. (дата обращения: 18.06.2017).
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Доступ: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>. (дата обращения: 19.06.2017).
3. Deutsches Online Wörterbuch DUDEN. Доступ: <http://www.duden.de/>. (дата обращения: 14.06.2017).
4. Longman Dictionary of Contemporary English. Доступ: <http://www.ldoceonline.com>. (дата обращения: 30.06.2017).
5. Oxford Learner's Dictionaries. Доступ: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (дата обращения: 30.05.2017).

REFERENCES

1. Berezhnykh, E. Yu. (2008). Lingvotsvetovaya kartina mira kak chast yazykovoy kartiny mira (na materiale ispanskogo i russkogo yazykov) [Linguo-colour view of the world as a part of a lingual view of the world (examples are taken from the Spanish and Russian languages)]. In *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. Cheboksary, 2008. № 4. Pp. 184-188. (In Russ.).
2. Vasilevich, A. P. (1988). *Yazyk i kultura: sopostavitelnyy analiz gruppy slovtsvetooboznacheniy* [The language and the culture: the comparative analysis of the groups denoting the colour terms]. Moscow: Nauka. Pp. 58-64. (In Russ.).
3. Vasilevich, A. P., Kuznetsov, S. N., Mishchenko, S. S. (2005). *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [The colour and the colour terms in the Russian language]. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
4. Gataullina, L. R. (2005). Rol tsvetooboznacheniy v kontseptualizatsii deystvitelnosti (na primere tsvetooboznacheniya «chernyy») [The role of the colour terms in conceptualization of the reality (through the example of the colour term 'black')]. In *Semantika raznourovnevykh edinit v yazykakh razlichnogo stroya*. Ufa: RIO BashGu. Pp. 351-363. (In Russ.).
5. Gerasimenko, I. A. (2010). *Semantika russkikh tsvetooboznacheniy* [The semantics of the colour terms in Russian]. Gorlovka: Izd-vo GGPIIYa. (In Russ.).
6. Degtyareva, I. N., Khavush Nur. (2007). Leksika tsvetooboznacheniya: russko-turetskie sootvetstviya [Colour vocabulary: Russian and Turkish equivalents]. In *Rusistika i sovremennost. Materialy VII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2-kh t.* SPb. T. 2. Pp. 72-85. (In Russ.).
7. Kaliuščenko, V. D. (2000). Vvedeniye [Introduction]. In *Tipologiya yazykovykh znacheniy v diakhronicheskom i sopostavitelnom aspektakh: slovoobrazovanie v sredneverkhnenemetskom yazyke*. Donetsk: DonNU. T. 1. Pp. 5-6. (In Russ.).
8. Komina, E. V. (1972). Modeli tsvetooboznacheniy v angliyskom yazyke [The models of the colour terms in English]. In *Problemy angliyskoy filologii i psikholingvistiki*. Kalinin: KGU. Pp. 45-86. (In Russ.).
9. Kulpina, V. G. (2001). *Lingvistika tsveta: Terminy tsveta v polskom i russkom yazykakh* [Linguistics of the colour terms: the colour terms in the Polish and Russian languages]. M.: Mosk. Litsey. (In Russ.).
10. Makeenko, I. V. (1996). Semantika tsveta v russkom i angliyskom yazykakh [The semantics of colour in the Russian and English languages]. In *Edinitsy yazyka i ikh funktsionirovanie*. Saratov. Pp. 39-48. (In Russ.).
11. Us, Yu. N. (2016). Dinamika tsvetooboznacheniya gelb i ego proizvodnykh v slovare i tekste (XVI-XVII veka) [The dynamics of the color term yellow and its derivatives in the dictionary and the text (XVI-XVII centuries)]. In *Sopostavitelnye i diakhronicheskie issledovaniya yazykovykh edinit i kategoriy*. Donetsk-Pyatigorsk. Pp. 188-194. (In Russ.).

12. MacLaury, R. (2001). Language typology and language universals. In *Color terms*. Berlin. Pp. 1227-1251.

13. Wyler, S. (1992). *Colour and language: color terms in English*. Tübingen: Gunter Narr. S. 161-164

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Akademichnyy tlumachnyy slovnyk ukraynskoy movy* [Academic definition dictionary of the Ukrainian language]. Available at: <http://sum.in.ua/s/>. (accessed: 18.06.2017).

2. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Big definition dictionary of the Russian language] / pod red. S. A. Kuznetsova. Available at: <http://www.gramota.ru/>. (accessed: 19.06.2017).

3. *Deutsches Online Wörterbuch DUDEN*. Available at: <http://www.duden.de/>. (accessed: 14.06.2017).

4. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Available at: <http://www.ldoceonline.com>. (accessed: 30.06.2017).

5. *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (accessed: 30.05.2017).

Гончарова Каролина Давидовна – аспирант
кафедры германской филологии
(e-mail: karolina_tsulaya@inbox.ru),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Honcharova Karolina D. – Postgraduate Student
of German Philology Department
(e-mail: karolina_tsulaya@inbox.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 11 октября 2017 г.

УДК 81'22:659.1

© 2017 Т. В. Корнилова

СТРУКТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОГАНОВ РЕКЛАМЫ БЫТОВЫХ ТОВАРОВ В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются слоганы рекламы бытовых товаров на материале английского, русского, французского языков в сопоставительном аспекте. Выявлены и описаны их структурно-прагматические особенности.

***Ключевые слова:** слоган, структурные особенности, синтактика, прагматика, сопоставительный анализ.*

© 2017 T. V. Kornilova

STRUCTURAL AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF SLOGANS IN ENGLISH, RUSSIAN AND FRENCH ADVERTISEMENTS OF HOUSEHOLD GOODS

The article deals with the slogans in English, French and Russian advertisements of household goods in the comparative aspect. The structural and pragmatic peculiarities of slogans are revealed and described.

***Key words:** slogan, structural peculiarity, syntactics, pragmatics, comparative analysis.*

1. Вводные замечания. Слоган, как ключевой компонент рекламного сообщения, представляет собой микротекст с определенным набором структурных, семантических, стилистических и прагматических параметров и является частью развернутого поликодового сообщения [Колокольцева, 2016: 147].

Объектом данного исследования являются слоганы русской, англоязычной (английской и американской) и франкоязычной (французской, бельгийской, швейцарской, канадской) рекламы бытовых товаров (БТ), а **предметом** – их структурные особенности в сопоставительном аспекте. **Материалом** послужили 1270 единиц, из них 546 – на английском, 356 – на русском, 368 – на французском языках, полученные сплошной выборкой из рекламных сообщений на сайтах производителей бытовых товаров, из каталогов продукции, рекламных буклетов, листовок, брошюр и др.

Структурный анализ слоганов рекламы предпринимался такими исследователями, как Ю. Б. Корнева, Т. Н. Колокольцева, О. А. Дмитриев, Е. П. Дудина, О. В. Лещенко, П. Ондомбо и др. В настоящее время в лингвистике актуальным является функционально-ориентированный подход к изучению языковых единиц, выявление их прагматического значения. Ч. Моррис, который ввел в научный обиход термин «прагматика», обозначал им в рамках своей семиотической концепции отношение между знаком и пользователем знака, а формальные отношения знаков друг к другу определил термином «синтактика»

[Morris, 1938]. Структурно-прагматические аспекты предложения, связь синтаксиса и коммуникативно-функционального назначения языковых единиц и их использование в речевых актах исследовали Дж. Л. Остин, Дж. Л. Серль, Д. Вундерлих, В. В. Богданов, Г. Г. Почепцов, И. П. Сусов, В. Г. Гак и др. **Актуальность** данной работы обусловлена необходимостью сопоставительных исследований структурно-прагматических свойств различных коммуникативных единиц, в том числе слоганов. Вместе с тем, исследования структуры слогана рекламы БТ на материале английского, русского и французского языков в сопоставительном аспекте ранее не проводились.

2. Объем слоганов. Важным представляется вопрос объема слоганов. Типичный слоган рекламы БТ на английском, русском, французском языках состоит из двух-шести слов (см. табл. 1).

Таблица 1. *Объем англо-, русско-, франкоязычных слоганов рекламы БТ*

Количество слов	Количество слоганов (всего 1270 ед.)		
	Английский язык, ед. (%)	Русский язык, ед. (%)	Французский язык, ед. (%)
1	1 (0,2%)	1 (0,3%)	1 (0,4%)
2	82 (15%)	29 (8%)	27 (7%)
3	167 (31%)	99 (28%)	100 (27%)
4	107 (20%)	79 (22%)	73 (20%)
5	69 (13%)	67 (19%)	57 (15,6%)
6	53 (9%)	39 (11%)	42 (11,2%)
7	33 (6%)	12 (3,1%)	32 (9%)
8	14 (2,5%)	11 (3%)	11 (3%)
9	8 (1,4%)	7 (2,1%)	10 (2,8%)
10	4 (0,6%)	2 (0,6%)	6 (1,7%)
11	5 (0,7%)	1 (0,4%)	–
12	1 (0,2%)	4 (1%)	5 (1,5%)
13	–	1 (0,3%)	–
14	–	1 (0,3%)	–
15	1 (0,2%)	–	–
16	–	1 (0,3%)	1 (0,4%)
17	–	–	1 (0,4%)
18	1 (0,2%)	–	–
27	–	1 (0,3%)	–
66	–	1 (0,3%)	–
Всего	546 (100%)	356 (100%)	368 (100%)

Как показывают количественные данные, во всех языках на первом и втором месте находятся слоганы, состоящие соответственно из трех и четырех слов. Третье и четвертое место во французском и русском занимают предложения из пяти и шести слов, а в английском – соответственно из двух и пяти. Слоганы из двух слов во французском стоят

на пятой позиции, а в русском – на шестой. Таким образом, в английском и французском языке очевидна тенденция к сокращению длины слогана. Несмотря на то, что во франко- и англоязычной рекламе присутствуют слоганы, состоящие из шести и более слов, необходимо заметить, что в силу аналитичности английского и французского языков 20-30% предложения составляют неполнозначные служебные слова, предлоги, артикли, не имеющие в языке номинативной функции, выражающие различные семантико-синтаксические отношения между компонентами предложений. Более распространенная структура русских слоганов объясняется, вероятно, качеством рекламы, более стремительным ее развитием в западной культуре, активным поиском новых тактик и стратегий для оптимизации речевого воздействия на потребительскую аудиторию. Определение достаточного, коммуникативно-оправданного объема слогана вполне согласуется с постулатами (максимами) коммуникативного кодекса Г. Грайса. Описывая принцип кооперации, он подчеркивал, что коммуникативный вклад на определенном шаге общения должен соответствовать его направлению и цели. Определяя категории количества и способа подачи информации, он формулирует постулат о том, что во избежание многословности высказывание должно содержать не больше и не меньше информации, чем требуется для выполнения текущей цели общения [Грайс, 1985: 222-223].

Таким образом, краткость слогана можно объяснить его коммуникативной функцией: резюмировать рекламное предложение, передать продающую идею (по Р. Ривзу) в сжатой, экспрессивной, запоминающейся форме. К тому же, рекламные слоганы функционируют в тесной связи с собственно текстом рекламы, видеорядом, музыкальным сопровождением и т. д. [Пчелинцева, 2003]. Сочетание вербальных и невербальных способов передачи информации образует креолизированный (смешанного типа) текст [Сорокин, Тарасов, 1990: 180], содействуя экономии языковых средств, сжатости и лаконичности слогана, а также его способности функционировать самостоятельно в качестве словесного знака лозунговой коммуникации [Чанышева, 2013: 826].

Длинные слоганы чаще всего относятся к институциональным, стратегическим лозунгам и девизам, передающим философию, ценности, политику компании. В силу этого они более содержательные, информативные и многосоставные. Например, англ. *We say what we do, we do what we say!* (Tefal) ‘Мы говорим то, что делаем, мы делаем то, что мы говорим!’; рус. *Обои VICTORIA STENOVA – для тех, кто уважает себя и любит свой дом!*; фр. *PIERRE FREY Une Maison française à l'éclectisme assumé* (Pierre Frey) ‘Пьер Фрей Французский Дом, несущий эклектичность’.

3. Коммуникативные типы простых предложений в слоганах БТ. Чаще всего слоганы рекламы БТ выражаются повествовательными и побудительными предложениями, например: англ. *Have nothing in your house that you do not know to be useful or believe to be beautiful* (Kitchen Craft) ‘Пусть в вашем доме не будет ничего ненужного и некрасивого’; рус. *Правильные ножи для точных разрезов* (Tramontina); фр. *2 fois plus de ressorts, 2 fois plus de confort!* (Ereda) ‘В два раза больше рессор, в два раза больше комфорта!’. Вопросительные предложения встречаются крайне редко: 2 слогана на английском языке, 2 – на французском, 1 – на русском, например: англ. *Are you ready to taste the excellence?* (Tefal) ‘Вы готовы попробовать совершенство?’; рус. *Весенний Манетти и ты. Кто третий?...* (Domenico Manetti); фр. *Comment s'en passer?* (Tefal) ‘Как без него обойтись?’ Вопросительные предложения создают определенное эмоциональное напряжение, стимулируя адресата рефлекторно ответить на поставленный вопрос и сделать выбор, такие слоганы приносят диалогичность, интерактивность в рекламную коммуникацию. При этом их малочисленность можно объяснить, вероятно, большей перлокутивной эффективностью (по Дж. Остину) повествовательных и побудительных предложений с коммуникативным заданием информирования и призыва к действию соответственно.

Среди слоганов рекламы БТ можно отметить употребление восклицательных предложений: 31 единиц, или 5% от всех слоганов на английском языке, 118 единиц, или 33% – на русском, 17 единиц, или 4% – на французском. Они употребляются для усиления экспрессивно-эмоционального эффекта, при этом они не характерны для французского и английского языков, возможно, в силу своей повышенной навязчивости [Лещенко, 2014: 11].

4. Синтаксический строй предложений слоганов рекламы БТ. С точки зрения синтаксического строя слоганов рекламы БТ, следует прежде всего выделить простые и сложные предложения (см. табл. 2). Как видно из таблицы 2, сложные предложения в составе рекламных слоганов встречаются достаточно редко.

Таблица 2. *Типы структурной организации слоганов рекламы БТ*

Типы предложений	Количество предложений определенного типа		
	Английский язык	Русский язык	Французский язык
1. Простые предложения без глагола	406 (74%)	244 (68%)	277 (75%)
2. Простые предложения с глаголом	131 (24%)	89 (26%)	82 (23%)
3. Сложные предложения	9 (2%)	23 (6%)	9 (2%)
Всего	546 (100%)	356 (100%)	368 (100%)

Во всех трех языках преобладают слоганы без глаголов. Возможно, это объясняется особенностью данного типа товаров (посуда, кухонные принадлежности, обои, шторы, постельное белье, аксессуары для ванной и др.), где важнее их качество, эстетические свойства, а не функциональность. Например, англ. *A boost of colour to your kitchen* (Amefa) 'Больше цвета вашей кухне'; *Quality in all its forms* (Gobel) 'Качество во всех его формах'; рус. *Матрасы комфортного сна* (Toris); *Модный домашний текстиль с русским характером* (ООО «ЛТД Текстиль»); фр. *Une entrée réinventée* (Archéa) 'Обновленная прихожая'; *Toute la douceur du monde* (Dodo) 'Вся нежность мира'.

4.1. Среди простых предложений с глаголом в русском языке можно выделить ряд типов.

4.1.1. Двусоставные предложения с глаголом в настоящем времени (9 единиц): *Мы живем обоями* (Erismann); *От твоей улыбки мир становится светлее* (Smile); *Природа заботится о тебе* (Natura Vita). Настоящее время в данных примерах не просто обозначает действия, связанные с моментом речи, а имеет актуализирующее воздействие на реципиента, подчеркивая обобщенность, незавершенность, значимость, важность сообщения для адресата в любой точке временного отрезка [Князев, 2007: 399].

4.1.2. Односоставные предложения (18 единиц) со сказуемым в настоящем (9 единиц) и будущем времени (9 единиц): *Наполняем жизнь красотой!* (Asabella); *Создает уют!* (Tefal); *Раскрасим Ваши сны!* (Novita); *Разбудит только тебя* (Даджет). Будущее время в совокупности с другими средствами (в последнем примере наречие «только») манифестирует тактику обещания выгод, преимуществ от пользования товаром.

4.1.3. Односоставные предложения со сказуемым в повелительном наклонении (64 единицы): *Наслаждайтесь кулинарным разнообразием!* (Fissler); *Помоги себе и соседям снизу!* (Даджет); *Наполните свой дом теплом и уютом!* (Павлина). Через глаголы в императиве выражена прагматическая установка на использование продукции, имплицирована команда, побуждение к приобретению товара. Необходимо отметить, что глагол «купить» встречается в слоганах всего трижды: *Удовольствие можно купить!* (Василиса); *Пора купить и не мучиться!* (Ивановский текстиль); *Покупай настоящее!* (Хлопковый рай), поскольку рекламная коммуникация в современных условиях характеризуется в большей мере эмпатией (сопереживание, способность входить в чужое эмоциональное состояние) и суггестивностью, чем императивностью и прямым воздействием [Кочетова, 2013: 9]. Следует отметить, что в английском и французском языках глаголы *to buy* и *acheter* соответственно не встречались.

Из 55 глаголов в повелительном наклонении 38 имеют форму единственного числа, а 17 – множественного. В данном случае очевидна особая прагматика грамматических форм, разные стратегии контактоустановления. Преобладание первых объясняется

желанием адресанта приблизиться к адресату, установить доверительные, близкие, дружеские отношения. Во втором случае акцентируется вежливое, партнерское обращение к клиенту или имеется в виду собирательный образ потребителей.

4.1.4. Предложения с глаголом в инфинитиве (8 единиц): *Искусство создавать уют!* (Primavelle); *Удобно использовать! Удобно хранить!* (Даджет); *Чтобы получать удовольствие* (Лежебока). Инфинитив обладает высокой степенью абстрактности представления действия, не имея морфологического выражения лица, он называет действие вообще, не приписывая его определенному субъекту, что придает высказыванию сдержанный, ненавязчивый характер.

4.2. Среди простых предложений, содержащих глагол, в английском языке можно выделить три типа.

4.2.1. Двусоставные предложения (61 единица), из них 58 – в простом настоящем времени (the present simple), 1 – в простом длительном времени (the present continuous), 2 – в простом будущем (the future simple): *You are in safe hands* (Vado) ‘Вы в надежных руках’; *Life meets style* (Brix) ‘Жизнь встречается со стилем’; *You will like it!* (Brix) ‘Вам это понравится!'; *Where will your taste adventure take you?* (KitchenCraft Savora) ‘Где вас застигнет вкусное приключение?’; *Now we're talking* (Amefa Premiere) ‘Вот это да! (Восторг!)’. В последнем примере употребление длительного настоящего временем обусловлено тем, что это устойчивое идиоматическое выражение, обозначающее восторженное одобрение и согласие с чем-то.

4.2.2. Предложения с глаголом в императиве (66 единиц): *Let's party!* (Amefa Festivity) ‘Давайте праздновать!'; *Be part of the family* (Arthur Price) ‘Будь частью семьи’; *Rethink. Repurpose. Refine.* (ZestGlass) ‘Переосмысли. Поставь новые цели. Усовершенствуй.’

4.2.3. Предложения с глаголом в инфинитиве (3 единицы): *Cookware to match all cooking styles* (BeKa) ‘Посуда, соответствующая всем кулинарным стилям’; *An invitation to relax* (Durablex Amalfi) ‘Приглашение к отдыху’; *Beautifully contoured to fit seamlessly into your hand* (Richardson Sheffield Form) ‘Красиво выточенный, повторяющий контур вашей руки’. В данных примерах инфинитивы выступают в качестве определения (примеры 1 и 2) и обстоятельства (пример 3).

4.3. Среди простых предложений, содержащих глагол, во французском языке можно выделить три типа.

4.3.1. Двусоставные предложения (30 единиц) с глаголом в настоящем времени (26 единиц), прошедшем (2 единицы), будущем (1 единица), в условном наклонении (1 единица): *Pour vous, Alinéa s'engage* (Alinéa) ‘Ради вас Alinéa берет на себя обязательства’; *Lib réinvente la famille* (Lib) ‘Lib переосмысливает семью’; *On n'a jamais*

autant inventé pour la table (Luminarc) ‘Столько никогда не изобретали для стола’; *Faire un jus n’a jamais été aussi simple* (Kuvings) ‘Делать сок никогда еще не было так легко’; *Vos gâteaux feront parler d’eux* (ScrapCooking) ‘Ваши пирожные заставят говорить о себе’; *On se croirait au zoo* (Amefa Binta) ‘Как будто в зоопарке’. Условное наклонение создает нереальную ситуацию, в данном случае особую атмосферу, настроение, эмоции, которые можно пережить, используя данный товар (эмпатия). Предложения в прошедшем времени в сочетании с отрицанием (*ne ... jamais* ‘никогда не ...’) подчеркивают исключительность товара, его преимущества на фоне других.

В первом примере (*Pour vous, Alinéa s’engage*) очевидно нарушения порядка слов, принятого во французском языке. Дополнение вынесено в препозицию и обособлено, что напоминает темо-рематическое актуальное членение фразы: в теме указывается тот, для кого действие совершается, в реме подчеркивается важность действия, выполняемого в интересах адресанта.

4.3.2. Предложения с глаголом в императиве (39 единиц): *Osez les solutions ingénieuses* (Archea) ‘Отважьтесь на изобретательные решения’; *Gardez le contrôle* (Tena men) ‘Держите под контролем’; *Deviens un artiste culinaire* (Gefu) ‘Стань кулинарным художником’. В отличие от русского языка последний пример, иллюстрирующий употребление императива в единственном числе, всего один в отобранном материале, все остальные глаголы стоят в форме множественного числа повелительного наклонения, которая может восприниматься как соблюдение этических норм, демонстрация уважения к покупателю или обозначать множество покупателей из целевой аудитории.

4.3.3. Предложения с глаголом в инфинитиве (23 единицы): в роли подлежащего (3 единицы) (*Cuisiner c’est ma nature* (La Bonne Graine) ‘Готовить – это моя природа’), в роли части составного сказуемого (4 единицы) (*Une bonne conception ne doit pas nécessairement être onéreuse* (Bodum) ‘Хороший дизайн не обязательно должен быть дорогим’), в роли определения (7 единиц) (*Plaisir de servir* (Couzon Loft) ‘Удовольствие сервировать’), со значением побуждения (2 единицы) (*Renâître chaque matin* (Ereda) ‘Заново рождаться каждое утро’), обстоятельства цели в конструкциях *pour + inf.* (для того, чтобы + инф.) (7 единиц) (*Pour savourer pleinement vos matiner* (Tefal) ‘Чтобы всецело насладиться утренними часами’).

Односоставные предложения без подлежащего не свойственны английскому и французскому языкам. Тем не менее, в отобранном материале есть по одному примеру таких слоганов, где подлежащее анафорически подразумевается в связи с логотипом и названием фирмы: *Reflects you* (Pasabahce) ‘Отражает вас’; *Dresse des tables autour du monde depuis 1931* (Amefa) ‘Накрывает столы во всем мире с 1931’.

5. Безглагольные предложения в слоганах рекламы БТ. Большая часть слоганов во всех трех языках не содержат глагола (см. табл. 2). Опорным словом таких слоганов являются существительные. Имена существительные функционируют самостоятельно, или определяются прилагательным, причастием, другими частями речи. Среди таких конструкций можно выделить номинативные (назывные) предложения. Первичная функция назывных предложений – наименование предметов, выражение существования, бытийности, состояния. Например, фр. *Des compléments indispensables* (Nogent Articles complémentaires) ‘Необходимые дополнения’ (имеются в виду принадлежности для кухни в дополнение к основным); рус. *Всегда сухие вещи* (Даджет); англ. *World’s easiest jar opener* (Jarkey) ‘Самая простая в мире открывалка для банок’. При этом номинативное предложение также позволяет описать действие, процесс, событие в наиболее отвлеченной форме, например: фр. *Création, fabrication et savoir-faire français*. (T&B Maison) ‘Разработка, создание, французский опыт’. В состав таких слоганов входят имена существительные как с абстрактным, так и с конкретным значением.

5.1. В русском языке можно выделить четыре базовые модели номинативных предложений (см. табл. 3), которые насчитывают 58 единиц, или 16% от общего числа слоганов. Ядром таких предложений выступает имя существительное в именительном падеже. Приведенные модели в свою очередь могут иметь более распространенную структуру, содержать однородные члены (см. примеры в табл. 3).

Таблица 3. Структурные модели номинативных предложений, выражающих слоганы рекламы БТ, в русском языке

Модель номинативного предложения	Кол-во	Пример
1. N Ngen	25	<i>Рождение совершенного вкуса</i> (Lessner); <i>Гарантия уюта, комфорта и качества</i> (Kalgan textil); <i>Высочайшее качество светодиодной продукции</i> (Базис).
2. Adj N	19	<i>Французский классицизм</i> (Braquenié); <i>Всегда отличный результат</i> (Рефлакс); <i>Элегантный дизайн, современные технологии</i> (Vitesse Valerie)
3. N ₁ N ₂ N ₃	10	<i>Сказы... Волшебство... Реальность...</i> (Фарфор Сысерти); <i>Функциональность, надежность, стиль.</i> (Biostal); <i>Высокое качество. Универсальность. Безупречность.</i> (Fissler Originalpro)
4. N, Part	4	<i>Качество, говорящее по-французски</i> (Luminarc); <i>Качество, проверенное временем</i> (Шуйские ситцы).
Всего	58	

N – существительное в именительном падеже; **Ngen** – существительное в родительном падеже; **Adj** – прилагательное; **Part** – причастие.

Как видно из таблицы, третья номинативная модель может быть представлена предложением с однородными подлежащими, а может быть парцелирована. Парцелляция – конструкция экспрессивного синтаксиса, представляющая собой намеренное расчленение связанного интонационно и на письме текста на несколько пунктуационно самостоятельных отрезков. Синтаксический разрыв может быть представлен точкой, многоточием (эффект недосказанности, паузы). Данный прием употребляется для выделения отдельных элементов высказывания: деталей / важного, увеличению эффекта неожиданности, контраста и др.

5.2. В английском языке также можно выделить несколько моделей номинативных предложений, составляющих 155 единиц, или 28% от общего числа англоязычных слоганов (см. табл. 4). Как видно из таблицы 4, таких моделей в английском языке больше по сравнению с русским языком в силу разнообразия атрибутивных конструкций.

Таблица 4. Базовые модели номинативных предложений, выражающих слоганы, в английском языке

Номинативная модель	Кол-во	Пример
1. Adj N	84	<i>Imaginative tabletop</i> (Luminarc) ‘Оригинальный стол’; <i>Vibrant colours</i> (Amefa Eclat) ‘Яркие цвета’; <i>Right choice!</i> (Silen) ‘Правильный выбор!’; <i>Solid company</i> (Brabantia) ‘Солидная компания’
2. N _n ←...←N ₁	29	<i>World cuisine</i> (Paderno) ‘Мировая кухня’; <i>Food Safety Innovation</i> (Araven) ‘Инновации ради пищевой безопасности’; <i>World class knives</i> (Chroma) ‘Ножи мирового класса’; <i>Bright cooking solutions</i> (Yokodesign) ‘Яркие кулинарные решения’
3. N ₁ of N ₂	22	<i>A kaleidoscope of colour</i> (Colour works) ‘Калейдоскоп цвета’; <i>The Art of Utility</i> (Mastrad) ‘Искусство полезности’; <i>The essence of beauty</i> (Couzon Steel) ‘Суть красоты’
4. N ₁ and N ₂	8	<i>Nature and adventure</i> (Lestra) ‘Природа и приключение’; <i>Style and luxury</i> (Amefa Royal Steak) ‘Стиль и роскошь’; <i>Freshness and conservation</i> (Durelex Conservation Storage) ‘Свежесть и сохранность’.
5. N ₁ , N ₂ , N ₃ N ₁ . N ₂ . N ₃	7	<i>Traditions. Quality. Success.</i> (Хорс) ‘Традиции. Качество. Успех’; <i>Design, Quality and Sustainability</i> (Arina) ‘Дизайн, Качество и Устойчивость’; <i>Fun, practicality, inventiveness</i> (Kitchen C. C) ‘Удовольствие, практичность, изобретательность’.
6. N ₁ 's N ₂	5	<i>The chef's tools</i> (Louis Tellier) ‘Инструменты шеф-поваров’; <i>The chef's favourite</i> (Nogent) ‘Фаворит шеф-поваров’
Всего	155	

N – существительное в общем падеже (common case); Adj – прилагательное; N_n←...←N₁ – атрибутивная группа, состоящая из одного / нескольких существительных, образованная соположением элементов (в нее могут входить и прилагательные); N’s – существительное в притяжательном падеже.

5.3. Во французском языке слоганы, выраженные номинативными предложениями (всего 118 единиц или 32% от общего числа франкоязычных слоганов), представлены базовыми моделями, отображенными в таблице 5. Следует заметить, что из всех трех языков назывные предложения во французском языке самые многочисленны.

Как показывает анализ материала, в английском и русском языке определения чаще всего стоят в препозиции к определяемому слову, а во французском – в постпозиции. Во втором случае акцентируется качество, свойство, важнее характеристика предмета, а в первом – наоборот, его наименование, если исходить из темо-рематического членения информации: начальная информация – тема, а следующая за ней – рема (новое, важное).

Таблица 5. Базовые модели номинативных предложений, выражающих слоганы, во французском языке

Номинативная модель	Кол-во	Пример
1. N ₁ de N ₂	47	<i>L'élégance de la simplicité</i> (Amefa Flora) 'Элегантность простоты'; <i>Les souvenirs de vos régions</i> (Ça et là... Régions) 'Воспоминания о ваших регионах'; <i>Jeu de modernité et de tradition</i> (Amefa Jet) 'Игра современности и традиции'
2. N Adj	45	<i>La tranquillité durable</i> (Domena) 'Длительное спокойствие'; <i>Les saveurs saines</i> (Warmcook) 'Здоровый вкус'; <i>Le temps suspendu</i> (Duralex Boissons chaudes) 'Замершее время'
3. Adj N	11	<i>Un pur talent</i> (Duralex Lis) 'Чистый талант'; <i>Sublime élégance</i> (Couzon Silhouette) 'Возвышенная элегантность'; <i>Le plus simple appareil</i> (Duralex Uni) 'В чем мать родила'
4. N ₁ et N ₂	11	<i>Le confort et la tradition</i> (Nogent Classic Bois) 'Комфорт и традиция'; <i>La force et l'élégance</i> (Amefa Allure) 'Сила и элегантность'; <i>L'art et la manière</i> (Artorex) 'Искусство и манера'
5. N ₁ , N ₂ , (et) N ₃	4	<i>Qualité, Innovation et Flexibilité</i> (Groupy VDS) 'Качество, инновации и гибкость'; <i>Fiabilité, précision et performance</i> (Richardson Sheffield V Sabatier) 'Надежность, точность и результат'
Всего	118	

N – существительное; Adj – прилагательное.

Среди слоганов, выраженных предложениями без глагола, можно выделить двусоставные неполные предложения, в которых формально не присутствует сказуемое, но оно понятно и восстанавливаемо из контекста, благодаря языковому опыту говорящих или внеязыковым факторам: *Le Made in France, un atout à l'export* (Duralex) 'Сделано во Франции – козырь для экспорта'; *La perfection à chaque instant* (Fissler) 'Совершенство каждое мгновение'; *Hygiene within reach* (Cleancut) 'Гигиена на доступном расстоянии'; *Healthy made easy* (KitchenCraft) 'Здоровое сделано легко'; *Winx Fairy Couture* (Нео Тек) 'выбор стильных девчонок'; *Преимущества на поверхности* (Scovo).

6. Слоганы, состоящие из прилагательного. Особый интерес представляют слоганы, состоящие из прилагательных (наречий), которые также могут быть уточнены наречием. В данных слоганах прилагательное играет конститутивную роль, оно организует высказывание. Более того, прилагательное помогает переключить фокус восприятия рекламного сообщения, привлечь внимание адресата к подробностям описания предмета. Самостоятельное употребление прилагательных обусловлено коммуникативной необходимостью создать красочный ментальный образ рекламируемого товара. Подобные слоганы выполняют ярко выраженную дифференцирующую функцию, выделяя товар на фоне ему подобных на основании его качеств, свойств, характеристик.

7.1. В английском языке слоганы с именем прилагательным (наречием) наиболее многочисленны (54 единицы, или 10% от общего числа слоганов на английском). Их базовые модели представлены в таблице 6.

Таблица 6. Базовые модели слоганов, состоящих из прилагательных (наречий), в английском языке

Модель слогана	Кол-во	Пример
1. Adj ₁ , Adj ₂ , (and) Adj ₃	24	<i>Luxurious, Historic, Respected</i> (Zoffany Grosvenor) ‘Роскошный, Исторический, Уважаемый’; <i>Easy, Fast and Impressive</i> (Molecule-r) ‘Легкий, Быстрый и Впечатляющий’
2. Adj ₁ and Adj ₂	16	<i>Original and Innovative</i> (Couzon) ‘Оригинальный и инновационный’; <i>Healthy & Delicious</i> (Staub) ‘Здоровый и вкусный’; <i>Smooth & smart</i> (Amefa Cuba) ‘Гладкий и элегантный’
3. Adv Adj	14	<i>Supremely soft</i> (Selpak) ‘В высшей степени мягкий’; <i>True evergreen</i> (Amefa Pizza) ‘Подлинно актуальный во все времена’; <i>Timelessly modern</i> (Couzon Glamis) ‘Вечно современный’
Всего	54	

Adj – прилагательное; **Adv** – наречие.

6.2. Во французском языке также представлены слоганы, состоящие из прилагательных (наречий), модели которых показаны в таблице 7 (32 единицы или 9% от общего числа слоганов). В русском языке таких слоганов меньшинство, всего 8 единиц, или 2% от общего числа слоганов: *Традиционный. Представительный. Средиземноморский.* (Fissler Fiamma); *Постоянный. Классический. Пуристический* (Fisler с + s royal); *Экологично. Безопасно. Выгодно* (Lamp); *Просто. Универсально. Гениально.* (Tefal Ingenio).

Таблица 7. Базовые модели слоганов, состоящих из прилагательных (наречий), во французском языке

Модель слогана	Кол-во	Пример
1. Adj ₁ (,) Adj ₂ (,) Adj ₃	12	<i>Visionnaire Unique Sophistiquée</i> (Fissler Solea) ‘Мечтательный. Уникальный. Изысканный’; <i>Simple Fonctionnel Durable Recyclable à 100%</i> (Mauviel) ‘Простой. Функциональный. Прочный. Перерабатываемый на 100%’; <i>Blus beau. Plus chaud. Moins cher</i> (Invicta) ‘Красивее. Теплее. Дешевле’
2. Adj ₁ and Adj ₂	18	<i>Subtil et élégant</i> (Amefa Aurora) ‘Утонченный и элегантный’; <i>Élégant et structuré</i> (Archéa) ‘Элегантный и структурированный’; <i>Joli et fonctionnel</i> (Couzon Duo) ‘Красивый и функциональный’.
3. Adv Adj	2	<i>Simplement beau</i> (Couzon A fleur de peau) ‘Просто красивый’; <i>Forcément unique</i> (Couzon S Kiss) ‘Неизбежно уникальный’
Всего	32	

7. Выводы

Структурно-прагматический анализ слоганов рекламы БТ в английском, русском и французском языках позволяет сделать следующие выводы:

7.1. Слоганы рекламы БТ чаще всего выражаются повествовательными и побудительными предложениями с коммуникативно-прагматической задачей информирования и призыва к действию соответственно благодаря их большей коммуникативной эффективности. Во всех трех языках преобладают невосклицательные предложения, поскольку восклицательные обладают большей навязчивостью. Восклицательные предложения представлены в большем числе в русском языке, возможно, в силу большей экспрессивности и эмоциональности русской разговорной речи.

7.2. Типичный слоган рекламы бытовых товаров состоит из 2-6 слов (см. табл. 1), из одного простого предложения. Краткость слогана объясняется его коммуникативной функцией. Во всех языках на первом и втором месте находятся слоганы, состоящие из трех и четырех слов соответственно. Третье и четвертое место во французском и русском занимают предложения из пяти и шести слов, а в английском – из двух и пяти соответственно. Слоганы из двух слов во французском стоят на пятой позиции, а в русском – на шестой. Таким образом, в английском и французском языке очевидна тенденция к сокращению длины слогана. В силу аналитичности английского и французского языков, 20-30% предложения составляют неполнозначные служебные слова, не имеющие в языке номинативной функции. Более распространенная структура русских слоганов объясняется, вероятно, качеством рекламы, более стремительным ее

развитием в западной культуре, поиском средств для оптимизации речевого воздействия на потребительскую аудиторию.

7.3. Длинные слоганы чаще всего представляют собой институциональные, стратегические лозунги и девизы, передающие философию, ценности, политику компании. При этом, наблюдается тенденция к упрощению письменной речи по примеру разговорной, преобладание односоставных и неполных двусоставных, эллиптических предложений во всех трех языках. Наблюдается тенденция к появлению односоставных глагольных предложений в английском и французском языках, нарушение порядка слов, тема-рематического членения фразы.

7.4. Преобладание безглагольных конструкций среди слоганов (табл. 2) объясняется, вероятно, спецификой данного типа товаров, когда важнее подчеркнуть их качество, эстетические свойства, а не функциональность. Проанализированы слоганы, состоящие из существительных с определением и без него в трех языках. Номинативные предложения именуют предметы, выражают их существование, бытийность, состояния, а также позволяют описать действие, процесс, событие в наиболее отвлеченной форме. Отмечена особая прагматическая нагрузка слоганов, состоящих из прилагательных (наречий). Их употребление обусловлено коммуникативной необходимостью передать свойства рекламируемого товара, создать красочный ментальный образ. Подобные слоганы выполняют ярко выраженную дифференцирующую функцию.

7.5. Среди слоганов, имеющих глагол в своем составе, наиболее распространены предложения с глаголом в императиве, который выполняет функцию побуждения к приобретению и использованию товара. Большая часть глаголов в повелительном наклонении во французском языке в отличие от русского имеет форму множественного числа (в английском языке эта грамматическая категория формально не выражена). Имеются в виду разные тактики контактоустановления: вежливое партнерское обращение к клиенту (преимущественно во французском языке) или желание установить доверительные, дружественные отношения (слоганы на русском языке). Важную прагматическую роль играют временные формы глагола. Настоящее время употребляется чаще всего во всех трех языках. Оно не просто обозначает действия, связанные с моментом речи, а имеет актуализирующее воздействие на реципиента, подчеркивая обобщенность, незавершенность, значимость сообщения для адресата в любой точке временного отрезка. Будущее время в совокупности с другими средствами манифестирует тактику обещания выгод, преимуществ от пользования товаром. Предложения в прошедшем времени подчеркивают исключительность товара, его преимущества на фоне других. Условное наклонение создает нереальную ситуацию, особую атмосферу, эмоции, которые можно пережить, используя данный товар (эмпатия). Глагол в инфинитиве

обладает высокой степенью абстрактности представления действия, не имея морфологического выражения лица, он называет действие вообще, не приписывая его определенному субъекту, что придает слогану сдержанный, ненавязчивый характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов В. В. Предложение и текст в содержательном аспекте. СПб.: Изд. Филол. фак. СПбГУ, 2007. 279 с.
2. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика / под. ред. Е. В. Падучевой. М., 1985. Вып. XVI. С. 217-237.
4. Дмитриев О. А. Структурно-семантическая характеристика слогана как особой разновидности рекламного текста: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел, 2000. 149 с.
5. Дудина Е. П. Семантика и функции лексико-грамматических единиц в рекламе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Северодвинск, 2006. 18 с.
6. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
7. Колокольцева Т. П. Слоган как ключевой компонент рекламного текста // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография / под ред. Т. Н. Колокольцевой. М.: Флинта, 2016. С. 147-171.
8. Корнева Ю. Б. Коммуникативно-прагматические и структурно-семантические особенности языка современной французской рекламы: дисс ... канд. филол. наук: 10.02.05. К., 1998. 165 с.
9. Кочетова Л. А. Английский рекламный дискурс в динамическом аспекте: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Волгоград, 2013. 39 с.
10. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2004. 44 с.
11. Лещенко О. В. Структурно-семантичні та комунікативно-прагматичні особливості німецьких і українських рекламних слоганів: автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.17. Донецьк, 2014. 24 с.
12. Ондомбо П. Синтаксическая структура слогана: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2004. 20 с.
13. Пчелинцева М. М. Взаимодополняемость вербально-визуальных элементов информации в семиотическом пространстве рекламного дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2003. 28 с.
14. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / под ред. Р. Г. Котова. М.: Высшая школа, 1990. С. 180-186.
15. Чанышева З. З. Динамика рекламного слогана как знака лозунговой коммуникации (на материале англоязычной коммерческой интернет-рекламы) // Вестник Башкирского университета. Уфа, 2013. Т. 18. № 3. С. 825-828.
16. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford University Press, 1962. 174 p.
17. Morris Ch. W. *Foundations of the Theory of Signs* // *International Encyclopedia of Unified Science*. University of Chicago Press, 1938. Vol. 2. N 2. P. 77-137.
18. Searle J. R. *A Classification of Illocutionary Acts* // *Language in Society*. Cambridge University Press, 1976. Vol. 5. N. 1. P. 1-23.

REFERENCES

1. Bogdanov, V. V. (2007). *Predlozhenie i tekst v sodержatel'nom aspekte* [Sentence and text in the aspect of their content]. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
2. Gak, V. G. (2000). *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of French]. Moskva: Dobrosvet. (In Russ.).
3. Grice, H. P. (1985). *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and conversation]. In

E. V. Paducheva (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika*. Moskva. № XVI. Pp. 217-237. (In Russ.).

4. Dmitriev, O. A. (2000). *Strukturno-semanticheskaya kharakteristika slogana kak osoboy raznovidnosti reklamnogo teksta* [Structural and semantic characteristics of slogan as a specific kind of advertising copy]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Orel. (In Russ.).

5. Dudina, E. P. (2006). *Semantika i funktsii leksiko-grammaticheskikh edinit v reklame* [Semantics and functions of lexical and grammatical units in advertisement]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Severodvinsk. (In Russ.).

6. Knyazev, Yu. P. (2007). *Grammaticheskaya semantika: Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive* [Grammatical semantics: Russian in typological view]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).

7. Kolokoltseva, T. P. (2016). Slogan kak klyuchevoy komponent reklamnogo teksta [Slogan as a key component of an advertising text]. In T. N. Kolokoltseva (ed.) *Reklamnyi diskurs i reklamnyi tekst: kollektivnaya monografiya*. Moskva: Flinta. (In Russ.).

8. Korneva, Yu. B. (1998). *Kommunikativno-pragmaticheskie i strukturno-semanticheskie osobennosti yazyka sovremennoy frantsuzskoy reklamy* [Communicative and pragmatic, structural and semantic peculiarities of language in modern French advertisement]. Kiev. (In Russ.).

9. Kochetova, L. A. (2013). *Angliyskiy reklamnyy diskurs v dinamicheskom aspekte* [English advertising discourse in dynamic aspect]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Volgograd. (In Russ.).

10. Kryukova, I. V. (2004). *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do pretsedentnosti* [Advertising name: from invention to precedence]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Volgograd. (In Russ.).

11. Leshchenko, O. V. (2014). *Strukturno-semantichni ta komunikativno-pragmatichni osoblyvosti nimetskykh i ukraynskykh reklamnykh sloganiv* [Structural and semantic, communicative and pragmatic peculiarities of German and Ukrainian advertising slogans]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.17. Donetsk. (In Ukr.).

12. Ondombo, P. (2004). *Sintaksicheskaya struktura slogana* [Syntactic structure of slogan]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh. (In Russ.).

13. Pchelintseva, M. M. (2003). *Vzaimodopolnyaemost verbalno-vizualnykh elementov informatsii v semioticheskom prostranstve reklamnogo diskursa* [Complementarity of verbal and visual elements of information in semantic space of advertising discourse]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Saratov. (In Russ.).

14. Sorokin, Yu. A. (1990). Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Texts of mixed type (creolized) and their communicative function]. In R. G. Kotov (ed.) *Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya*. Moskva: Vysshaya shkola. Pp. 180-186. (In Russ.).

15. Chanysheva, Z. Z. (2013). Dinamika reklamnogo slogana kak znaka lozungovoy kommunikatsii (na materiale angloyazychnoy kommercheskoy internet-reklamy) [Dynamics of advertising slogan as a sign of communication through mottos (based on English Internet advertisement)]. In *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Ufa. Vol. 18. № 3. Pp. 825-828. (In Russ.).

16. Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford University Press.

17. Morris, Ch. W. (1938). Foundations of the Theory of Signs. In *International Encyclopedia of Unified Science*. University of Chicago Press. Vol. 2. № 2. Pp. 77-137.

18. Searle, J. R. (1976). A Classification of Illocutionary Acts. In *Language in Society*. Cambridge University Press. Vol. 5. № 1. Pp. 1-23.

Корнилова Татьяна Владимировна –
аспирант кафедры германской филологии
(e-mail: tatyana-unttd@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kornilova Tatiana V. – Postgraduate Student
of Germanic Philology Department
(e-mail: tatyana-unttd@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 09 октября 2017 г.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПОЛНОЙ И ЧАСТИЧНОЙ ОДНОРЕФЕРЕНТНОСТЬЮ АКТАНТОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена изучению рефлексивных глаголов (РГ) с полной или частичной однореферентностью актантов в сопоставительном аспекте. РГ рассматриваются как производные единицы к их производящим основам – нерефлексивным глаголам (НГ). РГ описываются с позиции теории диатез и анализируются на референтном, семантическом и синтаксическом уровнях, а также с учётом их морфологической деривации.

Ключевые слова: рефлексивный глагол, нерефлексивный глагол, диатеза, референтный уровень, семантический уровень, синтаксический уровень, морфологическая деривация.

© 2017 V. V. Pisareva

REFLEXIVE VERBS WITH FULL AND PARTIAL MONOREFERENTIALITY OF ACTANTS IN THE COMPARATIVE ASPECT

The article deals with the comparative study of reflexive verbs with full and partial monoreferentiality of actants. The reflexive verbs have been considered as derived units in reference to their derivational stems, i.e. non-reflexive verbs. The reflexive verbs have been described in terms of the diathesis theory and analysed on the referential, semantic and syntactic levels. The morphological derivation of the language units under study has been researched.

Key words: reflexive verb, non-reflexive verb, diathesis, referential level, semantic level, syntactic level, morphological derivation.

1. Вводные замечания. Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка, так как характеризуется тесной связью с различными уровнями языка – морфологическим, словообразовательным, лексико-семантическим и синтаксическим, что представляет значительные трудности при ее изучении [Генюшене, 1981].

2. Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является комплексное и системное описание рефлексивных глаголов (РГ) с полной или частичной однореферентностью актантов с позиций теории диатез.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) рассмотреть РГ с точки зрения их морфологической деривации;
- 2) определить особенности диатезных преобразований нерефлексивных глаголов (НГ) и РГ на референтном, синтаксическом и семантическом уровнях и установить типы данных диатезных преобразований.

3. Материал исследования. Материалом настоящего исследования послужила выборка РГ и их НГ из толковых и переводных словарей [Бабенко, 1999; Білодід, 2017; Ефремова, 2000; Чернышев, 2017; CD, 2017; Duden, 2017; DWDS, 2017; Helbig, Schenkel, 1980; MWD, 2017; OED, 2017], насчитывающая на данном этапе работы свыше 400 единиц (англ. – 96 ед., нем. – 134 ед., рус. – 103 ед., укр. – 72 ед.). Единицей анализа в работе является РГ в одном значении.

4. Диатеза и РГ. В основу описания РГ с полной и частичной однореферентностью актантов положено понятие диатезы, которое понимается как схема отношения между единицами референтного, синтаксического и семантического уровней [Генюшене, 1983]. Согласно теории диатезы, информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова. Набор семантических валентностей глагольной лексемы определяется её словарным толкованием и остается неизменным во всех случаях употребления данного глагола.

Понятие диатезы напрямую связано с грамматической категорией залога. В классическом языкознании слово «диатеза» использовалось как её синоним. А. А. Холодович в своей работе [Холодович, 1979] разделяет понятия залога и диатезы и представляет вторую как «схему соответствия между единицами синтаксического и семантического уровня». При этом категорию залога он определяет как «регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического и единицами семантического уровня. Короче, залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза».

В. С. Храковский рассматривает диатезу как соответствие определенных ролей (партиципантов) лексемы и актантов предикативной словоформы, представляющей лексему [Храковский, 1981].

Э. Ш. Генюшене, вслед за А. А. Холодовичем, выделяет у глагола семантическую и синтаксическую структуры, дополняя их также референтным уровнем, и строит, таким образом, трехуровневые диатезы. При этом диатеза понимается ученым как «схема соответствий между единицами трёх уровней представления структуры глагола (и конструкции)» [Генюшене, 1981:89].

В данной работе принимается точка зрения Э. Ш. Генюшене, в соответствии с которой для каждого НГ и соотносительного РГ строятся трехуровневые диатезы с указанием соответствий между референтами, их ролями и синтаксическими переменными. Исходные НГ и их нерелективные конструкции (НК) характеризуются диатезой с прямой системой соответствий: первый (главный) референт (Pers1) имеет роль субъекта

(обычно агенса) (Ag) и является подлежащим (Sub), второй референт НК (Pers2) получает роль объекта (часто пациенса – Pt) и выражается прямым дополнением (Обвин) [Генюшене, 1981: 90]. Например: *Он* (Pers 1/ Ag / Sub) *одевает сына* (Pers2 / Pt / Обвин). Диатезы с подобными соответствиями именуется далее исходными диатезами. Нарушение данного исходного соответствия является признаком производной диатезы. Так, у производного РГ *одеваться* и его рефлексивной конструкции (РК) референт подлежащего сохраняется и выступает в двойной функции – агенса и пациенса, а второй референт исходной НК элиминируется: *Он* (Pers1 / Ag Pt / Sub) *одевается*.

5. Терминологический аппарат и методика исследования РГ. Под рефлексивными глаголами в статье понимаются глаголы, содержащие в своей структуре рефлексивный элемент (далее – РЭ), а именно: постфикс *-ся* в русском и украинском языках (рус. *мыться*, укр. *митися*), рефлексивное местоимение *oneself* в английском языке (*to wash oneself* ‘мыться’) и рефлексивное местоимение *sich* в винительном падеже в немецком языке (*sich waschen* ‘мыться’).

Под РГ с *полной однореферентностью актантов* понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых происходит элиминация (сокращение) второго референта (лицо) и совмещение у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта действия. РЭ в структуре таких РГ имеет значение *себя*, т.е. маркирует полное совпадение референтов субъекта и объекта действия, например: рус. *одевать кого-л.* (например, ребенка) → *одеваться*, т.е. одевать (самого) себя.

Под РГ с *частичной однореферентностью актантов* понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых элиминируется (сокращается) второй партитивный референт (= отчуждаемая / неотчуждаемая часть субъекта), а первый референт выступает одновременно в двух семантических функциях – субъекта действия и объекта действия. РЭ в структуре данных РГ метонимически ассоциируется либо с одной определенной частью объекта, либо с его несколькими частями, т.е. рефлексивный аффикс маркирует частичное совпадение референтов субъекта и объекта действия, ср.: рус. *прищурить* (глаза) → *прищуриться*, т.е. прищурить глаза; *красить* что-л. (например, губы) → *краситься*, т.е. красить себе лицо, волосы, губы (разг.).

В работе РГ рассматриваются как производные единицы и анализируются в оппозиции к их производящим основам (НГ). НГ и РГ исследуются в составе образуемых ими конструкций, т.е. нерефлексивной и рефлексивной конструкции (НК и РК).

6. Морфологическая деривация РГ. Морфологическая классификация исследуемых РГ производится с опорой на следующие признаки: а) производность РГ, т.е. наличие или отсутствие у него соотносительного (мотивирующего) слова; б) категориальная принадлежность производящего слова к той или иной части речи; в) состав производящего форманта [Генюшене, 1983: 99].

Подавляющее большинство исследуемых РГ в сопоставляемых языках образуются путем прибавления к исходному НГ одного лишь РЭ, ср.:

(1) рус. *чесать* (например, спину) → *чесаться*, т.е. чесать себе какую-нибудь часть тела’;

(2) англ. *to dress smb. / smth.* ‘одевать кого / что-л.’ → *to dress oneself* ‘одеваться’;

(3) нем. *jmdn. erschießen* ‘застрелить кого-л.’ → *sich erschießen* ‘застрелиться’;

(4) укр. *пудрити* ‘пудрить’ → *пудритися* ‘пудриться’.

Вместе с тем существуют РГ, произведенные от НГ при помощи лишь РЭ и не соотносимые с ними по смыслу полностью или частично (т.н. необратимые РГ), ср.:

(5) нем. *sich vorsehen* ‘беречься, остерегаться чего-л., кого-л.’ (≠ *etw. vorsehen* ‘предусматривать, намечать что-л.’); *sich vor jmdm., etw. hüten* ‘остерегаться кого-л., чего-л.’ (например, неприятеля, стрессов) (≠ *etw., jmdn hüten* ‘охранять, стеречь, оберегать кого-л., что-л.’ (например, детей, квартиру)).

Отмечены также РГ, образованные при участии сложного форманта [Басыров, 2014], а именно:

а) суффикса и РЭ, например: (6) нем. *sich akklimatisieren* ‘акклиматизироваться, приспособливаться’ (≠ *frz. acclimater*); *sich in etw. huscheln* ‘закутаться во что-л. (например, в пальто, подушку)’ (≠ *huschen* ‘быстро и бесшумно двигаться’); англ. *visualize oneself* ‘представить себе (что-л.)’ (← *visual* ‘зрительный, наглядный’);

б) префикса и РЭ: (7) нем. *sich anhoseln* фам. ‘одеваться необычно’ (≠ *die Hose* ‘брюки’).

7. Уровни описания РГ. Анализ НГ и РГ производится в настоящей работе с учетом трех уровней – референтного, семантического (ролевого) и синтаксического.

7.1. При описании *референтного* уровня учитывается тип семантических референтов, имплицитных лексическим значением НГ и РГ, т.е. участников называемой им типовой ситуации. Вслед за У. Чейфом, выделяются следующие основные семантические типы референтов [Чейф, 1975]:

1) *потенцы*, т.е. референты, имеющие собственную внутреннюю энергию и способные самостоятельно совершать действия или каузировать выполнение кем-либо /

чем-либо определенного действия. Этот класс референтов охватывает одушевленные потенты, в частности, человека (Pers) (см. (8));

2) *предметы*, неспособные выполнять действие или каузировать действие, т.е. референты без собственной внутренней энергии (NonP) (см. (10));

3) *партиитивные референты* – имена, называющие части тела потента-лица или его свойства, объединяемые признаком неотчуждаемой принадлежности (Part) (например, рус. *прищурить глаза* (Part), испачкать *руки/свою одежду* (Part), *навязать дружбу* (Part) кому-л. и др.).

7.2. Для описания *семантического* уровня у участников ситуации (партиципантов) в настоящей статье выделяются, в частности, следующие семантические роли:

1) *агенса* (Ag) – референт, совершающий (преднамеренное) действие в каузативных ситуациях (см. (10a));

2) *пациенса* (Pt) – актант, состояние которого меняется под воздействием агенса (см. (8a));

3) *инструмент* (Inst) – предмет, посредством которого совершается действие, но который сам не претерпевает изменений при его осуществлении (см. (14));

4) *средство* (Med) – неодушевленный предмет (например, вещество, жидкость), с помощью которого осуществляется действие и который расходуется при его использовании (см. (12)).

7.3. На *синтаксическом* уровне участники ситуации описываются в терминах традиционной грамматики, т.е. с помощью синтаксических членов предложения:

1) *подлежащее* (Sub), которое может быть выражено единственным или множественным числом в именительном падеже (см. (9), (10));

2) *дополнение* (Ob), прямое (Обвин) (см. (9)) или косвенное дополнение как без предлога (Обдат; Обтвор) (см. (8a), (12)), так и с предлогом (Обпредл) (см. (14), (15)).

8. Типы диатез. При переходе от НГ к РГ происходят следующие (основные) типы диатезных преобразований.

8.1. *Двухвалентный НГ* → *одновалентный РГ*. Данный тип диатез характеризуется элиминацией второго референта и изменением в ролевой структуре первого референта, совмещающего одновременно роль субъекта (агенса) и объекта (пациенса). Например:

(8) рус. а. *Татьяна* [Pers¹ / Ag / Sub] *умыла и передела чумазных, но, к счастью, совершенно целых детей* [Pers² / Pt / Обвин] [Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006] → б. *Таня* [Pers¹ / AgPt / Sub] ... *умылась, застелила постель* [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)].

В НК (8а) референт подлежащего *Татьяна* совершает действие, направленное на объект (пациенс), т.е. выступает в семантической роли агенса. В производной РК (8б) референт дополнения (*дету*) элиминируется, а его первый референт-подлежащее сохраняется и выступает в двойной функции – агенса и пациенса.

Аналогичное преобразование наблюдается в ниже приведенных НК и РК сопоставляемых языков:

(9) укр. а. *Вона* [Pers¹ / Ag / Sub] *одягла дитину* [Pers² / Pt / Обвин] ‘Она одела ребенка’ → б. *Я* [Pers¹ / AgPt / Sub] *хутко одяглась і побігла до установи* ‘Я проворно оделась и побежала в учреждение’ [Микола Хвильовий. Сентиментальна історія, 1923];

(10) англ. а. *The girl* [Pers¹ / Ag / Sub] *dresses the doll* [NonP / Pt / Обвин] ‘Девочка одевает куклу’ → б. *The girl* [Pers¹ / AgPt / Sub] *dresses herself* ‘Девочка одевается’;

(11) нем. а. *Die Mutter* [Pers¹ / Ag / Sub] *kämmt das Kind* [Pers² / Pt / Обвин] ‘Мать причесывает ребенка’ → б. *Sie* [Pers¹ / AgPt / Sub] *kämmt sich* ‘Она причесывается (т.е. причесывает свои волосы)’ [OED: 116].

РГ данного диатезного типа часто образуются в сопоставляемых языках от НГ, обозначающих, в частности, физические действия субъекта с одушевленным объектом или неодушевленным – частью своего или чужого тела, одежды:

рус. *пудрить кого / что-л.* → *пудриться, расчесывать кого / что-л.* → *расчесываться, брить кого / что-л.* → *бриться, вытирать кого / что-л.* → *вытираться, одевать кого / что-л.* → *одеваться, оголять кого / что-л.* → *оголяться, обнажать кого / что-л.* → *обнажаться; переодевать кого-л. / что-л.* → *переодеваться, раздевать кого-л. / что-л.* → *раздеваться, отряхивать кого-л. / что-л.* → *отряхиваться, брить* → *бриться, расчесывать* → *расчёсываться* и др.;

укр. *пудрити кого / що-небудь* ‘пудрить кого/что-л.’ → *пудритися* ‘пудриться’, *розчісувати кого / що-небудь* ‘расчёсывать кого/что-л.’ → *розчісуватися* ‘расчёсываться’, *голити кого / що-небудь* ‘брить кого / что-л.’ → *голитися* ‘бриться’, *вытирати кого / що-небудь* ‘вытирать кого / что-л.’ → *витиритися* ‘вытираться’, *роздягати кого / що-небудь* ‘раздевать кого / что-л.’ → *роздягатися* ‘раздеваться’, *оголювати кого / що-небудь* ‘обнажать кого / что-л.’ → *оголюватися* ‘обнажать’, и др.;

англ. *to comb smb. / smth.* ‘расчёсывать кого / что-л.’ → *to comb oneself* ‘расчёсываться’, *to powder* ‘пудрить кого / что-л.’ → *to powder one's face / oneself* ‘пудрить своё лицо / пудриться’, *to shave smb. / smth.* ‘брить кого / что-л.’ → *to shave oneself* ‘бриться’, *to dry smb. / smth.* ‘вытирать кого / что-л.’ → *to dry oneself* ‘вытираться’, *to undress smb. / smth.* ‘раздевать кого / что-л.’ → *to undress oneself* ‘раздеваться’, *to strip*

smb. / smth. ‘раздевать кого / что-л.’ → *to strip oneself* ‘раздеваться’, *to disrobe smb. / smth.* ‘раздевать кого / что-л.’ → *to disrobe oneself* ‘раздеваться’ и др.;

нем. *etw., jmdn. pudern* ‘пудрить кого/что-л.’ → *sich pudern* ‘пудриться’, *etw. jmdn. ziehen* ‘одевать кого / что-л.’ → *sich anziehen* ‘одеваться’, *jmdn., etw., jmdn. kleiden* ‘одевать кого / что-л.’ → *sich einkleiden* ‘одеваться’, *etw., jmdn. kämмен* ‘расчёсывать кого / что-л.’ → *sich kämмен* ‘расчёсываться’, *etw. jmdn. auskleiden* ‘раздевать кого / что-л.’ → *sich auskleiden* ‘раздеваться’, *etw., jmdn. abreiben* ‘вытирать кого / что-л.’ → *sich abreiben* ‘вытираться’ и др. *etw., jmdn. rasieren* ‘брить кого / что-л.’ → *sich rasieren* ‘бриться’ и др.

8.2. *Трёхвалентный НГ* → *двухвалентный РГ*. Данный тип диатезного преобразования характеризуется элиминацией второго референта, изменением в ролевой структуре первого референта и сохранением референтной, семантической и синтаксической структуры третьего участника рефлексивной ситуации. Ср.:

(12) *Мальчик [Pers¹ / Ag / Sub] облил друга [Pers² / Pt / Обвин] горячим чаем [NonP / Med / Обтвор]* → *Мальчик [Pers¹ / AgPt / Sub] облился горячим чаем [NonP / Med / Обтвор]*;

(13) а. *Він [Pers¹ / Ag / Sub] обварив його [Pers² / Pt / Обвин] до пояса кип'ятком [NonP / Med / Обтвор]* ‘Он обварил его до пояса кипятком’ → б. *Він [Pers¹ / AgPt / Sub] обварився до пояса кип'ятком [NonP / Med / Обтвор]* ‘Он обварился до пояса кипятком’;

(14) а. *She [Pers¹ / Ag / Sub] pricked enemy [Pers² / Pt / Обвин] with a needle [NonP / Inst / Обпредл]* ‘Она уколола врага иголкой’ → б. *She [Pers¹ / AgPt / Sub] pricked herself with a needle [NonP / Inst / Обпредл]* ‘Она укололась иголкой’;

(15) а. *Sie [Pers¹ / Ag / Sub] hat ihn [Pers² / Pt / Обвин] mit der Nadel [NonP / Inst / Обпредл] gepickt.* ‘Она уколола его иголкой’ → б. *Sie [Pers¹ / AgPt / Sub] hat sich mit der Nadel [NonP / Inst / Обпредл] gepickt* ‘Она укололась иголкой’.

Рассматриваемый тип диатез отмечен у РГ, обозначающих:

а) физические действия субъекта над своим телом, часто с использованием определенного инструмента или средства:

рус. (разг.) *спрыснуться чем-л.*, т.е. *спрыснуть себя чем-л.* (например духами) (← разг. *спрыснуть кого-л., что-л. чем-л.*), *побрызгаться / опрыскиваться чем-л.* (← *побрызгать / опрыскивать что-л., кого-л. чем-л.*), *облиться / обдаться чем-л.* (← *облить / обдать кого-л., что-л. чем-л.*), *обмотать что-л. чем-л.* (например, шею шарфом) / *закутать / укутать что-л. чем-л.* (например, лицо платком) → *обмотаться чем-л. / закутаться / укутаться во что-л.* (например, в шубу), *обляпаться что-л. чем-л.* (например, сапоги грязью) → *обляпаться чем-л.* (например, грязью), *измазать что-л. чем-л.* (например, пальто краской) → *измазаться в чем-л.* (например, в краске) и др.;

укр. *огорнутися чим-н.* ‘обмотаться, укутаться’, т.е. расстегнуть одежду (платье / рубашку / пальто и др.) (← *огорнути кого/що-н. чим-н.* ‘обмотать, укутать кого-л. чем-л.’), *обваритися чим-н.* ‘обвариться, облиться чем-л.’ (← *обварити кого/що-н. чим-н.* ‘обварить кого-л. чем-л.’), *обв’язатися чим-н.* ‘обвязаться’, т.е. обвязать себя чем-л. (веревкой, лентой и т.д.) (← *обв’язати кого/що-н. чим-н.* ‘обвязать кого-л. чем-л.’), *накриватися чим-н.* ‘накрываться’, т.е. накрывать себя чем-л. (одеялом, пледом и т.д.) (← *накривати кого/що-н. чим-н.* ‘накрывать кого-л. чем-л.’) и др.;

англ. *to cover oneself* ‘накрываться’, т.е. накрывать себя чем-л. (← *to cover smb. with smth.* ‘накрывать кого-л. чем-л.’), *to dry oneself* ‘вытираться’, т.е. вытирать себя чем-л. (полотенцем, платком, тряпкой и т.д.) (← *to dry smb. with smth.* ‘вытирать кого-л. чем-л.’), *to dress oneself* ‘одеваться’, т.е. надевать на себя одежду (← *to dress smb. with smth.* ‘одевать кого-л. во что-л.’) и др.;

нем. *sich mit etw. bespritzen / besprühen* ‘обрызгиваться / опрыскиваться чем-л.’ (← *etw., jmdn. mit etw. bespritzen / besprühen* ‘обрызгивать / опрыскивать что-л., кого-л. чем-л.’), *sich sich mit etw. parfümieren* ‘душиться, опрыскивать себя (духами)’ (← *etw., jmdn. mit etw. parfümieren* ‘опрыскивать, душить (духами) что-л., кого-л. чем-л.’) и др.;

б) межличностные отношения:

рус. *навязываться кому-л. с чем-л.* (например, со своими советами, дружбой) (← *навязать кому-л. что-л.* (например, свой совет, дружбу, мысль и т.п.)), *довериться / ввериться кому-л.* (← *доверить / вверить кому-л. что-л.* (например, тайну, свою жизнь) и др.;

укр. *заспокоюватися чим-н. / через що-н.* ‘успокаиваться чем-л., из-за чего-л.’ (← *заспокоювати кого-н. чим-н.* (например, словами, вчинками тощо) ‘успокаивать кого-л. чем-л. (словами, поступками и т.д.)’), *визнаватися перед кимось* ‘признаваться перед кем-л., кому-л.’ (← *визнавати що-н. перед кимось* (например, провину, правду, факт тощо) ‘признавать что-л. перед кем-л. (например, вину, правду, факт и т.д.)’ и др.;

англ. *to admire oneself for smth.* ‘восхищаться собой из-за чего-л.’ (← *to admire smb for smth.* ‘восхищаться кем-л. из-за чего-л.’), *to compare oneself with smb. / smth.* ‘сравнивать себя с кем / чем-л.’ (← *to compare smb. with smb. / smth.* ‘сравнивать кого-л. с кем/чем-л.’), *to comfort oneself with smth.* ‘утешить себя чем-л.’ (← *to comfort smb. with smth.* ‘утешить кого-л. чем-л.’) и др.;

нем. *sich j-m aufdringen / aufschließen / anvertrauen / erklären* (gehob.) ‘навязываться / открыться / довериться / объяснить кому-л.’ (← *j-m etw. aufdringen / aufschließen / anvertrauen / erklären* (gehob.) ‘навязывать (дружбу, любовь) / открыть (сердце) / доверять (тайну) / объяснять кому-л. что-л. (свое мнение)’ и др.

9. Выводы

9.1. Под РГ с *полной однореферентностью актантов* понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых происходит элиминация (опущение) второго референта (лицо) и совмещение у первого референта одновременно двух семантических ролей – субъекта действия и объекта действия.

9.2. Под РГ с *частичной однореферентностью актантов* понимаются производные рефлексивы, в референтной структуре которых элиминируется (опускается) второй партитивный референт (= отчуждаемая / неотчуждаемая часть субъекта), а первый референт выступает одновременно в двух семантических функциях – субъекта действия и объекта действия.

9.3. У РГ с *полной однореферентностью актантов* РЭ прибавляет к значению исходного НГ смысл *себя*, маркируя полное совпадение референтов субъекта и объекта действия (т.н. собственно-рефлексивное значение).

9.4. У РГ с *частичной однореферентностью актантов* РЭ метонимически обозначает частичное совпадение референтов субъекта и объекта действия (т.н. посессивно-рефлексивное значение).

9.5. РГ с *полной и частичной однореферентностью актантов* обнаруживают в английском, немецком, русском и украинском языках два основных типа диатез: 1) двухвалентный НГ → одновалентный РГ, который характеризуется элиминацией второго референта и изменением в ролевой структуре первого референта, совмещающего одновременно роль субъекта (агенса) и объекта (пациенса); 2) трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ, который характеризуется элиминацией второго референта, изменением в ролевой структуре первого референта и сохранением референтной, семантической и синтаксической структуры третьего участника рефлексивной ситуации.

9.6. РГ диатезного типа «двухвалентный НГ → одновалентный РГ» часто образуются в сопоставляемых языках от НГ, обозначающих физические действия субъекта с одушевленным объектом или неодушевленным объектом (обычно часть тела, одежда человека).

9.7. РГ диатезного типа «трёхвалентный НГ → двухвалентный РГ» мотивируются часто НГ, обозначающими: а) физические действия субъекта над своим телом с использованием определенного инструмента или средства; б) межличностные отношения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. I.

Лексическая семантика. 472 с.

2. Басыров Ш. Р. Немецкие рефлексивные глаголы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ленинград, 1988. 20 с.

3. Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Изд-во «Ноулидж» (Донецкое отделение), 2014. 562 с.

4. Генюшене Э. Ш. К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 160-184.

5. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.15, 10.02.20. Вильнюс, 1983. 393 с.

6. Генюшене Э. Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. 168 с.

7. Недалков В. П., Генюшене Э. Д. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 19. С. 3-19.

8. Падучева Е. В. Диатеза как метонимический сдвиг / ред.: В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко. М.: Знак, 2004. 536 с.

9. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.

10. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. М.: Наука, 1979. 304 с.

11. Храковский В. С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. С. 5-38.

12. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

13. Юшкова С. О. Реципрокальні дієслова та їх конструкції у німецькій та українській мовах: автореф. дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.17. Донецьк, 2013. 21 с.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Аст-пресс, 1999. 698 с.

2. Білодід І. К. Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. К.: Наукова думка, 1970-1980. Доступ: http://ukrlit.org/slovyuk/slovyuk_ukrainskoi_movu_v_11_tomakh. (дата обращения: 26.09.2017).

3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.

4. Корпус текстів української мови MOVA. info. Доступ: <http://www.mova.info/corpus.aspx>. (дата обращения: 26.09.2017).

5. Национальный корпус русского языка RusCorpora. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/>. (дата обращения: 26.09.2017).

6. Чернышев В. И. Словарь современного русского литературного языка: в 17-х т. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.

7. Cambridge Dictionary. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. (дата обращения: 26.09.2017).

8. Duden Online Wörterbuch. Доступ: <https://www.duden.de/>. (дата обращения: 26.09.2017).

9. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. Доступ: <https://www.dwds.de/>. (дата обращения: 26.09.2017).

10. Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig 1980. 458 S.

11. Merriam-Webster Dictionary. Dictionary by Merriam-Webster: America's most-trusted online dictionary. Доступ: <https://www.merriam-webster.com/>. (дата обращения: 26.09.2017).

12. Oxford English Dictionary (OED). Доступ: <https://www.oxforddictionaries.com/>. (дата обращения: 26.09.2017).

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D (1995). *Izdranniye Trudy* [Selective works]: v 2-kh t. 2-e izdanie ispr. i dop. Moscow: Schkola "Yazyki russkoy kultury", Vostochnaya literature, RAN. T. I. Leksicheskaya semantika. 472 p. (In Russ.).
2. Basyrov, Sh. R (1988). *Nemetskiye refleksivnye glagoly* [German reflexive verbs]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Leningrad. 20 p. (In Russ.).
3. Basyrov, Sh. R. (2014). *Slovoobrazovanie glagolov s refleksivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii* [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).
4. Geniušienė, E. Sh (1981). K teorii opisaniya refleksivnykh glagolov (na materiale litovskogo yazyka) [On a theory of describing reflexive verbs in Lithuanian language]. In *Zalogovye konstruktsii v ranznostruktrnykh yazykakh*. L.: Nauka. Pp. 160-184. (In Russ.).
5. Geniušienė, E. Sh. (1983). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in Baltic languages and the typology of reflexive verbs, the thesis]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.15, 10.02.20. Vilnius. (In Russ.).
6. Geniušienė, E. Sh. (1984). *Refleksivnye glagoly v baltiyskikh yazykakh i tipologiya refleksivov* [Reflexive verbs in Baltic languages and the typology of reflexive verbs]. Vilnius. (In Russ.).
7. Nedyalkov, V. P., Geniušienė, E. Sh. (1985). Refleksivnye konstruktsii baltiyskikh yazykakh i tipologicheskaya anketa [Reflexive constructions in Baltic languages and a typological form]. In *Refleksivnye glagoly v indoevropayskikh yazykakh*. Kalinin: Indatelstvo Kalininskogo Universiteta. Pp. 3-19. (In Russ.).
8. Paducheva, E. V (2004). Diateza kak metonimicheskiy sdvig [Diathesis as a metonymical shift] / red.: V. S. Khrakovskiy, A. L. Malchukov, S. Yu. Dmitrenko. Moscow: Znak. (In Russ.).
9. Paducheva, E. V (2004). *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexis]. Moscow: Yaziki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
10. Kholodovich, A. A. (1979). *Problemy grammaticheskoy teorii* [The problems of grammatical theory]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
11. Khrakovskiy, V. S. (1981). Diateza i referentnost (K voprosy o sootnoshenii aktivnykh, passivnykh, refleksivnykh i retsiproknnykh konstruktsiy) [Diathesis and referentiality (On active, passive, reflexive and reciprocal constructions)]. In *Zalogovye konstruktsii v ranznostruktrnykh yazykakh*. L.: Nauka. Pp. 5-38. (In Russ.).
12. Chafe, W. (1975). *Znachenie i struktura yazyka* [Language and consciousness]. M.: Progress.
13. Yushkova, S. O. (2013). *Retsyprokalni diyeslova ta ikh konstruktsii u nimetskiy ta ukraynyskiy movakh* [The reciprocal verbs and their constructions in German and Ukrainian]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.17. Donetsk. (In Ukr.).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Babenko, L. G. (1999). *Tolkovyy slovar russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisaniye Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Dictionary of Russian verbs. Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms]. (In Russ.).
2. Bilodid, I. K. (1970-1980). *Slovnyk ukraynskoy movy* [The dictionary of Ukrainian in 11 volumes]: v 11 tt. / AN URSSR. Institut movoznavstva; za red. I. K. Bilodida. K.: Naukova dumka. Available at: http://ukrlit.org/slovnyk/slovnyk_ukrainskoi_movy_v_11_tomakh. (accessed: 26.09.2017). (In Ukr.).

3. Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar russkogo yazyka* [New Russian dictionary]. M.: Russkiy yazyk. (In Russ.).
4. *Ukrainian National Corpus MOVA.info*. Available at: <http://www.mova.info/corpus.aspx>. (accessed: 26.09.2017). (In Ukr.).
5. *Russian National Corpus RusCorpora*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 26.09.2017). (In Russ.).
6. Chernyshev, V. I. (1954). *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The dictionary of modern Russian literary language]: v 17-kh t. M.-L.: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR.
7. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. (accessed: 26.09.2017).
8. *Duden Online Wörterbuch*. Available at: <https://www.duden.de/>. (accessed: 26.09.2017).
9. *DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart*. Available at: <https://www.dwds.de/>. (accessed: 26.09.2017).
10. Helbig, G., Schenkel, W. (1980). *Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben*. VEB Bibliographisches Institut, Leipzig 458 S.
11. *Merriam-Webster Dictionary*. Dictionary by Merriam-Webster: America's most-trusted online dictionary. Available at: <https://www.merriam-webster.com/>. (accessed: 26.09.2017).
12. *Oxford English Dictionary (OED)*. Available at: <https://www.oxforddictionaries.com/>. (accessed: 26.09.2017).

Писарева Виктория Вадимовна – аспирант
кафедры германской филологии
(e-mail: victorija.pisareva@yandex.ru),
Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет»
283001, Донецк, ул. Университетская, 24

Pisareva Viktoriia V. – Postgraduate Student
of Germanic Philology Department
(e-mail: victorija.pisareva@yandex.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 09 октября 2017 г.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

УДК 3783.147:811.111

© 2017 G. V. Merkhelevich

PRINCIPLES OF ESL TEACHING TO UNIVERSITY PROFESSORS AS SEEN BY NATIVE AND NON-NATIVE EDUCATORS

This paper is concerned with the core principles of foreign language teaching / learning methodology intended for getting non-native university professors and instructors to be able to deliver their classes to students in a foreign language. The core target teaching and learning principles belonging to the ESL methodology in question are described. The consideration of the principles is preceded by the review and analysis of educators of the Western and former USSR countries dealing with the problem. Among the methodological approaches and techniques described there are those of getting the learners adapted to L2-based reading of simplified fiction and non-fiction texts belonging to areas of their non-professional interests, as well as concepts of measuring the extent to which the foreign language is expected to be used by the learners in their everyday life outside the classroom to practise their language skills. A two-level language teaching / learning programme is analysed as a part of the methodological approach.

Key words: educational programme, principle, foreign language, communication, language acquisition, language learning, language teaching, learning objective, research, ability, skills, usage, use.

© 2017 Г. В. Мерхелевич

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ УНИВЕРСИТЕТОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ИСПОЛНЕНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФИЛОЛОГОВ

Данная статья посвящена основным принципам формирования процесса обучения иностранному языку преподавателей высших учебных заведений с целью их подготовки к организации учебного процесса на иностранном языке. С этой целью рассмотрены ключевые из методологических принципов организации процесса обучения иностранному языку преподавателем и овладения языком обучающимися с предварительным анализом этой проблемы зарубежными специалистами и их коллегами из постсоветского пространства. В статье описаны методологические подходы и педагогические приемы освоения обучающимися навыка упрощенного чтения на осваиваемом иностранном языке художественной и научно-популярной литературы, принадлежащей к тематической области их личных общекультурных интересов и увлечений. Кроме того, приведено описание способов определения степени владения обучающимися иностранным языком, необходимой для самостоятельного практического применения иностранного языка в повседневной жизни обучающегося, а также пути сохранения обучающимся этих навыков в после завершения процесса обучения. Описана разработанная автором двухуровневая образовательная программа как основная часть применяемого методологического подхода.

Ключевые слова: образовательная программа, принцип, иностранный язык,

общение, овладение языком, обучение языку, цель обучения, результат обучения, исследование, способность, умения и навыки, изучение опыта применения языка, приобретение собственного опыта применения языка.

1. Introduction

A need to find an effective way for teaching foreign languages to university professors has been motivated by a challenging possibility for technical universities in Donetsk People's Republic to start providing higher education services to international students who apply for various educational programmes offered by local higher educational institutions.

Being part of the educational services offered for international students in English by national universities, Donetsk National Medical University of Maxim Gorky (DonNMU) has been increasingly widening a range and developing a scope of its educational services. These services were intended for medical students coming from different countries which belong to both English-speaking and non-English-speaking areas in Africa, Asia, and Middle East. Before the teaching staff of DonNMU started to deliver classes in English to international students, they were exposed to English-language classes. The purpose of the classes was to get them prepared for delivering lectures and conducting laboratory classes in English.

In 2002, the *ARPI* ELT and Translation Agency (hereinafter referred to as *ARPI*) entered into a 10-year agreement with the DonNMU university. The main aim of the agreement was to make the university faculty acquire appropriate language skills and knowledge of English. To be able to implement the agreement, we, with *ARPI*, had to prepare at least a 10-year English-language teaching programme. The programme was intended not only for teaching English to university professors but also for making them prepared to deliver lectures and conduct laboratory classes for international medical students in English.

2. Background

Nowadays when education is recognized at the highest EU level as an area for potential cooperation between EU Member States and associate countries, it is a big challenge for the national higher education system to keep competitive with its counterparts from other countries. DonNMU develops a policy intended for the university's more active participation in the Bologna process and the European higher education area. The cooperation in vocational education and training across Europe, enhanced by Copenhagen Process, also requires from DonNMU an appropriate quality of the educational programmes offered. The same refers to activities that, in turn, implies further development of the university academic standards allowing to keep in tune with a new European work programme, the «Strategic framework for European cooperation in education and training (ET 2020)». The DonNMU's English-language based programmes and relevant teaching activities were expected to make it possible for the university

educators to monitor changes and trends of further development, happening or expected to happen in areas of their professional and personal interest.

During a few years of *ARPI*'s practice in teaching general and medical English to DonNMU's professors, we have acquired some experience-based expertise still thought to require further improvement of the learning outcome by making the teaching / learning process more productive. To turn the above idea into reality, some new, not yet used, methodological approaches, techniques and procedures had to be found and incorporated into the teaching / learning process. While in use, these approaches, techniques and procedures were to be analysed and reconsidered, if necessary. To decide on particular constituents of the process, a choice should be made among those already known and used, with new process constituents to be invented and included, where appropriate.

To formulate the principles and measures to be added to the existing teaching process in order to help learners achieve a better output, we need to locate and define pedagogic areas where need for further improvement is felt. Unlike any other teaching processes which are usually scheduled on the content and time basis, with the latter referring to a number of classroom hours, and assessed by the marks or grades the student gains during the final exam, the learning outcome in our case should be evaluated and the length of the learning process measured in quite a different way. Since the main goal of the language teaching process is to make the learner a fluent and qualified English-language user, it also means his / her complete autonomy from the language teacher(s), as well as from anyone else to be referred to for any assistance.

To make a learner achieve the aim the most significant teaching shortcomings should be identified, with possible ways to find them. From our earlier experience, we know that there were some serious teaching shortcomings not of linguistic but psychological origin. Firstly, it refers to the learner's being likely to lose the skills and knowledge he / she has acquired in the classroom, during intervals between the classes. Therefore, one of the main responsibilities of the teacher(s) was to enable the learner to avoid losing the skills mastered and knowledge gained, during the class-free time intervals, by filling them with the language to be used for pleasure and relaxation purposes.

Secondly, it has to be provided that the learner maintains his / her language skills and knowledge by practising them alive after a particular course of study has been over. To make that possible, the English language should become an integral part of the learner's everyday life as a gateway to and means of new pleasure-generating and relaxation-intended information. That information allows the former-by-then learner to keep the language alive that, in turn, will keep him able to use his language skills and knowledge for professional purposes, when and where required.

3. On ESL Teaching / Learning Principles Applied

Solving the above problems could facilitate and optimize teaching / learning process. In an attempt to find an appropriate decision to the above problem, we had to study and review a few principles of language teaching. These principles had been formulated by some Western educators, mainly Wilga M. Rivers, and would have to be checked against the approaches, methods and techniques we have been using during ARPI-DonNMU previous cooperation. The principles developed by Wilga M. Rivers', the author of the *Principles in Interactive Language Teaching* book, are as follows: (1) *the student is the language learner*; (2) *language learning and teaching are shaped by the student's needs and objectives in particular circumstances*; (3) *language learning and teaching are based on normal uses of language, with communication of meanings (in oral or written form) basic to all strategies and techniques*; (4) *classroom relations reflect mutual liking and respect, allowing for both teacher personality and student personality in a non-threatening atmosphere of cooperative learning*; (5) *to use a foreign language it is essential to have language knowledge and language control*; (6) *development of language control proceeds from creativity, which is nurtured by interactive, participatory activities*; (7) *every possible medium and modality is used to aid learning*; (8) *testing is an aid to learning*; (9) *language learning is penetrating another culture; students learn to operate harmoniously within it or in contact with it*; (10) *The real world extends beyond the classroom walls; language learning takes place in and out of the classroom.*

W. Rivers' Principle 1: The student is the language learner.

An issue of the student learning being of more importance than the teacher teaching can hardly be considered as a new emphasis. C. Gattegno observed that in teaching we are nurturing in learners inner criteria which help them advance in their learning. «Only self-education», he said, «will lead any learner to the mastery of a skill» [Gattegno, 1972].

This principle puts the correct emphasis on the learner's output as the only goal to be achieved by the end of the teaching process, with the learner being the leading party of it. At a glimpse, this principle looks very simple and understandable, with no comments seemed to be needed. Anyway, a great many of *non-native* teachers do not bother much on whether the learner reaches the goal he / she formulated or not. Most of the teachers still concentrate on the teaching process as such rather than on enabling the learner to become an independent user of the foreign language as a means allowing access to and understanding of the information of his/her interest or need, available in the target language.

This is one of a few problems not very clearly seen by an average *native* educator, due to their being hard to look at the problem with a *non-native* teacher's and / or learner's eye. Another reason

for the above is the fact that every *native* educator, including language teachers and textbook writers are users of the language due to its being their mother tongue. As for the *non-native* teachers, most of them do not even try to become users of the foreign language they teach, even to a limited extent. This happens because of their firm belief that they have to teach the learner the language grammar by just transferring theory-based information. Using this approach, the teachers think that the learner then will be able to develop his / her productive skills on the grammar basis, with no receptive capabilities for understanding speech meanings previously developed.

Another problem refers to the language of instruction. The point is that, since we do not accept any, even limited, use of the mother tongue (L1) in the teaching process, a combined involvement of *non-native* and *native* teachers should take place, due to the former's being unable to step away from the textbook, feeling quite restricted in speaking the target language beyond it in the classroom. Therefore, a *native* teacher, or just *native* speaker, was supposed to be involved in the teaching process, from time to time, so that the target-language atmosphere would be created. This will allow the learners both regularly brush up the speech patterns they learnt before under the *non-native* teacher's guidance and supervision, and to further develop the learners' communicative skills, going beyond their lexicon of speech patterns. The learners can do it, using on their own the phrases the *native* speaker says while linking the textbook-dialogue based part of conversation with short phrases of their own, which are yet new but quite clear to the learner.

W. Rivers' Principle 2: Language learning and teaching are shaped by student needs and objectives in particular circumstances.

As to this principle, we should comment, that – with the idea being a hundred percent right – designing language courses cannot and should not fall within the teacher's responsibilities only. We had it done by a qualified methodologist who had gained some experience as both teacher and teacher trainer, with one or more teachers participating and learning quality primarily monitored by the teacher(s). Such monitoring was followed by summarizing the data obtained, done by methodologists and / or teacher trainers. A core idea kept to about failure, if any, in the language learning was that it is not likely to happen due to the learners being aptitude-free, but because of the teachers' being not properly qualified.

Before commencement of the teaching / learning process, a two-tier program was developed to meet the final objective of each candidate learner, with a detailed syllabus built and included in the programme. The programme consisted of two stages, the one aiming at learning the target language, in our case English, and the other was intended for *ARPI* teachers' accompanying the learners, actually being teachers of medical subjects to the university international students, in their English-

language based teaching activities. Another important thing we had to keep in mind and follow referred exactly to what Wilga M. Rivers mentions in principle 2. This principle tells that the language teacher shall study the learners in their classes carefully, asked or interviewed about their age, background, language-learning goal, aspirations, interests, etc.

We did two things about this principle in a different manner. The first thing was that we added the learner's hobbies to his / her list of inquiry, to be described in every slightest detail to make it clear which types of books or films from our library could be attractive for the learner. This would allow us to start getting him / her increasingly involved in using those resources for pleasure in a relaxation setting. The other thing was that the learner's personal data had been collected before his / her classes began. It was performed under the methodologist's observation and inquiry, with all information to be filled in a questionnaire form to be further kept by ARPI's administrator for common use, rather by any of the teachers. When filled, the form would be then available for each teacher involved in the process to establish a closer contact with and develop a better understanding of each learner in their class.

As mentioned before, the reason we needed to be familiar with the learner's personal interests, or hobbies, was to further help him / her to start using the target language in the field of personal rather than professional interest. This proved to be both belonging to the psychological side of the learning process and being the area within which the learner would be encouraged to use the target language for learning what excites him/her via reading fiction books, watching films, listening to exciting radio plays, etc. Being extremely important, the information about learner's hobbies and areas of special interest had to be possessed by ARPI's methodologists, librarian and administrator rather just by one teacher currently involved in teaching the class. To get learners willingly start to learn things of their personal interests in the target language with no mother tongue used for seeking unknown word meanings, we had to go two different ways at a time. The ways were as follows: firstly, to offer him/her information of their interest and, secondly, to help the learner smoothly develop ability to develop guess-based and monolingual ways of understanding meanings of new words and phrases.

W. Rivers' Principle 3: Language learning and teaching are based on normal uses of language, with communication of meanings (in oral or written form) basic to all strategies and techniques.

We applied this approach to a greatest possible extent with the main purpose to avoid learners' losing their skills and knowledge they had acquired during each preceding classroom session through the input provided by the teacher(s), followed by each learner's intake. To follow this idea and make the objective realistic, a task of filling time intervals between the

classroom sessions had to be carried out. In cases where the learners are full or false beginners, which appears to be very common for those living in a *non-native* community, the only target-language based activity they can do between the classes is listening to some audio materials. The purpose of this was their gradual getting adapted to a strange-language speech, and to start feeling emotionally neutral in a foreign-language setting.

Some more time had to pass before the learners find themselves able to fill the out-of-the-class time with some target-language based activities, such as reading books and papers, watching videos and / or speaking with someone by using whatever sources available from around. When the teaching process would come to its later stages, the learners were expected to possess a certain vocabulary collected during classroom activities scheduled on an everyday basis in order to minimize the time between them.

To follow the idea, a special Workbook was designed to contain both home assignments to each preceding lesson and recommended audio and video materials to be used by the learner in a relaxation setting for pleasure. Even with a number of words and phrases contained in the learner's vocabulary being insufficient to understand the materials to a reasonable extent, the idea behind these activities was to make the learner enjoy what had been seen or watched, with a limited amount of sound information being clear to him / her by then. This is a very important psychological step which allows the learner's getting adapted to arrange target-language filled pastime sessions on a regular basis and make them habitual.

After such pastime activities had become integral part of the learner's routine, with a substantial number of speech patterns and common words already contained in the learner's lexicon, a one- and, later, two-day intervals were put between each lesson. By then, the learner was supposed to get stuck to the pleasure-generating learning activities based on the target language use. Later on, reading simplified, or graded, fiction books, along with attending *ARPI's* cross-cultural speaking club's sessions were included in the learner's relaxation menu to be held on a regular basis.

To conclude from the above, we may argue that the only conditions to maintain normal use of the target language, based on communication of meanings, are those that make the learner feel comfortable when involved. Otherwise, the objective could hardly be recognised possible to reach or even realistic by its nature.

W. Rivers' Principle 4: *Classroom relations reflect mutual liking and respect, allowing for both teacher personality and student personality in a non-threatening atmosphere of cooperative learning.*

Being entirely different from any other subjects and disciplines, the language teaching / learning process was understood to be focused first on mastering communication skills rather than gaining knowledge of the language theory. The former was primarily related to developing two first-step skills: *understanding* and *speaking*, with those of *reading* and *writing* to follow much later. *Speaking*, as an oral communication skill, allows revealing one's feelings, aspirations and thoughts. Moreover, the classroom teacher-to-learner and learner-to-teacher relations should not only reflect mutual liking and respect, as the principle applies to. These relations, also have to be built on a classmate or partnership basis, with the teacher(s) not being the all-powerful authority in the classroom.

Taking the above into account, we also understood that the teacher-learner relations not only had to refer to the classroom procedures but should also extend to cover out-of-the-classroom learner's self-learning activities. These activities are to be based on English cultural conventions and have to provide the learner with new information of his / her interest.

It was clear that, when in the classroom, the teacher should be the Guide on the Side, not the Sage on the Stage. While trying to stimulate interactive activities, where the whole personality of the learner comes into play, more than just the learner's memory and intellect are to be involved.

Therefore, language learning is to become «a unified personality encounter» [Curran, 1976].

There is another important matter about the subject of the principle, which is not properly felt and understood by the *native* educators and nearly never followed by their *non-native* counterparts.

Referring to whether or not the teacher is a user of the language he / she is teaching, the problem often appears to be one of whose existence the *native* speakers hardly suspect. That happens due to the target language being for them a matter of their routine due to their living in the TL-setting, with TL being abbreviation for target language. It appears to be hard for the *native* speakers even to guess that what is habitual for them turns out to be strange for *non-native* speakers. Being aware of the above as those living in a *non-native* community and seeing the problem clearly enough, we initially tried to alter the mindsets of the experienced *non-native* teachers, encouraging them to turn into a user of the foreign language they teach.

Anyway, it did not take us long to find out that it was easier to build a proper, language-user focused, mindset of younger teachers than to alter that of their experienced, grammar-rule retelling, colleagues. To get prepared for this change by creating proper conditions, we established a collection of a few hundreds of contemporary fiction and other books devoted to various topics. Our next step in HR policy was to use those young teachers who are absolutely free of any previous teaching experience.

Those perfectly fitting our HR approach were language university most recent graduates whom we had been turning first into regular readers of books, watchers of videos in the target language, with the resources available from our library and from the Internet. To go farther, we organized a cross-cultural speaking club involving the native speakers visiting the city as guests or living in it as the university students or contractors. Since then, those resources have been of regular use by both our teachers and our clients / learners, encouraging both to grow as the target language users.

On the basis of the above it may be said that, when added to mutual liking and respect in the classroom, based on proper manners of both parties engaged in the teaching / learning process, the teacher(s)' ability to use the target language could be considered a core resource for creating a comfortable atmosphere of cooperative learning.

It should also be emphasized that the learners must feel comfortable with and about the progress each of them made and new information they have learnt within their interest as individuals, with each of the above positive changes resulting from both learners' effort and teacher's assistance. There could probably be no more reasons to make the adult learner feel happy and being encouraged for further progress in learning.

W. Rivers' Principle 5: to use a foreign language it is essential to have language knowledge and language control.

Following the principle of *language knowledge and control being basic to use the target language*, we made the target language used in different contexts and situations, both in the classroom and out of it, during the learner's pleasure-intended reading and watching video materials in a relaxation setting. Understanding that the language learning had to mean plunging into different experiences by getting the learner exposed to situations where the use of the target language was required, we provided the learners with as many resources for applying their skills as possible.

They included the out-of-the-classroom scheduled activity we were monitoring, with ARPI-allocated resources (books, videos, etc.) available, as well as independent learning activities of the learners' own choice. Used together with the classroom task-based communication activities, those the learner has on his / her own between classes, enable the learner to form a new habit through a new practice in *listening, speaking, watching* films, and *reading* texts. Therefore, we always put emphasis on the target language being in actual use, with the learner's motivation given a particular importance. The latter creates interest and / or need to learn not the language as such but the language-based information, with the target language to be a means offering access to it.

W. Rivers' Principle 6: Development of language control proceeds from creativity, which is nurtured by interactive, participatory activities.

This principle led us to the idea that development of language control proceeds from creativity nurtured by participatory, interactive activities. Since it was common knowledge that learners were unable to express their own meanings in a new language without much experience in doing just that, this type of experience had to be acquired in interactive situations that stimulate the students' motivation to communicate [Rivers, 1990]. Through interactive situations that stimulate the desire to communicate, the learners experienced the use of a new language as an important social skill.

W. Rivers' Principle 7: Every possible medium and modality is used to aid learning.

No comments on this principle are provided due to nearly each of its features being mentioned in other paragraphs of this article.

W. Rivers' Principle 8: Testing is an aid to learning.

According to Wilga M. Rivers, tests should concentrate on enabling all students to demonstrate what they can do with whatever level of language they possess [Rivers, 1988].

With the above in mind, we understood that test results are to be considered and used as feedback to see the teaching shortcomings in the middle of the process, at its different stages. Appropriate corrective modifications would follow and appropriate changes to be made to the course for its repetitive use in the future.

With the above concept behind the principle shared, we had to think of another testing-related problem which is common to the *non-native* community when used to assess the learner's language competence. The point is that, due to some reasons mentioned above, the *non-native* language teacher goes with testing the learners' competence in a foreign language by nearly the same way it is usually used to be done for their mother tongue. Such understanding of what a typical language test shall contain makes them build it on a grammar-check basis, which never reflects the actual state of the learner's communicative abilities every foreign language learning has to be started with. To follow the idea, it became obvious that the tests have to be based on the techniques aiming at communicative testing held in an appropriate manner.

Being wrong, this approach to testing language competence on a grammar rather than on a performance basis is invented and has been followed for decades by the *non-native* teachers, methodologists and teacher trainers. It took place because of their intention to check the learners' knowledge of the language theory and/or grammar against those possessed by the teacher, with no communicative skills included.

Since, in our teaching services, we followed a goal to turn the university professors into English language fluent users, we could not afford to build our final exams and mid-course tests so that they were focused on and limited to assessing level of their grammar knowledge. Therefore, our test included activities which allowed checking how well the basic language skills were developed with each learner being tested.

To avoid the learners' being subjected to the frustrations of a multiplicity of items beyond their knowledge and competence, a reference level of expected skills and knowledge had been found. With this done, actual learners' language performance was checked against it for each of the four skills (*understanding, speaking, reading and writing*), measured on a percentage scale basis.

W. Rivers' Principle 9: Language Learning is penetrating another culture; students learn to operate harmoniously within it or in contact with it.

To follow this principle, cultural activities and objectives should be incorporated into lesson plans. The purpose of this was to enrich and inform the teaching content, with the target language and the cultural values, reactions, and expectations of speakers of that language being subtly melded. In connection with the above, C. Gattegno says that «only when one is really imbued with the literature or soaked in the environment of the people using the language can one express oneself in speech or writing as a native would. It is the spirit of a language that has to get hold of one's mind» [Gattegno, 1972].

A serious problem related to this principle lies for *non-native* educators in the word *culture*. The point is that in Russian, Ukrainian and probably some other Slavonic languages there is a word, pronounced as *cultura*, whose most common meaning refers to *art, music, literature*, and related *intellectual* activities [Merriam-Webster Collegiate Dictionary, 2004].

The meaning of the English word *culture*, when used in the language teaching / learning context, is defined as the *way of life*, especially the general *customs and beliefs*, of a particular group of people at a particular time [Hornby, 1976]. In the Russian and Ukrainian languages, a different word is used to cover this meaning. Therefore, the meaning of the English word *culture* is often confused by Russian and Ukrainian speakers for that of the word *cultura*, with their true meanings being quite different. Belonging to so-called *false friends of translators* and taken by *non-native* speakers for granted in its wrong meaning, this word gives rise to a risk of complete discrepancy-based misunderstanding of its meaning by those *non-native* speakers who happen to come across it in ESL books and articles. When this happens, the *non-native* educators interpret the cultural events / conventions as activities connected with visiting art galleries and / or theatres, getting familiar with English classic literature, famous historical places, like

Westminster Palace, Tower and the like. As a result, that makes the *non-native* teachers believe that their responsibilities mainly refer to target language *usage* rather than of its *use*.

Understanding the above problem, we did to keep to the true meaning of the words *culture* and *cultural* while designing the syllabus and organizing the classroom activities. While doing that, we used authentic sources from the native speech community with the purpose to engage learners in authentic cultural experiences. These sources included fiction books, films, news broadcasts, television shows, Web sites, quotations, and some other printed, video and audio materials, with role play used to act out miscommunications based on discrepancies between the *native* and *non-native* cultures.

Apart from the above, our methodological approach to training medical university teachers in using English for their professional purposes was not only based on getting them taught the English language but on adopting a culturally different style of interaction, both contentwise and mannerwise.

We needed to get the learners to learn different pragmatic routines, such as ways of opening and closing conversations, taking turns, and so on.

As our learners, accompanied by *non-native* teachers, came into a closer contact with the another culture, they began to recognize systematic patterns of beliefs and behavior. This made them soon find out that what may appear to be exotic, discrete acts or ways of expressing oneself are in fact manifestations of societal subsystems (e.g., maintaining a hierarchy of respect or rejection of discriminatory distinctions; dislike of vanity, bombast, or servility; deep-seated needs for individualistic expression or a tendency to take refuge in group conformity).

These linguistic and pragmatic reactions, even in the form of verbal formulae, could not be learned piecemeal; they needed to be acquired in culturally probable situations. At later stages of our teaching activities, with more pedagogic experience acquired, we created a new educational programme intended for lifelong learning, with its first stage called *Understanding and Being Understood*.

The situations included in the First Stage textbooks were those containing common cultural conventions input and role play activities based on their contents. These books also include out-of-the-classroom relaxation-setting activities which have been designed as ways to bring more English-based culture to the learner's mind and memory. This was to be done via cultural conventions he / she observes in the sources of visual and audible information used for pleasure.

Our approach to teaching a foreign language was based on the idea that the language teacher may not be much more experienced and older, as well as he / she should not be a guide to interpretation because the learner has to be allowed to develop his / her own, initially primitive

(«black-and white»), understanding of what is seen or heard, with no assistance or guidance from outside. Then, after a while, the learner's understanding of the same material seen or heard again turns out to be more complete due to its being based on a wider vocabulary gained by then through the learner's in-classroom and out-of-the-classroom activities. Further on, the growing «active» and «passive» lexicon of the learner will allow him understand a growing percentage of the same information. As this takes place, more and more pieces of its «black-and-white» impressions will be replaced with those gaining colours to be then more detailed and better understood.

Within the teaching curriculum, the discussions held at *ARPI*'s cross-cultural speaking club were to enable the medical learners to get adapted to different accents of those their potential future students of different nations who currently take part in the club sessions. This technique allows the medical teachers to feel more comfortable when lecturing or delivering practice classes to international students of different nations. It also brings higher the degree of mutual understanding between the two parties, the language teacher and the learners, which is highly likely to result in better learning outcome of the teaching process.

W. Rivers' Principle 10: The real world extends beyond the classroom walls; language learning takes place in and out of the classroom.

This principle leads us immediately above, to Principle 9, and refers to developing with the learner a habit of using the target language as a gateway to information of his / her interest, with the personal interest being of a priority over the professional need.

In addition to the above principles, we had to formulate some new principles that were successfully used, along with those discussed above.

G. Merkhelevich's Principle 1: Importance of regular use of how-and-why wonder and simplified fiction books in teaching.

Following this principle allows abandoning traditional methodological approaches and teaching methods in order to develop the learner's interest to the target language as a means of access to new wanted and / or being-of-interest information. The principle formulates laws and rules of indirect creation of an appropriate interest, with its core based on the learner's willingness to discover new information contained in «how-and-why» wonder and fiction books.

Given the learners regularly read simplified «how-and-why» wonder and fiction texts, it enables them to develop feeling of inner emotional comfort. This feeling is followed by their interest's being transformed into and resulted in a willingness to learn what is new or unknown. When arousing towards learning new information, such interest causes learner's genuine enthusiasm for learning, with the target foreign language changing its role from the object of learning to the means of learning. The extent to which the content of the above materials have

been understood and absorbed by the learner directly depends upon the degree to which their text has been simplified.

From a didactic point of view, any particular text should be simplified to an extent matching the learner's vocabulary, reading skills as well as falling by topic within an area of his / her interests. All that allows the learner to understand in a true way the grammar forms that the text contains. On the other hand, the grammar forms contained in the simplified texts shall be clearly structured, meaningful and sound attractive. As the learners' vocabulary and knowledge progress in growth and reading English texts becomes a habitual everyday activity, the simplified texts will be gradually replaced by those increasingly less simplified.

Reading simplified texts enables the learner to acquire basic skills in reading English texts of different language complexity and topics. Moreover, as more experience in using this fundamental knowledge for practical purposes is gained, the university teacher, the learner, is able to grasp meanings of various English cultural conventions to a nearly full extent. Further on, these abilities will be transformed into appropriate skills which allow the learner to apply them without knowing it or thinking about it.

To conclude, getting reading of simplified English how-and-why and fiction texts habitual for the university teachers enables them to develop their communication competence.

G. Merkhelovich's Principle 2: Culture-based foreign language learning makes career growth possible.

This principle is intended to encourage physicians who will attend in-service foreign-language training courses to concentrate on planning their further professional growth on both short-term and long-term bases. Designing the short-term and long-term language training programmes for medical university teachers fell within responsibilities of *ARPI*, an English-language teaching contractor.

As the teaching contractor, *ARPI* ELT agency was supposed to choose appropriate English-culture items to be included in the syllabus as well as to assess both levels of the learners' initial language knowledge and skills, along with their ability to participate in common English cultural conventions. Only with this done, the English teaching curriculums to be designed for the medical university teachers on an individual basis would differ from one another by the syllabi contents as well as by teaching methods and techniques applied. It was to be understood by the learners that having a good command of a foreign language opens a wide and promising prospects for their career growth as the medical university teachers. This meant that they would have first-hand access to any international information of their interest, available

in the target language. Apart from the above, there also would be a possibility opened for them to exchange experiences with their colleagues from abroad.

G. Merkhelevich's Principle 3. *To maintain the ability of medical university professors to deliver classes in a foreign language certain conditions are to be created as necessary and sufficient.*

To put this principle into life, appropriate conditions had to be created for their joint use. Creating necessary conditions for in-service language teaching of the medical university professors should cover the following: getting the professors feeling their being prepared for delivering studies in their subjects in the foreign language, as well as identification of the factors which were favourable to their being prepared. (Included should be such skills that would not only allow for high quality of the university teachers activity but also allow them to engage into foreign-language based information exchange.)

To achieve the goal, efforts of two parties should be brought together, that of the teaching party and that of the university professors, as the learners. With this done, it should also be remembered that the total effort of the two parties would always be kept in equilibrium, so with the amount of the teaching party effort decreasing as the cause of the learners' growing.

G. Merkhelevich's Principle 4: *A language teacher's personal interest in the target language use is a means to satisfy the teacher's professional and non-professional demands.*

This principle corresponds to the following statement of L. Bloomfield: «The command of a language is a matter of practice. ... practice everything until it becomes second nature» [Bloomfield, 1942: 16]. Nevertheless, this principle encourages language teachers to improve their professional competence along with their intelligence. By this is meant that new challenges which the teachers would happen to face could be only tackled by applying new approaches and unusual effort.

While putting this principle into life, a language teacher has to turn into a researcher who has his / her personal interest in designing and developing new methods. These methods will allow getting a good command of the foreign language by medical university professors. When done with a proper outcome arrived at, the research brings certain satisfaction to the language teachers involved and encourages them to enter new innovative activities.

The methodological problems *non-native* foreign language teachers might face to resolve require them to be fluent users of the language, that is actually not often so. To be a regular and fluent language user should be a prerequisite for further getting a language teacher in the teaching practice.

The main point about this is that the learning outcome set for each university teacher is his / her becoming a user of the target language, with appropriate skills to be transferred to

him / her by language teacher(s), with the learner's being familiar with the language theory and / or being knowledgeable of its grammar never considered to be sufficient. To proceed, the skills to be transferred to the learner have first to be possessed by the teachers(s). By that the teacher's being a language user is meant. Otherwise, the teaching / learning process would look just like a tour across the language, with high impressions but no skills arrived at by the learner's on completion of the course of study.

G. Merkhelevich's Principle 5: *A two-tier methodological approach to teaching a foreign language to medical university professors.*

This principle is based on a two-level approach to teaching foreign language to medical university teachers through a two-tier educational programme which allows for combining foreign-language and professional cultures. The main criterion for the language teaching party to rely on this principle would be how well the university teachers would be later understood by their international medical students.

Stage 1 of the programme is aimed at developing communication skills and abilities with the learners, within *everyday* and *non-technical* academic topics. To reach the goal, communication skills and abilities are to be developed with the learners. Stage 2 of the programs is intended for getting the university professors prepared for delivering both lectures and practice classes to the university students. This is to be done by a previous in-depth analysis of each particular lecture materials and practice work guidelines, with each class further rehearsed under the language teacher's guidance and supervision before it has been later done for the university students.

G. Merkhelevich's Principle 6: *While teaching a foreign language to a medical or any other professional, the language teacher is not expected to be knowledgeable of the specialized terminology.*

At first glance, this principle seems to be illogical and difficult to apply. Actually, the role of the language teacher shall not cover explaining specialized terminology to the learners belonging to whatever area of specialization. The teacher's responsibility will be limited to helping the learners in developing skills to understand the meanings of any specialized terms he / she comes across in the text, via the definitions offered by the monolingual dictionary of terms belonging to the learner's area of professional activity.

There are two prerequisites for the learner's ability to do that. Firstly, appropriate dictionary-usage skills have to be developed by the learner at the stage when working with texts containing everyday conventions and basic specialty information. Secondly, the vocabulary acquired by the learner before he / she starts working with the specialty information shall be sufficient for understanding new words through the meanings offered by relevant definitions. At

the initial stages of the learner's work with professional materials in target language, that does not exclude the language teacher's assistance which shall only be limited to finding meanings of the general language words used in the definitions.

Conclusions:

On the basis of the above, we may conclude that the foreign language teaching / learning process of the medical university teachers shall be based on the following: 1) observing the principles as the above defined and described makes it possible to get the university professors prepared for delivering classes on medical and medicine-related subjects in the appropriate foreign language; 2) the methodological and pedagogic concepts of the principles in the article prove their being appropriate and reasonable to use these principles for getting professors of other-type technical universities prepared for rendering a full range of educational services in the target foreign language.

REFERENCES

1. Bloomfield, L. (1942). *Outline guide for the practical study of foreign languages*. Baltimore: Linguistic Society of America.
2. Curran, C. A. (1976). *Counseling-Learning in Second Languages*. Apple River, IL: Apple River Press.
3. Gattegno, C. (1972). *Teaching Foreign Languages in Schools: The Silent Way.*, 2d ed. New York: Educational Solutions.
4. Hornby, A. (1976). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, UK: The English Language Book Society and Oxford University Press.
5. *Merriam-Webster Collegiate Dictionary*, Merriam-Webster Inc., 2004.
6. Rivers, W. M. (1990). Interaction as the Key to Communication. In M. A. K. Halliday, J. Gibbons, and H. Nicholas, eds., *Learning, Keeping and Using Language: Selected Papers from the Eighth World Congress of Applied Linguistics*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins. Vol. 1. Pp. 7-17.
7. Rivers, W. M. (1988). *Teaching French: A Practical Guide*, chap. 10: Testing and Assessment. Lincolnwood, IL: National Textbook Co.

Мерхелевич Геннадий Викторович –
кандидат педагогических наук, генеральный
директор (e-mail: info@arpi.com.ua;
forarpi@gmail.com),
Предприятие АРПИ (учебно-методический
центр иностранных языков)
283001, Донецк, Ковалю, 84 / 21

Merkhelevich Gennady V. – Candidate of
Pedagogical Sciences, General Manager
(e-mail: info@arpi.com.ua, forarpi@gmail.com),
The ARPI ELT & Translation Agency
84 / 21 Kovalya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 апреля 2017 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

***Ключевые слова:** разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.*

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

***Басыров Шамиль Рафаилович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24*

***Basyrov Shamil R.** – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001*

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общеязыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общеязыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романья. Лингвистическое наследие III. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (*например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.*).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniyi v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@mail.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Домашний адрес автора (с указанием почтового индекса)		
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Адрес личной страницы в Интернете или сайта (если имеются)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 13 Выпуск 4 (38) 2017

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка О. А. Гринёва

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано к печати 19.12.2017 г. Формат 60x84 1/8
Усл. печ. л. 15,93. Печать лазерная. Заказ № 1145. Тираж 300 экз.

Отпечатано в "Цифровой типографии" (ФЛП Артамонов Д.А.)
г. Донецк. Тел.: (050) 886-53-63